

Послѣдній Министръ

годъ 1917

Наш современник всю жизнь ненавидел коммунистов за то, что те в 1930-х репрессировали его родителей. На смертном одре отца, он дал клятву отомстить ненавистному режиму. Под конец длинной и насыщенной жизни, начавшейся с «подвальной качалки» и закончившейся мощной бизнес-империей, он жалел только об одном. О том, что обещание данное отцу осталось невыполненным. Как отомстить тем, кого уже нет?

И судьба предоставила ему шанс поквитаться. В момент смерти сознание нашего современника перемещается в голову Александра Дмитриевича Протопопова, последнего и самого ненавистного министра внутренних дел за всю историю Российской Империи. Министра, сделавшего свержение самодержавие возможным.

Идёт январь 1917. Канун событий революционного февраля. Близится отречение Николая II. Меньше года остаётся до позорного расстрела самого господина Протопопова.

Что предпримет обновлённый министр? Сумеет ли сдержать данную отцу клятву и не допустить падения Империи?1

Валерий Гуров
Последний министр

Пролог

Говорят, что при выстреле из пистолета в голову, смерть происходит прежде, чем раздаётся звук выстрела. Сегодня он услышал выстрел и даже увидел лицо убийцы. Холодная, ничего не выражающая гримаса.

Бах!

Ещё один — контрольный.

Убийца выстрелил в упор.

Бросил пистолет.

Растворился в темноте улиц.

Достали таки...

Бог, как известно, любит троицу. Два неудачных покушения и вот на третий раз им повезло.

Сознание улетучивалось, просачиваясь как крупинки песка в песочных часах.

Лёжа на холодном асфальте, он видел как по снегу растекается тёплая кровь. Темнело в глазах. Позвонить бы, да руку отняло — не шевелится.

Смерть подступала осторожно.

Будто сама не верила, что настал ее час.

Боли не было.

Позади осталась яркая жизнь, дай бог каждому. Стремительные взлеты, такие же стремительные падения. Он вихрем забирался на вершину пищевой цепочки, был устрашающим хищником для тех, кто оказывался на его пути. Не раз становился преследуемой жертвой, но до сегодняшнего дня играючи обходил охотничьи силки.

И вот настал его час сказать *Nasta la vista*.

Внутри варилось чувство неудовлетворённости — он хотел жить ещё и ещё. Снова испытывать горечь поражений и счастье побед.

Любовь.

Отчаяние.

Радость.

Разочарование...

Все вперемешку.

Он прожил жизнь на полную катушку, без тормозов. Долгую жизнь, и если совершал ошибки, то всегда стремился их исправлять. Не всегда получалось, но когда судьба выбросила его на грязную обочину, он не опустил руки и не сдался.

Не сдался он и теперь, когда смерть тянула к нему свои скрюченные пальцы. Он не довёл дело своей жизни до конца.

Сжало горло.

Стало нечем дышать.

Тело свела судорога.

— Отвали! — зарычал он.

В нем закипела злость.

— Я не закончил, дай мне ещё немного времени...

Не договорил. Яркий свет на миг полоснул глаза. Он зажмурился, стиснув зубы. Но потом ослабла хватка когтей на горле. Пульс застучал в висках тысячей ударов в минуту.

Смерть отступила, будто поняв, что совершает ошибку.

Свет медленно рассеялся.

Стал мягким, согревающим.

Он увидел перед собой совершенно незнакомых людей, одетых странно, как с театрального помоста. Эти люди необычно замерли, как будто кто-то вёл запись и теперь поставил паузу.

«Если можно проснуться в другом времени, и в другом месте, нельзя ли проснуться другим человеком?»

Чак Паланник, Бойцовский клуб.

1917 год, январь 1

Царское село, Александровский дворец.

Зрение прояснялось.

Он увидел, что больше не лежит у входа в здание штаба конгресса Русских американцев, а стоит внутри огромного зала, обставленного дорого и с выдумкой. Так обставляли свои хоромы чиновники на начальствующих должностях, но в отличие от хором чинушей в этом зале все было выполнено со вкусом.

Вокруг размещалось огромное количество зеркал, чередующихся с окнами. На стенах висели десятки, если не сотни золочённых скульптур, резной орнамент...

«Не понял?» — промелькнуло в голове.

Похлопав глазами, он расправил плечи, сделал глубокий жадный вдох спертого воздуха и размял затекшую шею. И вдруг понял, что находится не в своём теле — это тело щуплое, тщедушное, но «молодое». По крайней мере лет так на тридцать моложе собственного тела и его новая оболочка послушно и охотно отзывается на импульсы от нервной системы. На нем двубортный пиджак, как с иголки, но старого покроя, рубашка белая, брюки тоже «муха не сидела». Одежда почти один в один, как у людей вокруг.

Народ в зале начал «оживать», зашевелился, раздались голоса. Кто-то будто бы отжал «паузу» на невидимом пульте и зал пришёл в движение. На нашего героя никто не обратил внимание.

В голове вдруг всплыли воспоминания, причём не свои, а того тела, в котором он оказался по воле случая. И воспоминания эти заставили поёжиться и подобраться, настолько неожиданными и неприятными они стали.

Зовут его Александр Дмитриевич Протопопов, года рождения 1866, месяца декабря, числа 19. Место, где он оказался — Александровский дворец в Царском селе, а собрались здесь по случаю... а вот этого вспомнить не удалось. Память Протопопова только восстанавливалась и хорошего было понемногу. Информация поступала дозированно.

По щекам густо растёкся румянец. Он прекрасно помнил себя прежнего и осознавал себя человеком из 21 века, но при этом припоминал он и то, что положено было знать вот этому Александру Дмитриевичу.

Протопопову.

Последнему министру внутренних дел дореволюционной России.

Наш герой в прошлой жизни немало времени проведший за изучением событий 1917 года, ставшими роковыми для его семьи, искренне считал мерзавцем министра, во многом благодаря которому свершился тот государственный переворот. Из-за Протопова и ему подобных стал возможен приход к власти большевиков, принёсших много горя и репрессий в последующие годы. Потому, встретиться с этим человеком в другой жизни, наш герой не

раздумывая пристрелил бы министра, причём куда быстрее большевиков, потому что не стал бы проводить следствия.

Однако теперь волею судьбы он оказался в теле господина Протопопова, столь несносного и совершенно неуважаемого человека. И это было настолько необычно осознавать, что обычно решительный и действующий без промедлений, наш герой поначалу растерялся и продолжал хлопать глазами, как мальчишка, впервые увидевший обнажённую женскую грудь. Ему казалось, что вот-вот голос Протопопова прозвучит в его голове. Но ничего подобного не происходило. Его встречала новая реальность, частью которой он стал несколькими минутами ранее.

Однако не был бы наш герой тем человеком, кем являлся в прошлой жизни, кто чувствовал себя в криминальных 90-х как рыба в воде, не умеи он взять себя в руки в нужный момент. Александр, а именно так звали нашего героя в своём новом теле, быстро пришёл в себя и с ходу попытался понять, что по чем в этом зале и кто чем дышит.

Бродил по залу с бокалом с шампанского, так кстати оказавшимся в его руках. Между тем, рожи у некоторых присутствующих на торжестве были такие, будто вовсе не на праздник собрались, а на похороны.

Империю хоронят стало быть, подумал Протопопов.

Другие напротив улыбались, смеялись, все как положено на подобных собраниях.

Многих из них уже теперешний Протопопов узнавал сразу, как будь то церемониймейстеры барон Корф и Толстой, а некоторых припоминал смутно и только на лицо, не по имени. Все с шампанским, многие уже под шафе. Бьются по кучкам, где то перешёптываются, где то в голос говорят, но разговоры все какие-то нехорошие, давящие.

А ещё заметил Протопопов, как странно косятся на него некоторые гости, а стоит посмотреть в ответ или подойти ближе, как тут же отводят взгляды и замолкают, как воды в рот набрали. Не все правда, некоторые напротив начинают говорить ещё громче, будто намерено. Но есть здесь и те, кто при виде Протопопова приветственно поднимают бокалы, здороваются и широко улыбаются. Многие тянут руки...

Александр, осваивающийся в новом теле и в новой роли, поднимал свой бокал в ответ. Кивал, жал руки, но улыбаться не спешил. Голова раскальвалась так, что мама не горюй. Он все больше слушал, вникал, цедя мелкими глотками шампанское из своего бокала.

— Извольте, ничего подобного не слышал, но мне достоверно известно, что английский капитал дал отмашку не кредитовать наши военные предприятия. И происходит это немного, немало под напором слухов о переходе России под финансовую систему американских Штатов. Это настраивает против нас даже лояльную столичную буржуазию в лице банкиров...

Александр остановился, хотел было послушать интересный разговор, но в этот момент к нему подошли.

— Господин Протопопов!

Александр обернулся вполоборота и увидел перед собой мужчину, лет шестидесяти. Худенький, мелкий, узкий в плечах, несмотря на пиджак, в котором он кстати тонет. Но глаза — взгляд выдавал в этом мужчине человека со стальным характером и несгибаемой волей. По своей прошлой жизни наш герой встречал таких ребят, и одного даже довелось потренировать. Легковес, невзрачный на вид, а многих полутяжеловесов борол и бил. Так и этот — смотрит так, что не каждый такой взгляд выдержит. На помощь пришла новая память Протопопова и он понял, что перед ним никто иной, как Павел Григорьевич Курлов. То

бишь сослуживец Протопопова, генерал-лейтенант, бывший некоторое время товарищем министра внутренних дел и даже начальником жандармерии.

— Ваше превосходительство, я вас потерял! — заверил генерал.

Протопопов вымерил его взглядом и судя по тому, что Курлов опустил глаза, взгляд у Александра остался прежний, там в России 21 века мало кто мог с ним долго тягаться в гляделках.

— Напомни ка, чего празднуем, генерал? — спросил Протопопов.

— Торжественная встреча по случаю нового года.

— Года какого?

— Так 1917-й, как восемнадцать часов наступил.

— Где празднуем?

— Александровский дворец...

Курлов отвечал на вопросы без промедления и запинки, как и положено военному человеку. Хотя по лицу его, на котором слегка выгнулась бровь, было видно, что вопросы смутили генерала. Чего бы вдруг господин министр изволит такое спрашивать? Протопопов кивнул в ответ коротко и, теряя к Курлову интерес, пошёл дальше, послушать, что ещё обсуждает народ.

Понятно.

Значит, идёт 1 января 1917 года.

Александровский дворец.

Царское село.

Протопопов, впитывая в себя новую информацию, услышал, как в компании из четырёх человек напротив обсуждают небезызвестного генерала Брусилова, который, по словам говорившего графа Толстого, поднимал накануне шампанское и божился едва не на кресте, что победа России в войне будет одержана уже в этом году.

Протопопова нагнал Курлов, теперь уже с бокалом в руке.

— Кажется сегодня «Родерер»^[1] подают, Александр Дмитриевич. Да и за такие слова, как произнёс Алексей Алексеевич грех не выпить, — сказал он.

— Покрепче что есть? — поинтересовался Протопопов. — Водки хочу.

Сейчас бы жажнуть грамм двести холоденькой... Пил он редко, никогда не злоупотреблял и справлялся со стрессом иначе, даже с недавних пор медитации освоил, но сегодня случай особый, из ряда вон. И голова гудит как с бодуна, а с бодуна вернее всего — похмелиться.

— Так Государь против, велел водку не подавать, — вздохнул Курлов так, будто сам не отказался бы заложить за воротник стопку и быстро облизал губы, отглотнув шампанского.

Протопопов припомнил, что Николай II действительно боролся с водкой с начала Первой Мировой^[2] поэтому только кивнул.

— Сам Государь где?

До настоящих пор Николая видно не было. А поглазеть на живого царя-батюшку ой как хотелось.

Курлов, было поднесший к губам бокал, замер, бокал опустил, покосился на господина министра.

— Так вы же с ним сегодня говорили, перед тем как он в покои ушёл.

Протопопов не ответил. Пошевелил рукой, сжал кулак один другой — как влитое тело. До сих пор с трудом верилось, что вот так обернулось все. Он просил дать ему шанс?

Получите, распишитесь.

Мелковат, конечно, господин министр, непривычно смотреть на народ снизу вверх прирожденному тяжеловесу, но это дело привычек.

Приспособимся.

Будучи человеком внимательным, так сказать по специфике свой «трудовой деятельности», Протопопов заметил, что последние несколько минут на него пялится один из гостей. Высокий лоб, волосы зачёсаны назад и уложены, усики, как у современных полковников ментов на круглой роже. Видно, что не голодает. И рожа такая мерзкая, что ударить хочется. Не сразу, но Протопопов распознал в нем депутата Государственной Думы IV созыва Маркова Николая Евгеньевича. Заметив, что на него обратили внимание, Марков Второй, как его ещё называли тут, засеменил по направлению Протопопова, высоко поднимая бокал.

— Ваше превосходительство господин министр!

Протопопов заметил, как при появлении Маркова у Курлова резко пропало настроение, и он демонстративно отвернулся. Марков не обратил на это внимания, устоялся на Протопопова, который продолжая привыкать к новому телу, и в этот момент широко открывал и затем закрывал рот, одновременно двигая челюстью по кругу. Дождавшись, пока Протопопов кончит разминку, Марков осторожно продолжил:

— Я собственно помимо прочего вот по какому вопросу. Уверен что вам известно и для вас не станет секретом, что князь Львов накануне усилил попытки повлиять на Государя в вопросе создания правительства, ответственного перед Думой, — Марков огляделся, пригладил двумя пальцами свои жиденькие усы и чуть тише продолжил. — Я, как ваш старый друг, так сказать, хочу предостеречь вас господин министр, потому как злые языки говорят, будто князь Львов накануне поручил Хатисову переговорить с его высочеством великим князем Николай Николаевичем.

— И кто говорит? — откликнулся Протопопов.

Марков, видимо поджидавший такой вопрос судя по тому как он вздрогнул, все же ответил сразу.

— Ну как-то слухи в основном, там сказали тут сказали, а я в общем то общую картину составил дабы вам Александр Дмитриевич рассказать.

— Так рассказывай? Че ты мнешься.

Марков Второй снова огляделся, как будто разговаривает он не с министром внутренних дел, а с каким-нибудь забугорным разведчиком, что само собой не понравилось Протопопову. Да и сам Марков ему нравился едва ли, он производил впечатление того ещё жополиза, искушённого и пронырливого. Таких Протопопов на дух не переносил.

— Скажу так, — продолжил Марков. — Я как слышал о слухах, так понял сразу, что на фоне волнений среди их высочеств великих князей, подобные визиты, мягко скажем, настораживают. Тем более его величество великий князь Павел Александрович, ну вы знаете Александр Дмитриевич, наверняка, — замялся Марков. — Он в числе первых, ктс рекомендует сменить вас на посту министра. Да и его высочество великий князь Михаил Александрович ходил к Государю по просьбе Брусилова и Родзянко по тому же вопросу...

Протопопов даже улыбнулся внутренне, внешне то он себе подобные слабости не позволял и давно научился контролировать собственные эмоции, дабы не считали. О Брусилове и о том, что этот генерал ссучился, он знал хорошо. Сейчас же Алексей Алексеевич делал хорошую мину при плохой игре. Поднимает бокалы за победу, а за спиной

заговор готовит, сучья морда.

Протопопов отметил снова про себя, что несмотря на попытки быть полезным, Марков ему совершенно не нравится. Душный и липкий тип. Смотрит, как собаченка преданная.

— Свободен, — строго сказал Протопопов.

— Э... — протянул Марков несколько растерянно, видимо прежний министр давал другую реакцию на подобные доносы. — Просто хотел предупредить, что сюда с минуты на минуту прибудет Родзянко, который принимает во всем этом бардаке самое деятельное участие и никак не уgomонится.

Протопопов в ответ зыркнул на депутата так, что тот сразу ретировался в толпе.

Курлов, молчавший весь разговор, теперь подал голос:

— Деньги казенные отрабатывает, — сказал он, морща лоб, что по всей видимости означало крайнюю степень неудовольствия. — Я бы на вашем месте прекратил давать ему подачки. И посмотрел, как он себя поведёт тогда.

— Вот будете на моем месте, тогда и распоряжаться будете, — Протопопов понюхал по привычке шампанское и махнул одним глотком половину бокала, чем вызвал изумлённый взгляд Курлова.

То ли пить так было не принято господину министру, то ли Протопопов не был привычен в своём предыдущем теле закладывать за воротник.

— Принеси ка ты мне ещё выпить, — Протопопов вручил генералу пустой бокал, чем ещё более обескуражил Курлова, но тот не слушался. Кивнул и отправился за шампанским.

Не то чтобы Протопопов собирался напиваться, хотя с трещавшей по швам головой, это было под стать. Нет, просто хотел избавиться от Курлова и привести в порядок мысли. Мысли старого министра врываются в голову министра нового не так натужно, как в первые несколько минут, и теперь осваивались в сознании куда мягче, но он до сих пор к этому не привык, ощущая определенный дискомфорт.

Однако и без этих мыслей наш герой хорошо знал, кто такой Александр Дмитриевич Протопопов и чем кончилась для него последняя должность министра внутренних дел.

Расстрелом.

Протопопов нынешний не имел ничего против расстрела Протопопова прежнего, ибо считал, что собаке собачья смерть, особенно после того, как Александр Дмитриевич ссучился, начав сотрудничать с новой властью. Но оказавшись в его теле, наш герой твёрдо решил изменить ситуацию. И уж точно не намеревался откладывать дело в долгий ящик. Потому следовало поскорее включаться в события 1917 года тем более, что тебе волею судьбы отведена в них ключевая роль.

Ну а потом двери в Большой зал Александровского дворца открылись и Протопопову, раздумывающему о своём новом положении, сперва показалось, что на торжество вернулся сам Государь, потому что все гости резко замолчали и уставились на вход, разве что не затаили дыхание.

Государь в Большой зал не пришёл, но на пороге появился крупный мужчина больше похожий на советского типичного фрезеровщика из чёрного цеха. Протопопов узнал его сразу и не только благодаря «новой» памяти. Эту наглуую морду он видел не раз со старых черно-белых фотографий.

Родзянко Михаил Васильевич.

Олицетворение борьбы за свободу образца «1917».

И многолетний председатель Госдумы, товарищем которого в своё время являлся сам

Протопопов.

По душе обновлённого министра тотчас растеклось неприятное ощущение. Чувство непомерной брезгливости, как если наступить в кучу навоза. Протопопов аж поджался весь против своей воли — видимо прежний Александр Дмитриевич ненавидел Родзянко всей душой и искренне. И было отчего.

Председатель держался уверенно, широко улыбался и приветственно жал руки гостям.

Протопопов все это время сверлил Родзянко тяжёлым взглядом, который тот нет сомнения чувствовал, но избегал. А министр чувствовал, что между ним и Родзянко^[3] очень много напряжения и недосказанности, что неудивительно, потому как Михаил Васильевич считал министра внутренних дел предателем, подлецом и лжецом, о чем неоднократно высказывался публично.

Председатель подошёл к церемониймейстеру барону Корфу и обер-церемониймейстеру Толстому и принялся с ними что-то живо обсуждать. Потом резко развернулся и пошёл в совершенно противоположную сторону зала. Могло показаться, что он шёл туда лишь для того, чтобы не встретиться с Протопоповым лицом к лицу. Корф двинулся к министру внутренних дел и подойдя виновато, с несколько придурковатым видом улыбнулся.

— Господин Протопопов, вынужден передать вам слова господина Родзянко, который просил вас предупредить, что ему крайне нежелательно ваше общество сегодняшним вечером...

Наверное, Павел Павлович говорил бы и дальше, искусно обученный построению речевых оборотов, но Протопопов мягко отодвинул старика и двинулся напрямик к Родзянко, стоявшему к нему спиной. Не привык Протопопов замалчивать проблемы и копить обиды, так на нервах геморрой может вылезти, как говаривали ему в урологическом кабинете. Поэтому, если Родзянко имеет что против него, то пусть скажет все в лицо. По твёрдому разумению министра, выработанному практикой лихих 90-х, если вопросы появлялись их надо непременно решать. Вот и решил Александр Дмитриевич поинтересоваться — есть ли вопросы у Михаила Васильевича по его душу. Спросить с председателя так, как он умеет и как привык.

Прямо и в лоб.

Поэтому пошёл на пролом к Родзянко и уже приблизился вплотную, когда думский председатель резко развернулся. При виде Протопопова у Родзянко округлились глаза в изумлении, он вскинул руку и отшатнулся от протянутой Протопоповым руки.

— Нигде и никогда!

Рука Протопопова повисла в воздухе. Он сверлил Родзянко глазами.

— Уверены, Михаил Васильевич, я ведь с миром пришёл по первой. Перетереть по нашим вопросам есть желание.

— Оставьте меня, вы мне гадки, — последовал ответ.

Лицо Родзянко исказила гримаса неподдельного отвращения. Протопопов при этих словах опустил руку, но лишь для того чтобы выхватить трость у стоявшего рядом Глинки. Тот растерянно вскинул руки и попятился.

Взмах.

Трость со свистом ударила по толстой заднице председателя Госдумы. Родзянко заверещал, не столько от боли, сколько от понесённого смертельного оскорбления. Подумать только, ЕГО, господина председателя Думы, отхаживают тростью по заднице, все равно что холопа, да ещё на глазах высшего Петроградского света. И кто отхаживает —

ненавистный всем министр внутренних дел, этот Цербер старых порядков, законченный негодяй и безумец.

— Вы... вы... — верещал Родзянко, задыхаясь от возмущения и хватаясь обеими руками за пятую точку, спасаясь.

Ещё взмах.

Новый удар.

Помимо того, что Протопопов покрывал Родзянко несмываемым позором, так ещё трость Глинки как нельзя кстати подходила под задачу. С первого же удара порвала господину председателю брюки на заднице, в клочья. Вторым ударом оставила на белой коже филейной части ярко-красный след, принявшийся растекаться лиловым. Ближайшие несколько дней Родзянко и думать не сможет, чтобы сидеть и даже лежать на спине.

Протопопов взмахнул третий раз, но тут опомнились окружающие. Глинка повис на руке министра. Ещё трое, в их числе Толстой и Бобринский, закрыли собой ошалевшего Родзянко и попытались его оттащить с «линии огня». Курлов и не пойми откуда взявшиеся правый Радкевич и националист Ознобишин повисли на Протопопове. Ему ничего не стоило скрутить всех троих в бараний рог и разбросать бросками, но дело было сделано. Протопопов выбросил трость прямо в графа Бобринского, который вскрикнул от неожиданности. Палка угодила тому прямо в лоб, где у графа тут же надулась шишка. Министр смачно сплюнул на пол, прямо под ноги Родзянко.

— Я его задушу собственными руками! Пустите меня! — визжал Родзянко, извиваясь в объятиях других господ.

— Убью! — завизжал граф Бобринский, следом теряя самообладание.

Теперь уже держать приходилось обоим.

В зале разом повисла гробовая тишина. Все наблюдали за разыгрывающейся драмой и ждали ее окончания. Как так то — мелкий и слабый министр полез на огромного и сильного думского председателя, за которым народная власть. И зацепил к тому же правого националиста Бобринского.

— Уходим Саш, ты чего, — шептал Курлов, оттягивая взбеленившегося министра к выходу.

Протопопов пятился, наступил на оброненные очки Толстого, но все еще переводил с Родзянко на Бобровского испепеляющий взгляд, по злему улыбаясь. И надо признать, что яйца у председателя Думы имелись. Он выпрямился, хотя один Бог знает, каких ему стоило трудов взять себя в руки. Мокрый, взмыленный, со взъерошенными волосами и красными выступившими на бледном лице пятнами.

— Вам это даром не пройдет! — процедил он металлическим голосом, сквозь стиснутые зубы, первым придя в себя. — Мой друг будет у вас завтра в полдень. Я надеюсь, что вы не откажете мне в моем требовании, как некогда отказали Бобринскому!

Что значили эти слова, Протопопов понимал — Родзянко требовал сатисфакции. И открыто указывал на то, что по его разумению, Протопопов избежал дуэли с графом Бобринским, который имел неосторожность назвать министра холопом под шумные аплодисменты думского большинства 19 ноября 1916 года. Именно Родзянко не дал тогда Протопопову сказать слова с думской трибуны в своё оправдание и ответить на клевету и нападки. Дуэль не состоялась по той причине, что Протопопов нашёл письменные объяснения графа Бобринского исчерпывающими и достаточными.

Сам граф сейчас наблюдал за происходящим с явной усмешкой в своём взгляде. Он, по

всей видимости полагал, что только что Протопопов устроил себе политические похороны и напросился на отставку.

Но чьи похороны предстоят — это только требовалось выяснить. Протопопов в оригинальной истории дважды отказывался от дуэлей и проглатывал оскорбления, теряя свой политический вес на глазах и ссылаясь на невозможность участия в дуэли царского министра без одобрения Государя. Протопопову новому предстояло отстоять свою честь. Понимая, что он не имеет право бросать дуэль без ведома и позволения свыше, следовало спровоцировать конфликт, чтобы дожидаться обратный вызов.

Наблюдать за тем как на его глазах всходит революция, министр не собирался и действовать намеревался крайне решительно, но вовсе не бездумно.

«Если выяснится, что ты не мусор, а честный фраер, дам я тебе денег».

фильм «Место встречи изменить нельзя».

1917 год, январь 3,
Петроград, Набережная реки Фонтанка, дом 57.

— Сколько-сколько, Пётр Карлович, ну ка повтори?

— Дефицит Министерства внутренних дел составляет 6 миллионов рублей, — прокаркал Лерхе, вице-директор и заведующий счетной частью министерства.

Протопопову показалось, что он в первый раз ослышался, когда ему назвали сумму в 6 миллионов рублей дефицита, потому что со здешней связью толком не разберёшь, что говорит собеседник. Но нет же, Пётр Карлович повторил один в один цифры, повысив голос, чтобы слышно лучше было. Да еще так уверенно об это говорил, как будто Протопопов поинтересовался, который сейчас час. На минуточку, если примерно перевести тогдашние деньги в современные деревянные, речь пойдет о порядке 6 миллиардах!

Протопопов, который знал деньгам цену и счёт, аж закашлялся от новых выходных.

Поплохело сразу.

— А теперь ещё раз любезный, ты предлагаешь мне выделить двадцать тысяч рублей Маркову при многомиллионном дефиците? — прорычал Протопопов в трубку.

— Я предлагаю? Извольте не согласиться, это вы велели выделить на Николая Евгеньевича рубли из секретных средства, — ответил Лерхе, судя по голосу, немного смутившись от тона вопроса, да и от самого вопроса тоже.

— Отменить!

— Будет сделано...

Протопопов уже собрался положить трубку и наконец-то прочистить ушную раковину пальцем, потому как от треска из динамика натурально звенело в ушах, но Лерхе встрепенулся:

— Господин министр!

— На проводе!

— Остальным платим?

— Это кому?

— Ну как кому, правым думцам, у нас ведь Марков не один такой, кто из секретных средств кормится.

— Фамилии?

— Господа Римский-Корсаков, Орлов, там у нас списочек согласованный...

— Отменить! И ещё, Пётр Карлович, приказываю подготовить мне детальный отчет по расходованию средств! — рывкнул Протопопов и съездил кулаком по столу, едва чашку с чаем не перевернул.

— Когда нужно подать отчет господину министру?

— Вчера!

— Господин министр, но...

— Отчёт на стол!

Протопопов, не давая Лерхе опомниться, положил трубку с таким грохотом, что телефон аж звякнул, подпрыгнув на столе. Вице-директор ещё что-то болтал на линии, когда разговор был закончен.

Вон как оно оказывается — дефицита на 6 миллионов рублей. Прежнего министра это дела или министерство ему уже такое досталось, но такое положение дел не годится никуда. Но оно и не мудрено, если платить по 20 тысяч деревянных Маркову и ему подобным, то за год сумма быстро набегит и растрат никаких не надо.

Протопопов понимал, насколько нелогичным могло показаться для Лерхе решение прекратить финансирование правых думцев, но ничего, свалить можно на Александра Дмитриевича. Как уже успел прознать Протопопов, народ в Петрограде от мало до велика талдычит о «буйстве» министра внутренних дел. Протопопов нынешний успел послушать, что господин министр якобы человек психически нездоровый, бегаёт на четвереньках и лает, как собака.

Вот на биполярочку прежнего Александра Дмитриевича и будем валить все без остатка. Отмену выплат правым, да и другие решения, которые только предстояло принять.

Шиза Протопопова была пожалуй самая обсуждаемая тема на повестке дня в Петрограде, ну а на первом месте всех газет были новости о предстоящей дуэли. «Русское слово», газета которую прежний Протопопов выписал, сообщало:

«По позднейшим слухам, циркулирующим в кругах, близких к Государственной Думе, дуэль А.Д. Протопопова и М.В. Родзянко считается неизбежной»

Газетчики наперебой ломали копыя в рассуждениях — чей вызов примет господин министр. И подавляющее большинство отдавала приоритет Родзянко, потому как графа Бобринского Протопопов боялся и сторонился всячески. Вызов от Родзянко виделся журналюгам чем-то само собой разумеющимся, но все сомневались, что дуэль состоится из-за мелочности и трусости Протопопова, которая была сродни притчи во языцех. Высказывались предположения, что министр внутренних дел прикроется «волей» Государя, чтобы избежать дуэли.

Протопопов, которого разговоры о собственной трусости, мягко говоря не вдохновляли, тяжело вздохнул. В который раз подавил юношеский порыв взять пистолет, поехать к Родзянко, потом к Бобринскому (ну или наоборот) и порешать вопросы на месте. Нет, так здесь проблемы не решаются, это Протопопов успел понять — народ не поймёт, а поддержкой народа неплохо бы заручиться в самое ближайшее время. Как только? Хотел Александр этого или нет, но он попал в тело самого ненавистного министра из нынешнего кабинета правительства.

Протопопова здесь не просто недолюбливали, а ненавидели всеми фибрами души.

Нерукопожатный.

Невхожий.

Распутинец.

Эпитетов, которые охарактеризуют Протопопова в глазах других людей — тысяча. Обычно как бывает — говорят о человеке нехорошо, а ты дели пополам, половина сказанного — ложь и наговоры.

А с Протопоповым, так куда не плюнь — правда. Что не укор, так по делу. За несколько месяцев, что прежний Протопопов пробыл у руля министерства внутренних дел, он наворотил столько дел, что вокруг него не осталось друзей и почти не осталось сочувствующих его курсу. Последнее неудивительно, как такового, курса у министра попросту не было. Он как гавно, всплыл на самую поверхность реки, а оказавшись наверху теперь плыл по течению, не предпринимая попыток что-либо серьезно изменить. И выходит, что не делал ничего толком, а портил все. Это потому что обществу в это время нужны были перемены и оно могло смириться с чем угодно, кроме как с бездействием высшей власти.

«Любовь народную» Протопопов успел испытать на своей шкуре, пробыв не полных два дня в новом теле. И если на момент попадания наш герой понимал, что Александр Дмитриевич — это редкостный подлец и негодяй, исходя из своих прежних знаний, связанных с научными изысканиями по данному периоду. То теперь к нему возвращалась память бывшего Протопопова и все становилось по своим местам...

Да и без памяти все понятно — газеты последних дней, куда не плюнь, пестрили статьями, авторы которых твердили в унисон о надобности немедленной отставки министра внутренних дел и выдвигали требование назначения ответственного правительства.

Но любишь кататься — люби и саночки возить. Протопопов понимал, что получив новое тело не может отделить себя от накуралесившего министра. Тут уж деваться некуда — один бедокурил, другому разгребать.

Ладно, заслужено...

Да и положи руку на сердце, нынешний Протопопов на месте Родзянко тоже не подал бы руку Протопопову прежнему.

Будучи в своё время товарищем председателя Думы (да-да, этого самого М.В Родзянко, с кем будущий министр пребывал в дружеских отношениях на тот момент), Протопопов ездил в числе думских делегатов в старушку Европу и слыл рьяным октябристом, не имея возможности «поправеть» ни по происхождению, ни по части своего материального благосостояния. Больше того, ходили слухи (нынешний Протопопов этого не припоминал, но к нему не вся память вернулась на вечер 3 января), что назначению на должность министра способствовал сам Родзянко, лично хлопотавший за своего друга перед Государем. Ну а дальше закрутилось-завертелось, Протопопов оказался очарован Николаем II и «поправел» не по своему статусу, но по взглядам, что привело к резкому отторжению левых и даже думского центра. Своей сменой политических взглядов Александр Дмитриевич натурально нагадил не только левым, но и самому Государю, стремившемуся назначением октябриста-министра сблизиться с Думой.

Не вышло.

Тут какнул, там, желая того или нет, но позиция «говно в проруби» не довела до добра и аукнулась травлей. Сам Протопопов колебался абсолютно во всем, как в решениях, так и в позициях по тем или иным вопросам. Как итог — львиная часть срочных дел остались подвешены и не доведены до конца.

Достаточно сказать, что сумасшедшим его выставляли с той целью, чтобы хоть как-то оправдать полную политическую импотенцию. Впрочем биполярка Александра Дмитриевича не помогла ему избежать расстрела большевиками. Что называется «и тебя вылечим» господин министр. Резюмируя все, что свалилось в подробностях на голову нашему герою, обновлённый Протопопов пришёл к выводу, что в условиях 1917 года министр внутренних дел подписал себе смертный приговор собственноручно.

И весь сегодняшний день Протопопов посвятил изучению «своих» промахов, вникая в дела. Круг проблем, которые рушились на голову снежным комом, был очерчен более менее четко.

Во-первых, отсутствовал контроль снабжения столицы. Протопопов попытался некоторое время назад исправить ситуацию и хлопотал о смене градоначальника, в результате чего вместо Оболенского был назначен Балк, еще в ноябре. Но и Александру Палычу не удалось продвинуться в вопросе — губернские земства не намеревались отдавать столичное снабжение. Пытался Протопопов протянуть решение о передаче снабжения столицы через 87 статью положения о Думе, но тогдашний премьер Штюммер сделал все, чтобы Государь по итогу отменил собственное решение. По итогу губернские земства продолжали держать Протопопова на коротком поводке в вопросе снабжения Петрограда.

Во-вторых, не сумел Протопопов вывести войска из столицы. Начал Александр Дмитриевич резво, даже добился вывода Петрограда из под административного контроля генерала Рузского. Но командующего округа генерала Хабалова не удалось убедить в надобности отвода из Петрограда частей. Результатом стало то, что фитиль на динамите в виде разношерстных полков белобилетников продолжал тлеть, готовый взорваться при случае. В Петроград не были введены проверенные полки с линии фронта, которые приглашал лично Государь и все ограничилось приездом Гвардейского экипажа, который в ядре своём был настроен антимонархически.

В третьих, у Протопопова не нашлось мужества и внутреннего стержня, чтобы выступить в Думе. Он не стал отражать нападки с трибуны ни как депутат (ему не дал этого сделать Родченко), ни как министр (против выступил Совет министров). Добиваться своего Протопопов не стал. Но взамен решил поиграть мускулами и выпросил у Государя перерыв Думы, а сам отправился в отпуск на Рождество, поставив вместо себя Куколя-Яснопольского. Степана Саныча пришлось отдельно назначать третьим товарищем министра в виде исключения и долго упрашивать, потому как другие товарищи Балыц и князь Волконский от такой «чести» отказались.

В-четвёртых, против господина министра сработало его детище — газета «Русская воля». Тамошняя редакция, создававшаяся как опора, целиком и полностью разочаровалась в господине министре и взятом им курсе, критикуя министерство внутренних дел со своих полос. Нагло и безапелляционно. В чем Протопопов, кстати убедился лично, прочитав сегодняшний выпуск «Русской воли», в котором жестко критиковалась выходка министра в Александровском дворце.

Список можно было продолжать в-пятых, в шестых и дойти до десятичных величин. Поэтому Протопопов ожидал, что старый «багаж» станет следовать за ним по пятам и будет преподносить новые проблемы к уже имеющимся. Он ничуть не удивился, когда накануне звонка вице-директора Лерхе по вопросу финансирования Маркова Второго и других правых, ему было доложено, что в кабинете министров случился раскол. Так выяснилось, что Покровский, бывший без году неделя министром иностранных дел, жаловался на Протопопова Государю, призывал его пойти на уступки по созданию ответственного правительства, а заслышав отказ, просил собственной отставки. Другой красавец, Голицын (этот вовсе был премьером всего несколько дней) вчера был у царя с докладом и доложил о случившемся в Александровском дворце. Тоже просил отставки Протопопова, завершившись поддержкой кабинета... Понятно, что ни тот, ни другой не посчитали нужным уведомить Протопопова о своей возне вокруг министерского кресла и намеривались убрать его в тихую,

в заочном формате. И признаться, Александр был немало удивлён, что при таком нажиме, царь не подписал указ об отставке Протопопова в тот же день. Но Николай II, насколько помнил наш герой из истории, никогда не принимал решение сгоряча. Смущало лишь то, что Государь не вызвал Протопопова на ковёр для разъяснений. Одновременно это наталкивало на мысль, что Государь единственный сохранял рассудок трезвым. Пообщавшись последние два дня с людьми из своего министерства, Протопопов услышал немало кривотолков на тему, что Государь не готов к переменам во время войны и ждёт весеннего наступления союзников, как маны небесной. Якобы по царскому разумению, удачное наступление войск автоматически снизит накал созревших в обществе противоречий, как это случилось 3 года назад.

Кстати, понятно почему в подобной ситуации Англия начала вставлять палки в колёса существующему режиму и через международный банк замораживала кредитование русских военно-промышленных предприятий. В туманном Альбионе не считали возможным допустить победу России с текущим самодержавным режимом, испугавшись взятого русским царём курса на интеграцию с американским финансовым капиталом. Воздух электризовали слухи, что США готовится вступить в войну. Ну и помимо прочего, победа сулила России овладение заветными черноморскими проливами, что в Англии считали недопустимым, хотя сами же и заманили Николая II подобным обещанием в войну... Собака лает, а караван идёт — Государь планомерно готовился к выступлению, для которого готовил плацдарм. Так только сегодня Протопопов узнал, что новым министром обороны назначен господин Беляев, долгое время бывший товарищем прежнего министра Шуваева. По причине подготовки плацдарма к наступлению была сделана перестановка премьера (хотя по нытью Голицына, который даже не попытался выйти на контакт с министром внутренних дел и по его контактам с Родзянко, Протопопов не был уверен, что это верное решение, слишком слаб пожилой князь для 1917 года). Но пожалуй, самым знаковым назначением Государя последних дней стал приход на должность председателя Государственного Совета Щегловитова, бывшего министра юстиции, который ставил перед собой задачу на корню пресечь левые взгляды, вредные и нездоровые для самодержавия. Сам Протопопов полагал, что именно этого человека следовало поставить на должность премьера, но царь старался лавировать по центру между разными политическими течениями и учитывать беспокойства политических направлений.

Другими словами, резюмируя пласт информации, оказавшейся в его распоряжении, Протопопов сделал вывод, что попал в самый центр клубка гадюк. Опыт поиска выхода из непростых ситуаций у Протопопова имелся колоссальный, иначе бы ему ни за что не удалось выжить в жёстких криминальных войнах 90-х. Но и бандиты современной России были ни чета тем людям, которые вращались вокруг престола в самом начале 1917 года. Не было в уголовниках по большей части того дерьма, что в Российской Империи периода заката, встречалось повсеместно. Каждый здесь тянул одеяло на себя и по большей части эти люди виделись Протопопову недоговороспособными мудаками, не имевших ни принципов, ни (если копнуть чуточку глубже) убеждений. Таких в России времён 90-х называли отморозками, и разговаривать синими было особо не о чем, да и незачем.

Только мочить.

Но есть как есть, Александр не намеревался врубать заднюю и думать даже об этом не хотел, зря что ли просил у смерти отсрочки, чтобы довести дело своей жизни до конца. Сейчас у Протопопова появлялся отличный шанс предотвратить то, что впоследствии

привело к гибели его родни. Он вспомнил, как клялся отцу на смертном одре, что отомстит. И вот судьба давала ему шанс сдержать слово. То самое обещание, которое осталось неисполненным в прошлой жизни.

Для себя он твёрдо решил, что распутает клубок гадюк и если надо, то не станет выбирать методов.

Размышляя, весь день, погружаясь в текущие дела с головой, Протопопов совершенно позабыл о том, что на сегодня у него назначена дуэль с Родзянко и графом Бобринским. Именно так, начхав на каноны и правила дуэли, которые здесь было принято соблюдать неукоснительно, Протопопов выразил намерение стреляться сразу с двумя подлецами, чем ошарашил своего секунданта. Протопопов понимал, что для осуществления задумки следует прибегнуть к золотому правилу «меньше знаешь — крепче спишь», поэтому попросил своего секунданта утаить от других участников дуэли это дерзкое намерение. Пусть каждый из них думает, что министр принял именно его вызов.

О близящихся дуэлях Александру напомнил явившийся в его кабинет Курлов, собственно являвшийся его секундантом.

Мокрый, щеки в румянце. Пришлось помотаться по Петрограду, выполняя поручения бывшего сослуживца. Протопопов вымерил его строгим взглядом, поднялся из-за стола, ожидая, когда генерал заговорит. На самом деле удивительно осознавать, что Курлов при том тоннаже фекалий, что выплеснул на генеральскую голову Протопопов, не отвернулся от Александра Дмитриевича, как остальные. Министр в своём духе устроил генералу чехарду при назначении своим товарищем и спровоцировал нападки на Курлова со стороны думцев. Для генерала, не до конца отошедшего после событий, связанных субийством Столыпина, новый град нападков лёг тяжким бременем.

Выдержал, однако.

И стать секундантом тоже не отказал, взамен прежним секундантам времён первого конфликта с графом Бобринским, которые по разумению нашего героя были известны прессе и могли испортить весь план по двойной дуэли.

Протопопов, конечно, смутно припоминал, что Курлов предпринимал попытки уговорить министра внутренних дел покинуть свой пост и ратовал за прогрессивные реформы. Тем более удивительно, что в ссоре с Родзянко он согласился стать министерским секундантом. С другой стороны помнил Протопопов и жгучее желание Курлова распустить Думу, возможно как раз с этим было связано желание генерала способствовать намечающейся дуэли.

— Присаживайтесь, — пригласил Протопопов.

Курлов сел на стул, устраиваясь удобнее.

— Фух, забегался я с вашими делами. Дайте отдышаться.

— Чай, кофе будете?

— Воды, пожалуйста, запыхался я.

Протопопов подошёл к столу, плеснул воды из графина в стакан, протянул Курлову. Дождался, пока тот напьётся. Наблюдая за генералом, вдруг отчётливо припомнил последний разговор со своим тогда ещё товарищем. Курлов, предлагая распустить Думу, указывал на необходимость скорейших реформ, поскольку общественные организации, которые как раз отчасти представляла Дума, в последнее время стремительно набрали популярность в массах. Курлов рассуждал, что роспуск Думы без одновременной публикации законов о наделении крестьян землей и уравнивании населения в гражданских

правах — необходимое, но опасное явление. Если старая память не подводила Протопопова, то следовало согласиться, что генерал мыслит здраво и обоснованно. Однако прежний министр, следуя своей фирменной «логике», оставил предложение сослуживца без внимания.

— Уф, напился, — сказал Курлов и отставил на стол стакан.

— Рассказывайте.

— Ну-с, господин министр, прежде чем начать, считаю важным вам лично сообщить, что если все сложится удачно в намечаемом нами деле, я попрошу у вас новой встречи, чтобы провести серьезный разговор.

— Замётано.

Протопопов знал, что в свете названных выше причин и полного игнорирования пожеланий, Курлов всерьёз рассматривает возможность отставки. Как помнил и то, что в оригинальной истории, генерал подаст в отставку через 2 дня. Наверняка «серьёзный разговор», который просил Курлов был так или иначе связан с этим вопросом.

— Ну, тогда перейдём к нашему текущему делу, с вашего позволения.

— Я уже как минутой внимательно слушаю, когда вы начнёте, — Протопопов выдвинул стул из-за стола, повернул спинкой к Курлову, придвинул стул ближе к генералу и сел на него, опершись руками о спинку. — Весь внимание.

— Итак, как вы и просили, мне довелось разговаривать поочерёдно с секундантами господ Бобринского и Родзянко. Результаты следующие, — Курлов несколько смутился близости Протопопова, что отразилось на его лице сразу в виде вспыхнувшего с новой силой румянца. Потянулся за стаканом с водой, но обнаружив, что стакан пуст, продолжил. — Обе стороны приняли ваше пожелание стреляться на Волковом поле и выдвинули в ответ пожелание стреляться на смерть.

Курлов все-таки поднялся со стула, сделав вид, что не напился и двинулся к графину. Плеснул воды в стакан, сделал несколько глотков для порядка.

— Вкусная водичка у вас.

— К делу.

Генерал сделал ещё один маленький глоток.

— Обе стороны выбрали пистолеты и расстояние в три шага, а Родзянко обозначил, что сильно оскорблён и намерен стрелять из личного пистолета. Оба настроены крайне серьезно и поверьте, Саш, оба готовы умереть.

Курлов, держа стакан, сел обратно на стул и посмотрел в глаза Протопопову.

— Такие дела. Вы как? Не передумали... вы все-таки министерский человек, господин Протопопов, человек государственный. Ладно, Бобринский, но Родзянко, это ведь символ революционных настроений Петрограда. Представьте, какого будет, если господин министр внутренних дел убьёт этот символ своими руками, ну и чем это грозит для Государя...

Протопопов положил руку на плечо генералу и крепко сжал.

— Не передумал, уважаемый, во сколько стреляться будем?

— Предлагают завтра по полудню, — Курлов заметно побледнел.

Возможно, у генерала сохранялась надежда, что конфликт этот не то чтобы разрешиться, но исчерпает себя ввиду государева вмешательства. Однако Протопопов строго запретило вмешивать сюда Государя и что-либо докладывать в Царское село. Что касается Родзянко и Бобринского, оба были обижены и чувствовали себя униженными настолько, что не считали возможным выходом из ситуации любой другой результат, кроме

смерти обидчика.

— Соглашаемся, — Александр кивнул, принимая предложение секундантов стороны противника. — Стреляемся насмерть.

«Какие-то 90 % политиков портят репутацию всех остальных».

Генри Киссинджер

1917 год, январь 3,

Петроград, Набережная реки Фонтанка, дом 57.

Остаток вечера 3 января выдался напряжённым, но крайне продуктивным. Протопопов окончательно привык к новым условиям, которые были безусловно более стесненные, чем там, откуда он сюда попал. Отсутствовал интернет, телевидение, тренажерные залы, а сама жизнь выглядела куда более размеренной и вялотекущей. Все это доставляло энергичному Протопопову определенный и известный дискомфорт, но ни в коем случае не сковывало. Александр, как человек проведший часть своей жизни в местах не столь отдалённых, где жизнь далеко не сахар и по головке тебя никто не гладит, легко адаптировался к новым реалиям и даже находил их не просто удовлетворительными, а подходящими имеющимся задачам. Наверное, любому другому человеку, окажись он на месте Протопопова, долго пришлось бы привыкать к манере общения и тому, что каждое сказанное слово здесь имеет далеко идущие последствия. Тут же нельзя было просто брякнуть ради красного словца, но за базаром Александр привык не только следить, но и за гнилой базар спрашивать. Что касается комфорта, то где наши не пропадали — Александр соорудил прямо в своем кабинете качалку из подручных средств. И охотно занимался в свободное время тем, что приводил свое новое тело в надлежащую физическую форму.

Вечером 3 января Протопопов все больше вспоминал, разговаривал с людьми из министерства и изучал материалы из донесений своего ведомства и из газет. Как человек умеющий отделять зерна от плевел, министр зафиксировал новые выводы. Все эти телодвижения вокруг так называемого Прогрессивного блока, объединившего думских левых, как и возле Думы как таковой — мышьяная возня общественных верхов. И отчасти даже способ отвлечь внимание власти от революции настоящей. Все что могут думцы в своём большинстве — кидать предьявы с трибуны, разоблачать и тд, и тп. Вот только эта суета, начинаясь в думских кругах, по большей части там и заканчивается. Абсолютное большинство населения страны неграмотны в принципе и высеры думских, публикуемые на полосах газет, не воспринимают. У простого народа не хватает тяму разобраться в перемудренных хитросплетениях кадетов и октябристов, хотя последнее время стало модным чтение вслух, рассчитанное на большую аудиторию. Поэтому все их послы, призывы и революционные чаяния не просачиваются к низам, продолжая вариться и впитываться буржуазной верхушкой, коей в процентом соотношении с рабочими и крестьянами — кот наплакал. Составляя большинство на верхах, они являются абсолютным меньшинством в низах, поэтому продолжают вариться в своём соку без толку, и абсолютно безопасны. Считаться с ними, конечно, стоит, потому как Государь последнее время прислушивается к «оппозиции» и даже назначения некоторые проводит ей в угоду, но не более. Думы уже распускали не раз, по всем общественным организациям сидели агенты

министерства внутренних дел... Реальную силу, этакого «спящего гиганта» представляли совершенно другие люди, вот их на буржуазной верхушке было абсолютное меньшинство, зато именно у них не мытьем, так катаньем получалось достучаться к части населения, не охваченной пропагандой буржуазного большинства. Эти сидели в комитетах и народных группах и направляли настроение и градус народных волнений в нужное русло. Причём делали это довольно умело, надо отдать им должное.

К вечеру 3 января Протопопов не просто знал этих людей поименно (знать то он их и до этого знал), но и успел навести справки по каждому. Вся имеющаяся в министерстве информация на лидеров радикалов лежала у него на столе пачкой бумаг.

Васильев, собственно притащивший отчеты Протопопову с недовольной рожей (заставил его Александр Дмитриевич поработать, чего уж там), клятвенно заверил, что «держит за жопу каждую революционно настроенную собаку» и «не даёт им вздохнуть без ведома».

— У нас же там свои ребята повсюду сидят, контролируют, наши о чем беспокоиться, господин министр, — говорил Директор департамента полиции. — Абросимов копает под рабочую группу. Аресты идут полным ходом. Вы же смотрели отчеты, господин Протопопов. Дела идут. Мы держим руку на пульсе революционных настроений.

Васильев положил на стол две толстые папки бумаг: писульки по ряду задержаний, датирующихся периодом 9 — 19 декабря 1916 года и совсем свежее — в ночь на 1 января 1917 года. Протопопов взял их, полистал, выборочно изучил, но наткнулся, между прочим, на отчет Глобачева для Васильева.

Заинтересовался.

Начальник Петроградского охранного отделения сообщал, что, несмотря на произведённые задержания, руководящий комитет социально-демократической партии большевистской фракции уцелел и предположительно готовит попытку проведения демонстраций к годовщине Кровавого воскресенья 9 января.

Заинтересовался Протопопов потому, что накануне прихода Васильева, министру донесли, что в Москву приехал в срочном порядке господин Терещенко из Киева, собственной персоной. Местный «олигарх», тесно переплетённый с общественными организациями, среди прочего — товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. В докладе по Терещенко значилось, что предположительная цель срочного визита — встреча с Родзянко. Протопопов не был уверен, что приезд Терещенко прямо или даже опосредованно связан с конфликтом министра и председателя в Александровском дворце (слишком мало времени прошло). Но понимал, что Михаил Иванович приехал не просто так. Скорее всего, столь неожиданный приезд связан с фигурой Гучкова, старого знакомого Протопопова, некогда близкого друга, а теперь ярого противника министра, который с наступлением нового года мутит воду. И занимался тем, что пытался усилить свои позиции в Петрограде (стоило помнить, что Гучков активно отработывал великого князя Николая Николаевича в эти дни). Впрочем, достоверная причина приезда Терещенко и его возможные последствия, оставались неизвестны для Александра Дмитриевича. Но если здесь действительно замешен Гучков — дела дрянь. Этот бродяга спит и видит переворот вплоть до царубийства.

Протопопов вернул документы на стол и поблагодарил Васильева за службу.

Тот довольный собой спешно удалился.

Картина складывалась.

И пусть все манипуляции шли мимо Протопопова, он понимал, что потребуется время для погружения в ситуацию.

Протопопов задумчиво простучал пальцами по столешнице. Поскольку министр не имел привычки исключать любые даже самые мало-мальски возможные варианты, необходимо быть готовым к тому, что Терещенко явится на дуэль, и они с Родзянко попытаются использовать сатисфакцию, как способ устранения неугодного элемента с политической арены. Министр не знал, насколько распространены здесь подобные методы, но готовым необходимо быть ко всему (наверняка не за просто так Протопопов передвигался по Петрограду в сопровождении охранников).

Окончательно ситуация прояснилась, когда в кабинет министра явился Глобачев с докладом. Причём явился поздно, Протопопов накануне днем велел ему подготовить развёрнутое сообщение по обстановке в Петрограде.

— Господин Протопопов, — Глобачев растеряно и как-то виновато улыбнулся, коротко так. — Не поздно изволю вас тревожить?

— Чего надо?

— Доклад готов, как вы просили. Разрешите доложить!

— Разрешаю, — министр движением брови указал Глобачеву на стул с другой стороны стола.

Тот шажками, шажками и плюхнулся на стул, держа в руках напечатанный на машинке донос на несколько листов.

— Зачитать?

— Валяйте. Хорошо подготовились то?

— Я по-другому не умею, вы же знаете господин министр, — крикнул Глобачев, наслюнявил подушечки пальцев, напялил очки и кашлянув, начал зачитывать с бумаги хорошо поставленным голосом.

Протопопов взял себе чистый лист бумаги, карандаш и приготовился делать пометки. Глобачев удивленно взглянул на эти манипуляции, что указывало по всей видимости на то, что прежний министр работал по-другому.

— Передают, как слух, о том, что накануне минувших Рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания левого крыла Государственного совета и Государственной Думы, — начал Глобачев. — На совещаниях этих был намечен целый список представителей Правительственной власти, пребывание коих на занимаемых ими постах считается нежелательным и об удалении коих якобы постановлено было просить или ходатайствовать пред Высочайшей Властью^[4].

Глобачев сделал паузу, взглянул на Протопопова поверх очков. Тот сделал несколько пометок на своём листе, кивнул — мол, продолжай.

— В какой форме может и должна вылиться подобного рода «просьба» и действительно ли состоялись подобного рода совещания, точно и определенно неизвестно, но, во всяком случае, на эту тему в настоящее время очень много говорят и указывают, что во главе означенного «списка» стоят фамилии члена Государственного совета Щегловитова и Министра внутренних дел. Ваша в смысле...

Глобачев снова сделал паузу, видимо приученный к тому, что Протопопов обычно задавал вопросы в таких вот интересных местах повествования, однако министр снова только лишь накалякал закорючку в своём листе и кивнул — дальше. Глобачев поерзал на стуле, набрал полную грудь воздуха:

— Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи, одинаково, как о намерениях Правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой Власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем «дворцового переворота», предвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении «пресловутого старца».

Глобачев видел, как при упоминание ЕГО, как здесь называли Распутина, Протопопов сделал ещё одну пометку своим карандашом и отчего-то поёжился весь, подобрался.

— Среди подобных хаотических суждений, толков и слухов особенно внимание обращают на себя всюду и везде повторяющиеся разговоры и толки о терроре, как о явлении не партийного характера, а общего. В указанном отношении слухи о вероятных возможностях проявления террора обычно связываются в общественных передовых кругах с вопросом о вероятном при настоящей обстановке окончательном роспуске Государственной Думы...

— Роспуске говоришь? — уточнил Протопопов.

— Так и сказал, — согласился Глобачев.

Министр зафиксировал.

— Настоящий политический момент в сильнейшей степени напоминает собою обстановку событий, предшествовавших революционным эксцессам 1905 года. Как и тогда, все началось с бесконечных и бесчисленных съездов и совещаний различных общественных и земских учреждений и организаций, упорно и повторно выносивших, несмотря на усиленные противодействия Правительственной администрации, схожие резолюции политического характера, резкие по существу, но, несомненно, в весьма малой и слабой степени выражавшие истинные размеры недовольства широких народных масс населения страны. Как и тогда, эти резолюции широко распространяются в населении и, естественным образом, в первую голову и более всего должны воздействовать на неуравновешенные круги молодежи вообще и главным образом учащейся. Как и тогда, результаты подобного рода воздействия сказываются и сейчас. Настойчиво и упорно сейчас утверждают в обществе о предстоящих уже в текущем месяце длительных и резких выступлениях учащейся молодежи, лозунгом каковых выступлений явится протест против настоящей политической обстановки вообще и назначения реакционного министра народного просвещения в частности. Весьма вероятно, что эти студенческие беспорядки в конечном своем развитии увенчаются попытками к совершению террористических актов, хотя бы в отношении нового министра народного просвещения или министра внутренних дел, как главного, по указаниям нашей оппозиции, виновника всех зол и бедствий, испытываемых страной...

Протопопов зевнул, то ли от того, что речь затянулась, то ли от того, что на дворе ночь вступила в свои права. Но карандаш из руки не выпустил. Глобачев начал читать быстрее, без прежней расстановки и явно стал пропускать витиеватые обороты. Он то вообще думал, что доклад господин министр прочитает сам, вот и упражнялся в литературном мастерстве и словесных изысках.

— Как и в 1905 году, беспорядки молодежи найдут отклик в беспокойных рабочих кругах. Забастовки рабочих, их выходы и сочувственное к вышеуказанному отношение

интеллигенции, — все это... — видно было, как Глобачев пропускает если не предложения, то выкидывает из предложений слова и переформулирует на ходу. — Спровоцирует выступления подпольных революционных партий, террор и уличные скандалы и беспорядки в ближайшем будущем. Далее... под влиянием различного отношения левых партий и прогрессивного блока к польскому и еврейскому вопросам перспективы грозных событий рисуются различно: Либеральная буржуазия верит, что, в связи с наступлением перечисленных выше ужасных событий, правительственная власть должна пойти на уступки и передать полноту своих функций в руки прогрессивного блока, и тогда на Руси... «все образуется»; Левые же утверждают, что Власть зарвалась, на уступки не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшейся обстановки, логически должна привести страну к неизбежным переживаниям стихийной и даже анархической революции, когда не будет ни времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вождедений и когда, по их убеждениям, и создается почва для «превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах. Независимо от того, какое из мнений может оправдаться, отмечается беспокойство во всех слоях столичного общества, боящегося предстоящих катастрофических событий и мечтающего о том, как бы не пострадать при неизбежных проявлениях «красного и белого террора»: усиленно говорят о необходимости ликвидировать — кто может — дела, уехать в более спокойные места и переждать окончания приближающейся разрухи.

Глобачев наконец закончил и опустив листки своего доклада внимательно посмотрел на Протопопова. Очки его сползли вниз по переносице. Лицо помрачнело.

— Прогноз событий ближайшего будущего безошибочен и оправдается в действительности, — сказал он, уже не читая с листка и косясь на записи, сделанные министром.

Протопопов медленно повернул лист, на котором делал свои записи, положил перед Глобачевым. Глобачев взял лист, пробежался по строкам, приподнял бровь.

Записи Протопопова, выполненные в форме Майндкарты, выглядели занятно для Глобачева. Все эти кружки, подписанные «Роспуск», «Распутин», «Оппозиция» и прочие, соединялись друг с дружкой стрелочками. Но главное здесь было другое. Внизу листа была проведена линия, которой Протопопов отделил свои пометки от распоряжений, которые Глобачеву следовало исполнить.

— Уверены, господин министр?

— Выполняем.

Глобачев взял лист, сложил его несколько раз и сунул во внутренний карман пиджака.

— Будет исполнено.

Он поднялся и вышел из кабинета министра, когда часы показывали далеко за полночь.

Протопопов, на которого новая реальность свалилась лавиной, решил дожидаться утра в своём кабинете. Проводив Глобачева, узнал, что до поздней ночи в приемной министерства ошивался Марков Второй, которого ошарашили вести о прекращении финансирования. Не получив приём, просил записать его на завтра пораньше и обещал прийти чуть ли не с петухами. Однако охрана сообщила Маркову, что завтра у министра не приемный день, и он будет занят важными государственными делами вне здания. Протопопов понимал, что Марковым, как и теми правыми, кто поддерживал правительство в зависимости от размеров причитающегося вознаграждения, он займётся позже. Пока же существовали более насущные дела.

Министр долго ещё размышлял о докладе Глобачева и о том насколько щекотливой оказалась ситуация в России 1917 года. Потом вздремнул пару часов, устроив постель на полу своего кабинета, а с первыми лучами солнца проснулся бодрым, свежим и отдохнувшим. Сделал зарядку, выпил крепкий чай, взбодрился и переключился мыслями на дуэль. Вызвал к себе охранников и приказал подготовить к девяти утра автомобиль.

Ну и кое-что ещё приготовить...

Потом министр достал пистолет и отправился практиковаться в стрельбе. Даже не столько попрактиковаться, а скорее напряжение снять. Постреляв на заднем дворе министерства, он вызвал в здании нешуточный переполох. С оружием Протопопов был на «ты», а в помолодевшем теле стрелять было одно удовольствие. Тем более личным орудием министра оказался Кольт М1911 с клеймом "Англ. Заказ", на деле поставившийся прямиком из штатов^[5]. Ровно такой Кольт был одним из любимых пистолетов Александра в 90-е.

Начался новый день.

«— Что самое главное на дуэли?
— Честь?
— Чтобы тебя не убили!»

Мушкетеры.

1917 год, январь 4,
Волково поле, окрестности Петрограда

В начале седьмого к Протопопову пришёл Курлов. Нарядный, возбужденный, с краснющими глазами от недосыпа. Вряд ли генералу удалось сомкнуть глаза этой ночью, ой как вряд ли. Курлов осознавал в какое опасное дело он ввязывается, согласившись секундировать старого друга, потому что секунданты целиком и полностью разделяли всю ответственность вместе с дуэлянтами. А поскольку дуэль намечалась до смерти одного из участников, Павлу Григорьевичу предстояло ответить с Протопоповым за все возможные последствия подобной авантюры перед законом. Но надо отдать должное генералу, приняв предложение выступить секундантом, он даже не заикнулся ни разу о том, что желает откататься от своего выбора, даже если в душе хотел все переиграть и сдать назад. Не таким человеком был Павел Григорьевичем, не было в нем ничего мелкого и непорядочного.

— Поскольку нам нужен врач, я договорился с господином Цейдлером^[6], он прибудет сюда к семи, — безжизненным голосом сообщил он. — Представляю, что будет с Германом Фёдоровичем, когда он узнает, зачем мы вызываем его на самом деле!

— И что же вы ему сказали? — поинтересовался Протопопов.

— Мне пришлось сказать ему, что у Вас вылезла пупочная грыжа!

На дуэль всегда брали с собой врача, что являлось неким неписанным правилом. Врач должен был оказать сражающимся надлежащую медицинскую помощь. Но по существующему законодательству, врач, который узнавал о дуэли, был обязан немедленно сообщить об этом в соответствующие органы, дабы пресечь преступление, творящееся на его глазах. Поэтому об истинной цели вызова врачей уведомляли в самую последнюю очередь, не давая тем возможность «переобуться».

Понятно, что сообщать на министра внутренних дел никто не станет, некуда попросту. Однако делать из уважаемого хирурга, приват доцента и доктора медицины, соучастника преступления, было по крайней мере некрасиво и нагло.

— Мне не нужен врач, — заявил Протопопов.

— Ба! Это ещё что за новости? — неподдельно удивился Курлов.

— Едем без него.

— А что я скажу секундантам наших оппонентов? Кто ж кровь будет останавливать? Раны сами себя не обрабатывают, знаете ли, господин министр.

— Мы туда на смерть стреляться едем, нет? — Протопопов достал из стола свой Кольт, сунул за пазуху. — Едемте, я распорядился подать мотор к подъезду. На дуэль покатаем с ветерком.

С этими словами министр тотчас двинулся к дверям. Курлов поколебался, видимо

размышляя как сообщить Цейдлеру, что в его услугах больше не нуждаются и был совершен ложный вызов, но махнул рукой и отправился следом за Протопоповым.

В приёмной министр напомнил, чтобы всех назначенных сегодня на приём граждан переназначали на другой день, и снова сослался на свою загруженность неотложными делами государственной важности. Он понимал, что это не лучшее решение, особенно на фоне низкой популярности Протопопова, но шёл на этот риск по необходимости. Также оставил деньги за «ложный вызов» для хирурга и попросил непременно их передать Цейдлеру, даже если тот станет отказываться и сопротивляться.

Следом вышли во двор, там их встретил один из охранников Протопопова, Пётр. Здоровый такой малый и неразговорчивый совсем, накануне вернувшийся со сборов в Эссентуках, где располагался физкультурный лагерь с современными тренажерами. Он вылез из подогнутого ко входу грузовика М 24/40 XV серии, 1914 года производства завода «Руссо-балт» и с угрюмым видом заверил министра, что все приготовления, которые тот просил сделать закончены и как и просил Александр Дмитриевич, никто об этом не узнал.

— Что за приготовления? — переполошился Курлов, который будучи человеком из органов уже догадался, что Протопопов хитрит и «что-то» явно задумал о чем не договаривает. — Вы что собрались ехать на грузовике? Зачем?

— К дуэли приготовления, Павел Григорьевич, залезайте в машину, уважаемый секундант, время поджимает, — министр открыл дверь и пустил Курлова вперёд.

Генрал выпучил глаза, аж вытянулся весь в струнку, заглядывая в грузовой отсек. Покосился на Протопопова.

— Э-эт чего вы задумали?!

— А это у нас небольшой сюрприз для господ Родзянко и Бобринского подготовлен, — ответил Протопопов, не утруждая себя более полными пояснениями. — Как думаете, Павел Григорьевич, понравится им?

— Саш ты сдурел что ли... — генерал вытащил платок из внутреннего кармана пиджака и принялся вытирать заструившийся по лбу пот.

Протопопов огляделся, удостоверился, что за ними кроме Петра никто не наблюдает и запихнул потерявшегося генерала на пассажирское сиденье, захлопнув дверь. Сам сел за руль и тотчас тронулся, благо охранник озаботился тем, что грузовик был заведён заблаговременно. Посигналив охраннику, выехал от здания министерства внутренних дел на Набережной реки Фонтанка.

На М 24/40 водитель сидел справа, но опыт управления праворулыми автомобилями у Протопопова имелся, было дело и на японских Крузаках гонял с удовольствием. На праворулости сходства М 24/40 и Крузака решительно заканчивались, в остальном к управлению приходилось принаравливать, хотя наш герой чувствовал, что прежний Протопопов довольно неплохо управлялся за рулём.

Поехали не больше 20 вёрст в час, не поехали, а поплелись, но Курлов демонстративно схватился за сердце, напомнив о том, что с такой скоростью по столице ездить запрещено.

— У нас ограничение на 12 вёрст в час, Александр Дмитриевич! Сбавьте скорость...

Пришлось чуть сбросить скорость, потому как люди на улице недоверчиво косились на «мчавшийся» грузовик, управляемым ненавистным министром. Да и лошади пугались.

Курлов приходил в себя после увиденного сюрприза. Держал ладони на коленях и смотрел прямо перед собой.

— Господин министр, может пока не поздно остановимся? Избавимся от вашего

сюрприза так сказать.

— Вы испугались, господин генерал? Или полагаете, что сюрприз господам Родзянко и Бобринскому придётся не по душе?

— Кому как не вам знать, что я не из пугливых, — завозмушался Курлов. — Просто как то...

Павел Григорьевич не договорил и махнул рукой.

— Бог с вами, Александр Дмитриевич, выкладывайте, что вы задумали со своим сюрпризом! Один раз живем!

— Правильно рассуждаете, хотя насчёт один раз это спорно... — хмыкнул министр.

Протопопов начал рассказывать Курлову о плане, который родился у него на предстоящую дуэль. Вся дорога до места прошла за разговором, оказавшимся весьма занимательным. Курлов внимательно слушал, то краснел, то бледнел, собирался с силами.

— Я все понимаю, Паш, — наконец, закончил Протопопов. — Я зла на тебя держать не буду, прямо здесь остановлю грузовик, и ты вернёшься в министерство. Доктор ещё там наверняка, осмотрит тебя, освидетельствует, ты его рублем подогреешь, чтобы диагноз какой поставил и тебя наперёд прикрыл, что ты не при делах был. А не доложил о моих планах ты только от того, что захворал.

Курлов молчал долго.

Переваривал.

Снова вытащил свой платок протереть испарину.

— Вот честно, Саш, ты как министром стал, я думал, что ты свои яйца перед входом в кабинет на крючок повесил. Сам помнишь, что я за твою отставку говорил, а теперь не знаю, что и думать... — Курлов вздохнул. — Я узнаю в тебе того самого молодого зверя!^[7]

— Так вы выходите, господин генерал, останавливаю?

— Своих не бросаем господин министр, едемте!

Несмотря на то, что весь город ждал, развития событий по конфликту в Александровском дворце, мало кто всерьёз полагал, что дуэль состоится. Все считали, что Протопопов найдёт тысячу и одну причину для отказа. Поэтому выехать из города удалось в тихую. Много народа видело ехавшего по улицам Петрограда министра, которого узнавали в лицо, но никто не подозревал, куда он едет. Тем более, что газетчики, а значит и общественность, для которой писались статьи, считали, что секундантами Протопопова станут другие люди и не признавали секундантом генерала Курлова.

За несколько вёрст до места, грузовичок остановился и Протопопов пустил Курлова за руль, а сам залез в грузовой отсек и притаился рядом с сюрпризом, оттуда и наблюдал за происходящим далее.

Дуэлянты уже ожидали, собравшись заранее, потому как опоздание на дуэль приравнивалось к жуткому позору сродни ее избеганию. И надо сказать, что Родзянко, ровно как и Бобринский, не мало удивились, увидев друг дружку и узнав, что Протопопов назначил им обоим дуэль в одно и то же время, приняв оба вызова, что в принципе неслыханно по тем временам. Теперь они выясняли кому из них придётся стреляться и вообще как быть с тем, если Протопопов погибнет в первой дуэли и второй не получит сатисфакции. Сошлись в одном — Протопопов подлец и мутит двойную дуэль для того, чтобы избежать справедливого наказания.

Что задумал министр предстояло выяснить, а пока оба дожидались полудня, времени на которое было назначена смертельная дуэль. Бледные, готовые ко всему и взъяренные. На

секундочку, удар палкой для дворянина был самым жутким оскорблением из возможных.

Что касается Протопопова, то пройдя своё становление сквозь тернии преступных группировок и криминальных войн, наш герой не раз участвовал в подобного рода стрелках и запомнил простое правило.

Кто сильный, тот и прав.

А сильнее чаще всего тот, кто хитрее.

Господин министр намотал на ус, что строить из себя того, кем не являешься — опасное дело. Не стоит играть в чужую игру, ты проиграешь. Вот и сейчас, Протопопов не собирался строить из себя правильного дворянина и гордеца. Он собирался спросить с этих двух ровно так, как посчитает нужным, спросить так, как бы удовлетворило его самого, а не принято сводом здешних правил.

И когда грузовик подъехал к месту «стрелки», под удивленные взгляды дуэлянтов и секундантов (с чего бы вдруг здесь делать М 24/40?!). Когда грузовоз странно остановился «задом». Когда Курлов прямо на ходу откинул ткань на кузове. Тогда и настало время Протопопову явить свой сюрприз для господ Родзянко, Бобринского и их секундантов.

БА-БА-БА-БА-БА...

Сюрпризом оказался пулемёт Максима образца 1910 года, пули которого принялись выкашивать все живое вокруг, превращая в труху.

В щепки разлетались стволы деревьев, взрывалась земля, но главное падали замертво те, кто пришёл спросить с Протопопова. Когда Александр Дмитриевич закончил стрельбу в живых остался лишь председатель Думы Родзянко. Михаил Васильевич стоял и трясся как осиновый лист на ветру. Он даже не рискнул попытаться поднять свой пистолет, который все это время держал в руке.

Протопопов спрыгнул с грузовика, подошёл к Родзянко, на ходу точным выстрелом попал в пистолет председателя, обезоружив его. Родзянко вскрикнул одновременно от боли и неожиданности. А Протопопов навёл на него дуло кольта.

— Руки вверх и на колени, господин думский председатель.

Родзянко повиновался. Лицо его было перекошено одновременно от страха и ненависти.

— Вам это просто так...

Не договорил.

Протопопов съездил председателю кольтом по переносице.

Родзянко взвыл от боли, схватился за нос, превратившийся по консистенции в гнилой баклажан. Министр сел перед ним на корточки, положил руку на плечо господину председателю, крепко сжал.

— Не вой и слушай сюда внимательно.

Протопопов начал говорить. Говорил долго, с расстановкой. Убеждать он умел. Родзянко слушал и кивал, стискивая нос из которого сочилась кровь.

Курлов не терял время зря. Побросал трупы в кузов грузовика.

Закончив свою речь, Протопопов похлопал Родзянко по щеке ладонью и выпрямился. Помог Родзянко встать, достал пачку кредитных билетов, которые предусмотрительно захватил с собой. Протянул председателю.

— Купишь себе новый костюм, Мишань, — он критично осмотрел председателя, смахнул с пол пиджака прилипшие щепки. — Как же ты будешь в таком виде перед Думой выступать?

Протопопов развернулся и зашагал к грузовику. Курлов уже погрузил тела и натянул

тряпку на грузовой отсек обратно. Грузовоз развернулся и уехал. Родзянко так и остался стоять, перепачканный в крови, со сломанным носом и держа в руках пачку кредитных билетов. У него в голове активизировалась бурная мозговая деятельность.

*«Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский сморозил...»*

Саша Черный. Зеркало

1917 год, январь 4,
окрестности Петрограда

Протопопов пошёл на силовое решение вопроса и принял это решение достаточно легко, как должное. Если и колебался, то ничуть не больше, чем во время выбора блюда на сегодняшний завтрак. Убивать людей, конечно, всегда непросто и привыкнуть к этому невозможно, но если решение принято — выполняй.

Теперь следовало прибраться за собой. Оставлять следы, когда ты отправил на тот свет людей такого калибра — не лучшее решение и будет иметь далеко идущие последствия.

На грузовозе, они отъехали на несколько вёрст от места дуэли. Курлов подсказал одно «местечко», где нет народа в такое время года, но есть все условия для того, чтобы избавиться от тел по уму. Таким местом оказался обрыв над местной рекой. В январе ударили морозы, и речка была покрыта льдом, но тем лучше. Да и ещё на руку пошёл снег, заметая все следы преступления.

Остановились у обрыва, Протопопов в двух словах объяснил Курлову, что следует делать дальше. Вместе они рассадили тела в грузовике по местам. Сплошь депутаты, националистического и монархического толка, перепачканные в собственной и чужой крови, изувеченные шквальным пулемётным огнём.

Тела на холоде начали коченеть.

Зрелище крайне удручающее.

За рулём грузовоза усадили самого графа Бобринского, которому пулеметными выстрелами порвало брюшную полость. Владимир Алексеевич слыл отъявленным монархистом, был членом трёх последних думских созывов, включая крайний четвёртый и, конечно, являлся товарищем председателя Родзянко. Как известно, на этом месте граф заменил Протопопова.

Заметная величина в Петрограде.

На момент бесславной кончины, Бобринский входил в пресловутый Прогрессивный блок в составе националистов.

Протопопов, изучая информацию по Бобринскому, узнал, что Владимир Алексеевич помимо прочего является, вернее теперь уже являлся крупным землевладельцем и распорядителем сахарного завода. Оставалось догадываться, какой вспыхнет срач среди его наследников после кончины.

Секундантов господин Бобринский подобрал себе под стать. «Центриста», депутата Думы крайнего созыва, князя Иллариона Сергеевича Васильчикова, посадили рядом с графом на пассажирское сиденье. Этот бывший чиновник Минюста и ковенский губернский

предводитель дворянства. Иллариону Васильевичу нет и сорока, да и чем-то особо выдающимся выделиться он не успел.

И теперь не успеет.

Но пусть посидит рядом с водителем.

Второго секунданта, наравне с графом фигуру весьма заметную и примечательную, оставили в грузовом отсеке. Протопопов даже руками потер удовлетворенно, когда узнал какая рыбка попала к нему в сети. Василий Витальевич Шульгин, как и Бобринский, был опытным думцем трёх созывов, перешедшим на сторону противников самодержавия, что, впрочем, не мешало ему искренне считать себя монархистом до самой своей кончины. Васька лежал в позе буквой «зю» и Именно он вместе с Гучковым принял отречение Николая II в оригинальной истории и стал одним из идеологов Белого движения.

Что же.

Набегался...

Рядом с ним лежали секунднты Родзянко, лица менее заметные в истории, но имеющие авторитет в обществе 1917 года. Господин Лодыженский Сан Саныч, был членом кучи думских комиссий, председателем 9-го думского отдела и докладчиком по проверке думских прав. На Сан Саныче «бутербродом» лежал Люц Людвиг Готлибович. Этот из Красного Креста, особоуполномоченный при 9-й армии.

Хороший улов получился.

Теперь все эти псевдомонархисты или вернее то, что от них осталось после знакомства с пулеметом, останутся за обочиной и будут сняты с повестки дня раз и навсегда. Туда им и дорога.

Протопопов смотрел на тела, не испытывая при этом совершенно никаких эмоций. Для него отныне эти пятеро были не более, чем грузом, который хотелось поскорее сбросить с себя, прежде чем продолжить действовать.

Эти пятеро наверняка отдавали себе отсчёт в возможных последствиях, когда становились на скользкую дорожку политической оппозиционной жизни. Каждый из них понимал, к чему это рано или поздно приведёт. Это не трудяги с завода и не губернские крестьяне, поэтому ничего грешного в том, чтобы их завалить наглухо, если перейдут дорогу — нет.

— Здесь полная канистра, господин Протопопов, — послышался голос Курлова.

Генерал вытащил из грузового отсека канистру с бензином, которую накануне подготовил охранник Федя.

Протопопов взял канистру, открыл и начал обходить грузовик, заливая его бензином. Закончив, он закинул канистру в грузовой отсек. Потом открутил крышку с бензобака, почти опустевшего после поездки, и махнул рукой, давая отмашку Курлову. Генерал поставил коробку передач на нейтраль и толкнул грузовоз с изувеченными телами вниз по крутому спуску. Облитая бензином, машина медленно покатила к видневшемуся впереди обрыву, а Протопопов достал зажигалку Hurricane, зажег и бросил в автомобиль.

Грузовоз вспыхнул.

Бензин горел хорошо.

А потом рванули пары в бензобаке.

Объятый пламенем, грузовоз сорвался с обрыва, перевернулся в воздухе и упал на лёд.

Секунда.

Другая.

Лёд не треснул сразу от удара, но пошёл трещинами и вскоре трёхтонный грузовик ушёл под воду целиком. Вода забурлила, зашипела, туша пламя. В месте падения пошли масляные круги.

Протопопов подошёл к обрыву, убедился, что М 24/40 утонул и бросил:

— Направьте сюда своих жандармов, Павел Григорьевич. Пусть правильную задачу поставят следователям Васильева.

— Так в газетах слухи поползут, Александр Дмитриевич, сами ведь знаете...

— Пусть ползут, главное, чтобы концов журналисты не нашли, все понятно?

— Все сделаем как подобает, — заверил генерал. — Вот только зря вы оставили живым Родзянко, ой как зря, он же к вечеру все разболтает и я даже не представляю, что тогда будет. Да и господин Кирпичников^[8] начнет нос совать...

Курлов поёжился. Вода в месте, где только что утонул грузовоз, успокоилась. Уплыли масляные пятна. А потом морозец начал стягивать корочкой льда водную гладь. Медленно так, но верно. Учитывая, что снегопад усиливался, через час-другой здесь заметет так, что не останется следов.

Что касается Родзянко...

Проще всего было убрать это неизвестное из уравнения и получить очевидное решение текущей задачи. Проще говоря, грохнуть Михаила Васильевича вместе с остальными.

Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы, как писал Рыбаков в «Детях Арбата», вкладывая эти слова в уста Сталина.

Но Протопопов никогда бы не пришёл к тому положению, которое занимал в течение своей жизни, если бы руководствовался подобным простым принципом при решении вопросов. Конечно, эффективность подразумевает, что любые задачи должны решаться самым простым способом из доступных. Но не всегда самые лучшие решения есть самые очевидные и простые. Проблема не в Родзянко и убрав господина председателя с пути, проблему не решишь, потому как она кроется гораздо глубже. Протопопов это слишком хорошо понимал.

Поэтому Михаил Васильевич должен остаться жив и выполнить ту задачу, которая ему отведена.

Некоторое время Протопопов и Курлов тщательно стирали с себя чужую кровь, вымазюкивая стерильно белые платки.

Потом умылись снегом. Понятно, что в таком виде являться в город недальновидно, поэтому для начала следует привести в себя в надлежащий внешний вид и это поможет избежать кривых взглядов. Закончив, прихорошившись, платки тоже сожги, а пепел растоптали в снегу.

— Идемте Павел Григорьевич, пора возвращаться в Петроград, — Протопопов так и не ответил на вопрос Курлова про Родзянко.

Они двинулись прочь от обрыва и реки, обратно в столицу.

— Идемте, Александр Дмитриевич, — вздохнул Курлов, лицо которого приобрело привычную бледность.

Крупные хлопья снега падали на красные щеки Павла, таяли, как будто из глаз Курлова текли слёзы. Генерал теперь наверняка размышлял и ломал голову, кого из столичного следственного ведомства надлежит просить приставить к делу начальника департамента полиции и как все правильно обыграть с господами Кирпичниковым и Васильевым.

Без рисков.

Но надежные люди, желавшие выслужиться, были всегда.

Александр Дмитриевич тоже думал, но о другом совершенно. Он не знал, насколько Родзянко внял его словам и прав Курлов, последствия у событий сегодняшнего дня могут оказаться диаметрально противоположны друг другу. Потому как они могут развиваться в две стороны. Когда ты подбрасываешь монету, ты не знаешь наверняка какой стороной она выпадет. Могло легко оказаться так, что уже к вечеру о дуэли и об убийствах будет твердить весь Петроград. Вспыхнут волнения, потому как за обвинениями последуют разбирательства, а это затяжной процесс. А народ в 1917 году требовал скорейших решений и расправ над виновными... Чуть что не так — легко подымался на дыбы, возбуждался. И как правило, сначала делал, а потом думал.

Но и говорить о том, что Протопопов полагался исключительно на удачу, тоже не стоило. Он не пацан, чтобы рассчитывать только на фарт. Протопопов за те несколько дней, что пробыл в новом для себя теле, успел подтянуть свои знания в здешних понятиях и принципах. И сделал выводы. Поэтому действовал министр исходя из твёрдой убежденности, что Родзянко (даже если не внемлет словам Протопопова, что нежелательно) будет держать рот за семью замками, не станет мусориться ни за что. Объяснялась эта уверенность просто — жалоба Михаила Васильевича будет воспринята как слабость и неспособность одного дворянина справиться с другим в глазах общественности. Общественность осудит Протопопова, это без всяких «но» и осудит со всей возможной яростью, строгостью и возмущением. Однако эта же общественность серьезно усомниться в способности господина Родзянко оставаться той величиной, которой он является сейчас. Локомотив общественного мнения и борец за права ущемлённых масс, коим являлся господин председатель Думы, не имеет права проявлять слабость ни в коем случае. Любая просьба о помощи — это, так или иначе, прямое проявление слабости.

Сильные не просят, сильные помогают.

Поэтому, если даже Родзянко захочет отомстить, он будет искать другие возможности, которые позволят сохранить его честь и репутацию незапятнанными...

Так в 90-е ни один авторитет по схожим причинам не вмешивал в разборки с другими бандитами власть. Поэтому в, на первый взгляд, дерзком поступке господина министра, не было ничего, кроме холодного расчета. Ну а что выйдет из разговора с Родзянко... это только предстояло узнать.

«В политике нет мести, но есть последствия».

П.А. Столыпин

1917 год, январь 6,
тайное совещание совета министров, Петроград.

По возвращению в Петроград, Протопопов простился с Курловым и крепко пожал тому руку.

— Спасибо.

— Страшный вы человек, господин министр, — хмыкнул генерал. — Сколько вас знал и никогда бы не подумал, что вы горазды на такое.

— Практичный, — поправил Александр Дмитриевич. — А вы господин Курлов, помимо прочего, думайте меньше, а делайте больше.

— И что делать прикажете?

— Приставьте ка нашего человечка из жандармерии к Родзянко для надёжности, пусть первые дни понаблюдает за ним в оба глаза. Если вдруг Михаилу Васильевичу в голову что нехорошее придёт — доделайте то, чего мы доделывать не стали. Смело доделайте и без моего на то спроса.

— Выполним, господин министр.

Обнялись.

Прощались по-хорошему так.

Курлов отправился заметать следы случившегося и выделять человечка к Родзянко, а заодно решать вопросы с Кирпичниковым и Васильевым. Протопопов вернулся в здание министерства к вечеру. Там встретил охранника Федю и узнал от того, что приходил Марков Второй, а вместе с ним или позже (Александр Дмитриевич так и не выяснил) небезызвестный Римский-Корсаков. Оба перезаписались на приём на завтрашний день и долго выпытывали куда подевался министр и какими такими делами государственной важности он занят. Им ничего не сказали, но Протопопов понимал, что разговора с правыми не избежать. Просто так от них не отмахнешься.

Сейчас только не время разговаривать.

Позже.

Так то разговор нужен.

Запершись в кабинете и напомним, что его ни для кого нет, Протопопов приготовил себе крепкий чай и плотно перекусил, разом отужинав и отобедав. Возможно потому, что новое тело все ещё требовало адаптации и настраивалось, Александр чувствовал себя совершенно разбитым и выжатым, словно долька лимона. Поэтому после ужина приняв сто граммов на грудь успокоения ради, завалился спать и продрях до следующего утра без задних ног. Сны ему не снились.

Уже утром его разбудил звонок Курлова, который сообщил, что вчерашние вопросы требующие исключительного внимания улажены и господину министру лично придёт на подпись приказ о премировании отличившихся полицейских из сыска на сумму 500 рублей,

а также выделение премии самому господину Кирпичникову на сумму в 1000 рублей. Протопопов поблагодарил генерала за службу и обещал подписать приказ тем же днём, не затягивая. Отдельного упоминания о Родзянко от Курлова не последовало, по чему Протопопов сделал вывод, что Михаил Васильевич никак себя не проявил и не обозначил.

Ждёт.

Убедился в этом министр за завтраком, делая обзор прессы. Журналисты продолжали судачить о дуэли, но не так чтобы активно. Тема заметно утихла и сошла с первых полос. Интерес спал. Газетные вояки все ещё спрашивали — а будет ли дуэль, хватит ли у министра внутренних дел душку в проблеме разобраться? Да едко, да колко, но ни грамма в этих статьях не было от действительности. Не раскопали и не унюхали ничего.

Это вселяло определённый оптимизм.

День начался в приподнятом настроении.

После завтрака Александр Дмитриевич размялся хорошенько, поотжимался и поподтягивался в своем обустроенном спортивном уголке. Приучал к регулярным физическим нагрузкам своё новое тело. И приведя себя в тонус, был готов во всей красе встречать новый день, который обещал быть невероятно интересным и одновременно сложным.

Голицын накануне объявил, что сегодня, наконец, пройдет заседание совета министров, на котором Протопопов намеревался присутствовать, отдаленно смахивающем на качалку из далеких 80-х. Заседания совета в эти сложные дни происходили регулярно, чаще всего по два раза в неделю. Дел вагон и маленькая тележка у правительства. Но после конфликта с участием Протопопова, премьер Голицын намерено тормознул государственную машину и перенёс заседание совета с 3 января на 8 января, чтобы дожидаться, когда улягутся первые страсти. Голицын очевидно хотел, чтобы общественности разных взглядов стало определённо понятно, что выходка министра Протопопова на торжественном приеме не несёт в себе никакого другого порыва, кроме очередного нервного срыва, которых за Александром Дмитриевичем значилось не счесть. И когда в глазах общественности Протопопов отказался «отвечать за базар» после выходки на торжественном приеме, премьер, натужно и последовательно добивающийся отставки министра внутренних дел, получал на руки все козыри в своих начинаниях. Мол, так и сяк, а Протопопову лечиться надо, а не министровать. Задача Голицына была ясна — пересмотреть состав правительства на момент открытия думских заседаний. Потому как в нынешнем составе правительство будет подвержено нападкам депутатов. И пересмотр логично было начинать с самого ненавистного министра, коим Протопопов и являлся. Задача же Протопопова заключалась в том, чтобы, во-первых, переубедить Голицына, если говорить мягко, а во-вторых сделать совету на заседании одно крайне любопытное предложение, от которого министры не смогут отказаться ни при каких обстоятельствах.

Вот и посмотрим.

В приподнятом настроении, Александр Дмитриевич явился на заседание, поприветствовал всех собравшихся и занял своё место. Сидя за столом, он не без интереса изучал присутствующих, каждого из которых узнавал легко и с первого раза. В зале собрались все до одного министры нынешнего правительства и канцелярия.

Председательствовал премьер. Князь Голицын был подтянутым старикашкой небольшого роста, под семьдесят. Одевался строго и со вкусом, как и подобает премьеру, и выделялся пышными усами, торчащими в стороны, как два прутика. Голова его была седой, а

вот усы, в которых будто сосредоточилась вся жизненная сила Николая Дмитриевича, все ещё оставались чёрными, как смоль.

Внешне власть премьера могла показаться безграничной, когда как на деле Николай Дмитриевич совсем ничего не решал и не имел реального политического веса. Он не назначал министров себе в кабинет, понятия не имел о составе Госсовета на следующий год, зато он был «очень почтенный бюрократ» и «весьма приличный человек», который пользовался доверием императрицы со времён, как Николай Дмитриевич возглавлял Комитет помощи русским пленным. Современники характеризовали его как человека доброго, с в высшей степени мягким характером и самым приятным обращением. И они же подчеркивали, что твёрдости в Голицыне не было решительно никакой, что не позволяло ему справиться с министрами в своем кабинете и выдержать прямо консервативный курс, сторонником которого Голицын являлся^[9].

Вот такой скомканный набор личных качеств предопределил отсутствие у князя внятной политической программы, которую он бы мог представлять.

Тюфяк.

Другими словами.

Заседали долго, нудно и совершенно безынтересно, как тесто месили из раза в раз. Шла официальная часть, которая тщательно протоколировалась и далее телеграфировалась в Царское село к Государю. Поэтому следили за словами, никто не хотел сболтнуть лишнего, дабы не прогневать царя Николая.

Часть министров только недавно вошли в кабинет, как военный министр Беляев, все заседание сидевший с рожой зазнайки. Это было его первое заседание в должности и ему натерпелось выделиться. А назначен он был для успешного проведения предстоявшей межсоюзнической конференцией. Поскольку ему выпала настолько важная роль, держался «Мертвая голова» независимо и уверенно. Протопопов знал о необычной погремухи Михаила Алексеевича и теперь понял, почему он ее получил — у него был совершенно лысый череп, как у инопланетянина все равно что. И усы, как у Голицына, правда не такие большие. Беляев охотно комментировал выступления других министров, делал свои вставки, пытался показать, что в деталях знает любой вопрос подлежащий обсуждению и к его мнению стоит прислушиваться. Ему не огрызались, потому как говорил Беляев действительно по делу и емко, но многих такая манера военного министра раздражала и заводила. Конечно, на фоне Беляева большинство кабинета выглядело несведущими идиотами, которые не разбираются в вопросах дискуссии, а если и знают суть, то поверхностно. Особо воротились министры выдвинутцы Трепова. Эти сидели отдельной группкой и не особо старались скрывать своего раздражения. Среди них министр земледелия гофмейстер Риттих. Министр путей и сообщения Кригер-Войновски. Государственный контролёр камергер Феодосьев. И, конечно, министр торговли и промышленности гофмейстер князь Шаховский, которого, как и Беляева, поддерживала императрица.

Вторая группа министров были протеже Щегловитова, нынешнего председателя Госсовета. Это министр здравоохранения Рейн, обер-прокурор Синода Раев, министры народного просвещения Кульчицкий и юстиции егермейстер Добровольский, которого Голицын подозревал в финансовой нечистоплотности. К этой группе примыкали Барк, управлявший финансами империи, причём довольно успешно. И, конечно, министр иностранных дел Покровский, хорошо ладивший с общественностью.

Натурально сплошной клубок змей.

Остальные министры из присутствующих, не примыкавшие ни к одной из групп, пожалуй, имели куда меньший политический вес и по сути на заседаниях выполняли роль мебели. Речь о морском министре адмирале Григоровиче, успевшем срастись с креслом за 6 лет именно по той причине, что он был удобным для всех. Дольше него в совете пребывал только граф Фредерикс. И о управляющем коннозаводством генерал-лейтенанте Стаховиче.

Если «группу Щегловитова» в целом отличали более консервативные взгляды, то «группа Трепова» была настроена прогрессивно.

И большая часть этого клуба змей, независимо от принадлежности к группе, не желала служить рядом с Протопоповым. Да и с Голицыным тоже, так накануне его назначения Барк и князь Шаховской подали в отставку (что было продиктовано стремлением премьера произвести ротацию в кабмине с целью наладить отношения с думцами), которая была не принята Государем.

Протопопов уже битый час пребывал среди хорошо образованных чинушей. Единственными, кого эти технократы считали не достойными своих мест, были сам Протопопов и старик премьер.

Когда официальная часть заседания была исчерпана, все было запротоколировано и зафиксировано в журнале, тогда управляющий делами совета министров Лодыженский распорядился канцелярии удалиться.

Настала вторая часть, о которой Протопопов помнил и которую ждал.

Неофициальная.

Обмен министров мнения не под запись, но со всей откровенностью.

Князь Голицын дождался, когда удалятся посторонние. Поднялся, расправил полы своего пиджака и, кашлянув в кулак, сказал.

— Ну что ж, господа, приступим. Обсудим собственно то, ради чего мы все сегодня собрались.

— Приступим.

— Давайте начинать.

Голицын обвёл взглядом собравшихся, продолжил.

— Собственно, перед нами встал важный и не терпящий отлагательства вопрос по срокам возобновления думской сессии. Напомню господам собравшимся, что текущий перерыв, связанный с рождественскими каникулами, заканчивается 12 января. Хотелось бы в связи с этим выслушать ваши мнения.

Протопопов, слушая премьера, понял, что у Николай Дмитриевича таки не хватает смелости сказать прямо все то, что он думает по этому вопросу. Потому как боится, что его мнение может разойтись с мнением других министров. Хочет сначала других послушать, а там, если потребуется и мнение своё подкорректировать в угоду.

Откровенно дерьмовая тактика у князя.

Нельзя так.

Протопопов помнил, что в оригинальной истории очередное заседание Совета министров от 3 января отложило возобновление думской сессии до 14 февраля. Голицын стремился получить отсрочку, чтобы сделать возможным рабочую коммуникацию между Думой и правительством, а для этого требовалось сместить Добровольского, который был назначен его замом без ведома, и к которому у князя были вопросы касательно финансовой нечистоплотности (как уже Протопопов припоминал). Раева, которого общественность воспринимала в штыки. И, конечно, Протопопова, который как считалось, ни черта не

разбирался в делах МВД и вдобавок скандалил с Родзянко и его товарищем.

Первым заговорил Добровольский:

— Тут обсуждать нечего, надо разговаривать с Государем и готовить манифест о роспуске созыва.

— Придерживаюсь того же мнения, — поддержал министра юстиции Раев.

— Вы себя слышите?! — включился в разговор Риттих. — Роспуск думы не приведёт к порядку и набросит на шею правительства петлю. Понаслушались "патриотов"!

— Поддерживаю, — согласился Кригер-Войновски.

— Здесь нужно определено перенос, обоснованный, — включился Покровский. — Ни распускать, ни проводить заседание во время категорически нельзя. Правительство к этому не готово и подвергнется нападкам.

— Что вы подразумеваете под неготовностью, господин Покровский? — насупился Добровольский, до которого доходили слухи о том, что Голицын ищет поддержку, чтобы устранить своего товарища.

— То самое, о чем вы подумали, — широко улыбнулся Покровский, известный своей обходительностью. — Не больше и не меньше.

— Ещё мнения? — Голицын разрядил возможный конфликт. — Господин Феодосьев, высказитесь?

— Я проголосую, вы вопрос на повестку сформулируйте, — отозвался тот.

— Какая ваша позиция по вопросу, господин председатель? — спросил Шаховский с безразличным будто бы видом постукивая пальцами по столешнице.

— Моя позиция тут такая, что с нынешней Думой работать категорически невозможно по тем или иным причинам. Но и распускать... распускать это значит новую Думу собирать, а в конъюнктуре текущих общественных настроений, боюсь, что новый созыв окажется хуже в десять раз! Поэтому Предлагаю перенос до конца месяца.

— И как вы намерены воспользоваться переносом? — уточнил Добровольский. — Какая собственно разница, соберётся дума 19 января или 31 января?

Голицын не ответил. Не говорить же, что он собрался проводить перестановки в кабинете и это по сути единственная причина его позиции.

— Полагаю, что наша задача максимально отложить сессию и провести... скажем так, необходимые преобразования, чтобы нам было чем парировать нападки прогрессивного блока, — сказал Барк, который нуждался во времени, как в глотке чистого воздуха, ему предстояло разобраться с возмущениями банкиров. — Полагаю, что оптимальной в этой связи будет дата 14 февраля. Ровно через неделю, как пройдет Союзническая конференция!^[10]

— Поддержу господина Барка, — согласился Беляев. — Мы, полагаю, обзаведёмся определённой поддержкой после окончания союзнической конференции и все эти нападки думцев если не сойдут на нет, то не будут иметь прежнего эффекта. 14 февраля.

Голицын кивнул, видимо поддерживая данное решение целиком.

— Не согласен, общественность не станет ждать ещё месяц только потопа, что правительство не готово слушать нападки! — запротестовал Кригер. — Смею напомнить вам господа, что у нас патовая ситуация с железнодорожным сообщением.

— Также напоминаю, что банки отказываются кредитовать наши военно-промышленные предприятия! — добавил Шаховской.

— Так вот и займитесь этим вопросом господа! — воскликнул Добровольский с

искренним возмущением. — Не путайте мух и котлеты! У нас при переносе сессии будет целый месяц на то, чтобы убедить союзников продолжить оказывать нам помощь. А для этого нам понадобится работать в спокойной обстановке, а не тогда, когда нам натурально раскаленные угли под задницы подкладывают.

Протопопов, которого ни о чем не спрашивали, сам молчал и слушал.

Рано.

Тут надо бить одним ударом, чтобы наглухо.

Голицын призвал министров проголосовать и впервые проявил себя достаточно искусным политиком, убрав из голосования вопрос о возможности того, чтобы дума собралась в срок, как и вопрос о ее роспуске.

— Господа, выскажитесь, кто за перенос заседания на 31 января, а кто за перенос ещё дальше? Итак, кто за конец месяца?

— За, я хоть и поддерживаю проведение сессии в срок, но при сложившихся обстоятельствах собирать Думу нецелесообразно, — сказал Риттих. — К 31 января союзническая конференция будет идти полным ходом и основные решения, стоящие на повестке, наверняка будут приняты.

Начали поднимать руки. Пятеро. Кружок Трепова. Риттих, Кригер-Войновски, Феодосьев, князь Шаховский и граф Фредерикс. К ним присоединился Беляев. Голицын сосчитал, кивнул.

— Господа, кто за более длительный перенос? — сам князь поднял руку.

— Перенос на февраль, — буркнул Добровольский. — За неделю на конференции много чего может произойти и решения могут быть пересмотрены.

Руки подняли Барк, Раев, Рейн, Кульчицкий, Покровский, Григорович и Стахович.

Протопопов не поднял руку ни за один из вариантов, поэтому на него устремили глаза все собравшиеся на заседании.

— Ваше слово господин министр внутренних дел?

— Думал не спросите, — хмыкнул Протопопов. — А раз спросили господа, то изволите выслушать. Дума соберётся 12 января, чтобы вы тут не говорили.

— Ба! Ещё чего, Александр Дмитриевич! Что да вздор? На неделю раньше намеченного? — возмутился Добровольский, упираясь ладонями в столешницу. — Вы что ли выпили с утра пораньше?

Протопопов вымерил его взглядом. Прямо здоровый такой мужик, ручищи как клешни, плечи широкие, но и живот наел, что будь здоров. Судя по всему привык, что оппонент тушует, впечатлять его недюжинной физической силой, тем более, такой как Протопопов.

Однако Александр Дмитриевич и взглядом не повёл, выдерживая тяжелый взгляд Добровольского.

— Беспокойтесь, Николай Александрович, что господин Милюков узнает о ваших делах и озвучит на заседании? — ровным голосом спросил он.

— Это о каких таких делах вы изволите вещать? — продолжал закипать Добровольский, ерзая на стуле.

— Да так, которые после ЕГО смерти у Вас наперекосяк пошли. Или я по вашему разумению недостаточно доступно изъясняюсь? Стоит переформулировать?

Добровольский аж позеленел. Говорил Протопопов о необоснованном получении и присвоении денег, предназначенных для выдачи пособий нуждающимся чиновникам Сената, о незаконном прекращении дела некой госпожи Шмулевич и о получении взятки от купца

Нахимова с Северного Кавказа. На выпад Добровольский ничего не ответил и предпочел не раздувать тему.

— Так вот переносом думской сессии Вы однозначно способствуете тому факту, чтобы господин Милюков подготовился как следует и нашёл зацепку. А если сессия пройдёт раньше намеченного срока, гляди и подготовиться не успеет. Информацию ведь ещё надо найти, где брать, — подмигнул Протопопов.

Николай Александрович молчал, начал натужно теревить платок в своих руках.

Голицын, бывший не прочь потопить министра юстиции аж засиял, когда ему представился подобный шанс.

Друга по «группе» следовало спасать, поэтому к разговору подключился Покровский.

— Мы в отличие от вас Александр Дмитриевич думу не боимся, — начал он. — Она для того и собрана, чтобы болтать. Не Николая Александровича атакуют, так другого, хотя есть варианты как это дело изменить и вам о них достоверно известно.

Покровский, просивший Государя об отставке Протопопова, сейчас намекал именно на это.

— Николай Николаевич, уважаемый. Насколько мне известно, в думе к Вам относятся как к «кристаллически честному» человеку и стороннику сотрудничества с либеральной общественностью, такую репутацию заслужил далеко не каждый из нас. Или я плохо осведомлён? — Протопопов приподнял бровь.

— Я всегда выступал за честный и открытый диалог, это правда.

— Просто не могу понять, как вы в таком случае объясните господам Милюкову, Родзянко и остальным, что голосовали за перенесение думской сессии, а не за ее созыв в срок, я уже не говорю о своем предложении собрать думцев раньше? А они ведь обязательно поинтересуются. И слухи могут пойти разные, потому как за перенесение сессии нет равным счётом никаких оснований! И люди простые, они тоже могут подумать разное. Ни в коем случае не разделяю эту точку зрения, но ведь могут подумать, что правительству нужна пауза, чтобы согласовать условия сепаратного мира... За вас беспокоюсь, Николай Николаевич, — Протопопов улыбнулся на мгновение, а потом лицо его сделалось вновь каменным.

— Господин Протопопов! — Раев закатил глаза.

Внешностью он напоминал молодящегося старика. Чёрный парик, выкрашенные усы и борода, нарумяненные щёки. Сейчас его парик чуть сполз.

— Александр Дмитриевич, от вас я меньше всего ждал такие разговоры. Не вы ли говорили намерении, что эта Дума будет распущена и, если следующая Дума окажется также нехороша, то ее тоже следует распустить! Не из ваших ли уст было сказано, что Япония 11 раз распускала парламент и ничего!

— Говорил, — не стал отпираться Протопопов. — Вот только я человек министерский и наблюдательный. И мнение мое формируется из текущей общественно-политической обстановки, а не из личной прихоти.

— Полноте! Почем вам эту обстановку знать, если вас днём с огнём не сыщешь на совещаниях по продовольствию и транспорту! — возмутился министр Кригер.

— Подтверждаю, — заявил министр торговли и промышленности Шаховской.

Вмешался Голицын.

— Все Вы верно говорите, Александр Дмитриевич, но Вы же понимаете, что нас заключают и не дадут вдоха сделать, когда Дума откроет сессию в срок, а тут вы предлагает

более раннее заседание. Родзянко начнёт беспокоить Государя... Нам нужно время. Такое решение никуда не годится.

— Поступайте, как считаете нужным, разумеется, я что, я как все проголосую. Вот только один важный нюанс, господин Голицын, как и господа здесь присутствующие. Намедни, а если быть точнее, то вчера я получил секретный доклад из жандармерии о том, что господин Бобринский, а вместе с ним ещё ряд небезызвестных думских господ депутатов отправились в Царское село на грузовике, разработанном на военные нужды, вооружённые пулеметом, который они тайно повезли в грузовом отсеке. Каждый из них был вооружён личным оружием помимо прочего.

— Батюшки... — изумился премьер.

Остальные напряглись.

— И что с ними стало? — спросил Беляев.

— При попытке задержания данных террористов, они оказали полицейским сопротивление и были уничтожены.

Все сидели молча с совершенно каменными лицами.

— Господин Протопопов, но какая же причина демарша графа Бобринского, — прошептал едва слышно Голицын.

— А причина господин премьер министр в том, что они хотели убить ее величество Александру Федоровну...

По залу разнесся вздох.

— Поэтому господа, полагаю, что Вам не нужно объяснять, что у нас есть уникальный шанс воспользоваться и обличить деятельность террористического Прогрессивного блока в глазах общественности, на которую они опираются? И чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Потому что достоверно знать о планах этой террористической группировки не получается, а значит у нас нет времени на разного рода отсрочки и переносы думских сессий.

— Так давайте же арестуем тех мерзавцев которые принимают участие в заговоре! — вскрикнул Раев. — Все забросим в тюрьмы!

— На фронт их!

— Не выйдет, аресты спровоцируют волну возмущений, что им и нужно. Помимо прочего, эти мерзавцы уверены, что мы отсрочим думскую сессию или распустим думу на совсем, и они получают шанс действовать открыто и без оглядки, заручившись поддержкой общественности. Поэтому, предлагаю действовать на опережение и бить врага на его же поле. С трибуны Думы. Мое предложение — сессию не переносить, но сделать Думу бесполезной и даже послушной после нашего обличения.

После речи Протопопова висела гробовая тишина. Александр Дмитриевич решил вбить последний гвоздь в крышку гроба и, поднявшись со стула, сказал.

— Вот что господа, какие бы разногласия не были между нами, в ближайшие дни это не будет иметь совершенно никакого значения. Если мы перенесём сессию в нынешней ситуации или арестуем террористов, то это приведёт к крайним народным возмущениям. Это в свою очередь сделает невозможным ни проведение качественной конференции с союзниками вам господин Белов, ни проведение курса вам господин Голицын, ни выделение кредитов вам господин Барк... это полностью и целиком развалит наш с вами кабинет министров и оставит о нем память, как о клубе неудачников. Нам нужно действовать решительно, исходя из новых реалий. Предлагаю сессию Думы с 19 января перенести на 12

января!

С этими словами Протопопов вышел.

«— Кто-нибудь скажет мне, что происходит?»

— Вы журналистка?

— Да.

— Ну тогда сами придумайте.»

Доктор Кто

1917 год, январь 7,
Петроград.

Положа руку на сердце, Протопопов признавал, что сценарий правой террористической организации родился буквально на ходу. Александр Дмитриевич первоначально полагал, что на голосование выставят больше вариантов судьбы сессии Государственной Думы, а не ограничатся двумя датами переноса ее сессии. Была у господина министра некая убежденность, что «треповцы» будут стоять за проведение сессии в срок, что понятно и логично для прогрессивно настроенной ячейки. Да, нужного количества голосов для утверждения решения не наберется, но Протопопов рассчитывал обзавестись поддержкой двух-трёх «щегловитовцев» прямо «по ходу пьесы». Однако условный «центр» Совета министров из старой гвардии присоединился к большинству. В таких новых условиях базовый план затрещал по швам, в тему легла карта «террористов», вытацившая ситуацию сама себя, как барон Мюнхгаузен.

Как бы то ни было, заседание совета министров осталось позади. Оно носило неформальный характер и не заносилось в канцелярский журнал, но о результатах совещания будет доложено Государю в ближайшие часы. Только Николай II во всей полноте своей царской власти мог окончательно постановить, что станет с ближайшей сессией Думы.

Собрать Думу в срок 19 января?

Перенести начало сессии на 12 января?

Отсрочить или вовсе распустить Думу?

Подобным вопросом Государь задастся не позже вечера сегодняшнего дня. Главное — сделать так, чтобы поступающая к царю информация была максимально достоверной и привела к правильному окончательному решению. Даже если министры не поддержали Протопопова в переносе сессии на ранний срок, то все необходимые рычаги были нажаты и механизм запущен. Протопопов хорошенько «вскрыл гнойники» у некоторых министров и этим заставил их суетиться и переживать. Помогли имеющиеся в архивах МВД материалы и личные знания Александра Дмитриевича из будущего.

Поэтому новости о спасительном переносе под соусом слухов о правой террористической организации, окажутся у Государя. Донесут министры, передаст Александра Фёдоровна (императрицы о том поведают «свои»). И, в конечном счете, получив пищу для размышления, Государь вызовет в Царское село самого Протопопова, пожелав все узнать из первоисточника. Раньше Николай решение не примет, потому как любит анализировать и сопоставлять данные из разных источников. Зато если уж примет, то от

решения своего отказывается крайне болезненно и тяжело, даже если отчетливо понимает, что не прав...

То, что поступающая Государю информация будет разной по своей сути, Протопопов понимал хорошо. Ему удалось поколебать министров, и их решение после ухода из зала не было уже столь единым, это наверняка. Но надеяться только лишь на это — в корне неправильно. Протопопов проживший длинную и насыщенную жизнь, отдавал себе отчет, что судьбу свою не следует перепоручать обстоятельствам. Наоборот — можно. Потому Александр Дмитриевич по выходу из зала заседания, продолжил действовать и закручивать гайки, чтобы гарантировать думскую сессию на двенадцатое число, которое было не за горами.

Первым делом он вызвал Курлова в министерство. Генерал прибыл меньше чем через час. Они заперлись в кабинете, где состоялся важный разговор.

— Вызывали господин министр?

— Вызывали, господин Курлов, присаживайтесь, потолкуем.

Протопопов подробно пересказал генералу то, как произошло неформальное заседание Совета. Курлов пока слушал даже закурил, прямо в кабинете, хотя с тех пор, как Александр Дмитриевич стал министром, курить в здании МВД стало строго настрого запрещено — во дворе дома 57 появилась отдельная курилка.

Но пусть курит, дело то серьезное и нервы выматывает.

Протопопов велел генералу задним числом подготовить обширный материал, который бы безапелляционно доказывал, что Бобринский и другие убитые — террористы.

Нашли мотивы.

Обсудили.

Свели концы с концами, чтобы билось, с какой стороны не подойди.

— Ещё раз, Павел Григорьевич, к вечеру завтрашнего дня, чтобы у меня вот на этом столе лежали материалы на всех пятерых наших хлопчиков.

— Понял, Александр Дмитриевич, выполним в лучшем свете. Никаких *cousu de fil blanc*^[11].

Курлов было удалился, но Протопопов тормознул его в дверях.

— Павел Григорьевич. Сходите к Васильеву и раздобудьте какие у нас есть висяки по особо тяжким. Смело все вещайте на наших террористов.

Курлов кивнул, вышел.

Работы предстоял непочатый край. Ну ка, не так просто сфабриковать дела, соединить их в одно, чтобы комар носа не подточил. Это только кажется, что проще простого. А те же журналюги когда начнут копать, так обязательно что-нибудь интересно нароют. Но Курлов справиться, в этом Протопопов был уверен. К моменту вызова в Царское село, на руках министра будут тщательно проработанные материалы дел, обезличивающие деятельность петроградской экстремистской организации.

Закончив разговор с генералом, Протопопов некоторое время прикидывал, как изменится расклад сил после того, как слухи о резкой смене политической ориентации министра расползутся по Петрограду. Преждевременное начало думской сессии, по сути, оставит в дураках всех и каждого из тех, кто точит на самодержавие зуб. Никто из оппозиционеров не останется доволен переносом.

Совсем никто.

Ранний созыв Думы, как это не парадоксально, вызовет кучу негатива в среде левых,

особенно социал-демократов. Все из-за того, что эти умники готовили антиправительственные выступления к 19 января. Поговаривали о подготовке шествия к Таврическому дворцу и забастовках на предприятиях. Теперь, если риск сдвига сессии на неделю обретёт почву под собой, это оставит социал-демократов у разбитого корыта. Слишком мало останется времени для того, чтобы переподготовиться к новой дате.

Англия, которая (понятно, что не открыто) возмутится падением уровня социальной напряжённости и укреплению позиций самодержавия, несмотря на все усилия столичного посла и финансовые вливания. Союзничек спит и видит, как выиграть войну в союзе с Россией, но не отдавать Николаю обещанные проливы, а единственный возможный способ признать прежние договоренности недействительными — переворот. И как следствие обсуждение итогов будущей победы с новой властью.

Будет кусать локти прогрессивный блок незабвенного Милюкова, так как их пафосные и тщательно продуманные речи-нападки, 12 января прозвучат не так грозно, как могли бы. В определённой степени, думские депутаты заинтересованы в переносе сессии, чтобы усилить градус конфликта и напряжённости в обществе. А если собрать сессию Думы в срок, уже не скажешь "а мы ведь говорили!"

Развалятся околопрестольные движения общественных организаций, связанные с Гучковым, Терещенко, Львовым и их подобных псевдопатриотами.

И всех других.

Протопопов понимал это и держал в уме, что игра перевернется, если ставка, сделанная им на господина думского председателя Родзянко, сыграет.

Сложно.

Муторно.

Но не привыкать. Повоюем.

Ну а пока Александр Дмитриевич занялся другими важными делами — тем самым закручиванием гаек, остро необходимым в текущей ситуации.

Прежде всего, необходимо подготовить общественность к тому, что Думу надо открывать в кратчайшие сроки и чем раньше случится сессия, тем лучше. Для этого народу предстоит донести, что появилась нешуточная угроза в виде новой беспощадной террористической ячейки, боевики которой кошмарят Петроград без разбора. И в такой ситуации правительство де-юре и де-факто идёт навстречу и собирает раньше положенного думскую сессию, чтобы, между прочим, не ставить под угрозу имеющуюся и сложившуюся государственность.

Как донести?

Все просто.

Газета в условиях 1917 года — главный пропагандистский рупор. Именно через газеты формируется настроение общественных масс. Забавно, но мысли кучки самонапыщенных гавнюков и пропагандонов оппозиции в конечном счёте транслируются обществом. По крайней мере, той его частью, которая активная и грамотная в своем ядре. Именно поэтому закручивание гаек Протопопов решил начать с прессы. И кстати, от того же прежний Протопопов столько возился с созданием собственной газеты «Русская воля», где главной звездой был яркий и непревзойденный господин Амфитеатров — «король фельетонов».

Протопопов позвонил Александру Валентиновичу лично и пригласил отужинать сегодня же. Амфитеатров малость смутился, что ужинать предстоит в кабинете министра, а не где-нибудь в «Палкине» на виду и на людях. Поначалу заявил, что у него уже

запланировал вечер, но больно уж настойчива была просьба господина Протопопова. Из разряда тех, когда не отказывают, даже если сильно хочется.

Встреча была назначена на шесть.

К этому времени Александр Дмитриевич заварил чай покрепче, как любил и расположился в кресле. Однако Амфитеатров, как всякий честный творческий человек опоздал и явился только к половине седьмого.

Сразу в дверях он начал извиняться, говорить, что совсем не ожидал и вообще опоздал, потому что видите ли забыл дома шляпу, а потом и кошелёк. Рассказывал он это с таким запалом и выдумкой, что опытный писака чувствовался в нем за версту. За сим «король фельетонов» просил его простить и попросил перейти к делу, потому как.

— Времени у меня есть пять минут, не более, — сказал он.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — улыбкой ответил Протопопов.

Амфитеатров грузно сел, с трудом протискивая пятую точку в кресло, а он был человек отнюдь немаленький и, судя по всему, немалое место отводил в своей жизни сладкому и мучному. Поэтому, чем старше он становился, тем больше полнел.

Вытащил платок и начал протирать струящийся по лицу пот — вымотался. Такого кабанчика бы в руки Александру Дмитриевичу, да на сборы в те же Ессентуки (на которые, кстати у Протопопова имеются далеко идущие планы) и получился бы толковый борец.

Протопопов разлил чай по стаканам, улыбнулся уголками губ.

— Как ваше ничего, Александр Валентинович?

— А, — он махнул рукой. — Вот точно, что ничего, Александр Дмитриевич.

— Вдохновения нет? — делано обеспокоился министр.

— Когда ж оно есть? Я ничего стоящего не писал с «Сестёр», это уж точно. Один сборник рассказов за весь год выпустил!

— Вон как.

— Вообще работа не идёт, дрянь.

— Может на вас так Петроград влияет? — Протопопов открыл ящик своего стола, достал газету «Русская воля» от 7 января и небрежно бросил журналисту на колени.

Амфитеатров взглянул на номер. Вжался в кресло.

— Вы это о чем это изволите говорить, Александр Дмитриевич?

— Страницу третью откройте и читайте.

Амфитеатров открыл газету на той самой странице, о которой шла речь. Прочитал вслух.

— Заметка о деятельности одного из руководителей московских правых В.Г. Орлова в 1913–1916 гг. И? — уставился он на собеседника.

— Как вам заметочка?

— Как, — Амфитеатров напыщенно фыркнул, попытался положить ногу на ногу, но бросил эту затею. — Так мы правду пишем, как вы знаете, независимо о политических взглядов и убеждений. Замалчивать и врать я в «Русской воле» не собираюсь!

Амфитеатров отложил газету на стол и гордо вскинул подбородок.

— Не собираетесь, Александр Валентинович? — заинтересовался министр.

— Уважаемый господин министр, если Вы на эту тему изволите говорить, то говорить нам право не о чем, — Александр Валентинович демонстративно зевнул, показывая, что заскучал. — Да и времени у меня ровным счетом нет.

— Уверены? — подбоченился Протопопов. — До меня вот слухи разные доходят, что вы

аналогичную статейку про меня пишите и изрядно стараетесь?

— Так, вы как знаете, а мне этот разговор не нравится! Вопросы журналистики я с вами обсуждать не буду. Ни сегодня, ни завтра, ни вообще когда-нибудь. Вот перестанете быть министром, тогда может быть и поговорим по душам. Тем более, что пять минут, о которых я говорил, вышли и мне самая пора отклоняться.

Амфитеатров засобирался тотчас. Начал подыматься из кресла, в которое с таким трудом сел. Застрял.

— Давайте ка я вам помогу подняться, Александр Валентинович.

А потом, то ли потому что Александр Валентинович был неаккуратный человек, то ли потому что Александр Дмитриевич неудачно подал ему руку. Но чашка чая как бы ненароком перевернулась между ног журналиста, застрявшего в кресле.

— Ай-я-й! Аккуратнее!

Амфитеатров подскочил вместе с креслом. Выбил из рук министра чашку, разбил.

В кабинет тотчас заглянул Федя, но Протопопов поднял руку — свободен.

Чай горячим пятном расплылся по брюкам уважаемого журналиста.

— Больше я у вас не ногой! — затарахтел Александр Валентинович. — Хотите вызывайте повесткой, хотите арестовывайте, но меня здесь по доброй воли не...

Господин Протопопов вдруг достал свой Кольт и заставил Амфитеатрова заткнуться, вставив холодное дуло тому в рот.

— Опаньки какое недоразумение, Александр Валентинович. Присаживайся дорогой.

— Вы... вы... — Амфитеатров начал задыхаться.

— Мы, мы, — Протопопов взвёл курок. — Садись, дорогой. Потолкуем.

Амфитеатров не послушался.

Уселся.

Бледный и перепуганный на смерть.

Совершенно непривычный к такому обращению от кого бы то ни было.

Протопопов вытащил Кольт из его рта, вытер о брюки журналиста и положил рядом на стол. Взамен достал из ящика необычный аппарат, в котором можно было отдалённо распознать первый прототип шредера^[12]. Протопопов смутно припоминал, что аппарат этот достался ему из штаба межрайонцев, где не так давно проходил обыск. Те якобы привезли машинку из-за океана. По устройству шредер напоминал ручную лапшерезку.

На глазах Амфитеатрова, Протопопов пропустил газету через прибор и размельчил на лоскутки.

— Я вот что думаю, Александр Валентинович, а если следом положить в сей дивный сосуд твои яйца? Проверим, что тогда с ними будет? Ну и сразу пойдешь тогда по своим делам.

Амфитеатров молчал, хотя горячий чай должно быть больно обжигал его между ног.

Протопопов отложил измельчитель, подался вперед.

— Слышь, ты че воду мутишь? Ничего не попутал?

— Александр Дмитриевич, зачем же сразу пистолет, зачем яйца, почему же воду мучу, — заблеял журналист, от гордыни и решительности которого не осталось и следа.

— Я тебя спрашиваю, ты под кого роешь? Кого холопом называешь, подлец?

У Амфитеатрова брови на лоб полезли от неожиданности. Откуда министр мог знать, что Александр Валентинович уже как неделю (ровно после случая на торжественном приеме, наделавшем много шума) писал свой фельетон, который намеревался опубликовать

в газете в цикле «Этюды». Опубликовать с криптограммой, читавшейся по первым буквам каждого слова. В нем он действительно называл Протопопова «усердным холопом реакции». В оригинальной истории за этот фельетон Амфитеатров был выслан из Петрограда, а в нынешней истории Протопопов даже не дал «королю фельетонов» закончить свой труд.

— Александр Дмитриевич, п-право Вы не т-так п-поняли... — Амфитеатров начал заикаться.

— Штаны снимай, — мягко перебил Протопопов. — Я, думаешь, с тобой разговаривать буду?

— У-у-у, — взвыл журналист и приложив усилие, чтобы взять себя в руки затараторил. — Пощадите! Сыров это все, негодяй! Это его заказ. Я сегодня же уничтожу все то, что написал! А хотите вообще уволюсь и уеду!

— Отставить увольняться, — Протопопов положил руку на плечо журналиста. — Но за тобой косяк есть, надо исправить.

— Как исправить Александр Дмитриевич, все сделаю! — охотно закивал Амфитеатров. Протопопов вновь открыл ящик стола и сунул Амфитеатрову лист, на котором было напечатано прилично так текста.

— Опубликуй в журнале и не оттягивай.

Амфитеатров покраснел весь, как вареный рак. Но лист взял. Поднялся, высвободившись таки из «плена» кресла. И двинулся к выходу, спиной шажок, другой, одновременно кланяясь.

— А! Александр Валентинович, у меня на 7 часов назначен господин Ермольев, пригласите его зайти, — бросил Протопопов вдогонку.

Теперь уже Протопопов зевнул демонстративно. Хотя скучать, Александр Дмитриевич определённо не скучал. Этим разговором он убил сразу двух зайцев. Вручил написанный накануне «обличающий» террористов материал, написанный собственноручно и согласованно с Курловым. Узнал, даже вернее сказать вспомнил, а потом убедился, что за публикациями в «Русской воле» (как, наверняка и в других изданиях, тут к бабке гадалке не ходи) стоит не идеология Амфитеатрова и не принципы журналиста, а деньги. И не Сыров, который являлся номинальным владельцем «Русской воли» и сам по себе не имел нужной толщины кошелька для финансирования издания. Нет, «политику» газеты определяли серые кардиналы — банкиры Блох и Шайкевич. Те самые ребята, которые выделили свои средства Протопопову на открытие газеты с прицелом, что октябрист продолжит прогрессивную политику в министерстве внутренних дел. Но после того как Протопопов выступил за царизм, банкиры быстро переориентировали газету, пользуясь образом мученика Амфитеатрова и теперь вставляли палки в колёса министру.

Протопопов понимал, что за это парочкой стоит в том числе международный банк, тот самый, который отказывает в кредите военно-промышленным предприятиям и все это связано в тесный узел. И отвесив пощечину Амфитеатрову он бросил вызов этим серым кардиналам, его «хозяевам». Оставалось ожидать как они ответят, когда узнают об инциденте. Это крупные рыбки, и даже будучи министром, Протопопову не добраться до банкиров, хотя в их ведении лежит ключевой вопрос земли по части кредитования и вопрос финансирования военной промышленности.

От размышлений Протопопова отвлёк появившийся в дверях Иосиф Ермольев, которого едва не снес Амфитеатров, выглядевший жалко и комично с обмоченными штанами.

Ермольев, бывший юрист, а теперь режиссёр супер популярного синематографа,

образовавший пару лет назад киноателье — «Товарищество И. Ермольева».

Он поприветствовал Протопопова, которого хорошо знал и присел в кресло.

— Хотели меня видеть, господин министр?

— Хотел, господин режиссёр, — согласился Александр Дмитриевич.

О том, почему накануне в кабинете верещал господин Амфитеатров, Ермольев, как человек умный, спрашивать не стал.

Говорили о другом.

Хорошо так поговорили.

Протопопов заметил господину Ермольеву, что синематограф из всех искусств является важнейшим, а в условиях, когда подавляющая масса населения Империи не обучена грамоте — тем более. И министр внутренних дел считает в корне неправильным, что синематограф в его нынешнем виде не имеет столь же широкого охвата и распространения, как пресса. А потом Александр Дмитриевич сделал предложение от которого Ермольев как человек охочий до денег отказаться не смог. Основать министерство синематографии в подведомственно МВД и снять по такому случаю ленту в кратчайший срок. А заодно предложил режиссеру интересное виденье того профиля, которым "министерству синематографии" будет положено заниматься.

Благо рубли у Протопопова после отказа финансирования правых были в наличии. Пожав друг другу руки, они разошлись.

«Тайная информация — это почти всегда источник большого состояния и результат публичного скандала».

Оскар Уайльд

Год 1917, январь 10,
Петроград, квартира Маркова Второго.

Ранним утром Протопопову сообщили, что на его имя пришло некое приглашение от небезызвестного и крайне навязчивого депутата, искавшего его общество.

Господина Маркова Второго.

Николай Евгеньевич приглашал прибыть министра на свою квартиру и принять участие в «чаепитие с разными русскими господами, кто за Россию душой». Протопопов поколебался, но посчитав, что игнорирует Маркова неприлично долго и без резонного повода, решил таки сходить почаявничать. Да и в целом нанести визит вежливости не помешает. Слишком долго он футболил патриотов, а такие вещи риск чему хорошему не приводят — люди могут обиду затаить. Да и что-то было в настойчивости господина Маркова, на что следовало обратить внимание, просто так (даже ввиду только лишь прекращения финансирования) столь рьяно встречу не выбивают.

К тому же накануне Александру Дмитриевичу было доложено, что в Царском селе на приеме у Государя побывал господин бывший министр внутренних дел — Маклаков. Поговаривали, что царь остался впечатлён встречей и заявил Маклакову, что желает увидеть его ещё раз на днях. К своему стыду, Протопопов не помнил сути разговора между бывшим министром и царем, хоть сам факт визита к Государю Маклакова припоминал более чем отчетливо. Поэтому между делом, так сказать, Александр Дмитриевич был бы не прочь выведать о результатах визита Маклакова при беседе с Марковым или любыми другими «русскими господами, то за Россию душой».

Да и понять, чем дышат радикальные правые, тоже не мешало. Прекращение финансирования этой прослойки вовсе не означало, что этот политический элемент больше не может быть полезен и задействован в дальнейшем.

Ну и, в конце концов, развеется и переключиться — тоже не мешало. Дела запустились, и Протопопов ждал приглашения к царю.

Уже будучи на месте узналось, что в квартире Николай Евгеньевича проходит заседание главного совета Союза Русского Народа с участием вновь прибывших из провинции представителей разных мастей.

Удачно то как пришел.

Человек в квартире собралось немало, все с самодовольными рожами сидели на диванах, набитых как бочки килькой. Стоял непрерывный галдёж, дым коромыслом и все были заняты спорами, поэтому появление даже такой заметной величины, как министр внутренних дел прошло достаточно незаметно. Некоторые, конечно, поднимались со своих мест, приветствовали со всем почтением Протопова, но большинство из присутствующих не знали Александра Дмитриевича в лицо. Все же люди из губерний и достаточно далёкие от

столичных дел. Протопопов был встречен самим хозяином у входа.

Марков просиял при его виде, долго тряс руку Александра Дмитриевича и проводил его на «лучшее место для господина министра» коим оказалось кресло в углу, где (как и везде) набился народ в количестве трех человек. Один, самый толстый и старый растёкся по самому креслу и курил, а ещё двое, с жопами поменьше и помоложе правда, сидели на поручнях с чашками чая в руках. Заварной чайник стоял на небольшом столике напротив кресла.

Марков со свойственной ему беспардонностью согнал эту компашку со своих мест.

— Господа любезные, освобождаем место для его превосходительства министра! Живо!

Двое молодых встали тотчас, возможно признали Протопопова прежде. А вот третий, толстяк, то ли вставать поленился, то ли тот факт, что перед ним министр не расслышал. Выпучив глаза, постучал ладошкой по одному из поручней, одновременно затягиваясь — мол, присаживайтесь. На поручне посидите.

Протопопов недолго думая подошёл к толстяку, вытащил папиросу «Капризь» из его рта и потушил прямо в чашке чая.

— Курить — здоровью вредить, — Протопопов улыбнулся.

Толстяк выпучил глаза ещё шире, но сказать ничего не сказал.

— Так, Евгений Александрович, — Марков тут же вырос перед ним, прихватил за локоток аккуратненько так, потащил из кресла. — Не надо на меня так смотреть, постойте, вам полезно физические нагрузки. Это же место для Александра Дмитриевича, вы, наверное, не расслышали.

В конце концов, толстяк сдался и заковылял к стенке, вдоль которой стояли те, кто не поместился на диванах. По пути едва не перевернул стол с заварочным чайником. Протопопов проводил его взглядом, покосился на Маркова.

— Не гостеприимный вы хозяин, Николай Евгеньевич.

— А ему натурально полезно постоять, — хмыкнул Марков. — Я ведь не шучу, Александр Дмитриевич.

И, видимо, восприняв слова о собственной негостеприимности близко к сердцу, тут же оформил для Протопопова чашку чая.

— Угощайтесь, располагайтесь...

Он потянулся за сахаром, видимо положить в чашечку министра, но Протопопов резко схватил депутата за запястье.

— Я разберусь дальше сам. Спасибо, уважаемый.

Причем схватил так, что сахар даже просыпался на стол. Ну что поделать, сохранялась у Александра Дмитриевича привычка следить за тем, чтобы никто и ничего ему в еду или питье не подсыпал ненароком.

Марков улыбнулся криво, явно смутился.

— Как скажете, мое дело предложить.

Ну а дальше Протопопов расселся в креслице, угостился чаем, который счёл весьма отвратительным на вкус, остывшим и вообще заваренным неправильно. И прикинул, что к чему на квартире у правого депутата, не обращая внимание на самого Маркова, травившего над ухом плоские шуточки «за 200».

За СРН Протопопову приходилось слышать прежде. Какие-то десять лет назад (если по меркам этого времени) члены данной организации были известны рядом жестоких политических убийств. Например, видных кадетов Герценштейна, Иоллоса и «трудовика»

Караваева и даже прославились неудачным покушением на Витте. Правда и сами члены СРН были хорошо так пощипаны большевистскими боевиками, те особо не выбирали методов и были скоры на расправу. О том, как обстоят дела у союза сейчас, Протопопов подробно не знал (дерьмово видать дела обстояли, раз ни слуху, ни духу), но был не прочь послушать старика с пышной белой бородой, вышедшего в центр зала под аплодисменты, в котором сразу узнал Римского-Корсакова. Этот дедушка, будущий активный участник Белого движения и нынешний член Госсовета, славился своей непримиримой борьбой по уничтожению революционных банд и агитаторов против России. Помимо пышной и причудливой бороды, у Александра Александровича была выверенная осанка и совершенно убийственный взгляд в стиле «убью и закопаю».

Протопопову стало понятно сразу — этот не остановится ни перед чем. И ни перед кем. Суровый дядька.

Послушаем.

При появлении Римского-Корсакова народ сразу притих, как по щелчку. Он кашлянул в кулак и заговорил, поведав, что движение русских людей испытывает системный кризис, из которого настало время выбирать общими силами. С каждым сказанным словом Александр Александрович расплылся и краснел. А потом начал махать одной рукой, а на другой загибал пальцы.

— У нас есть две основополагающие проблемы, которые обуславливают системный кризис нашего патриотического движения и без решения которых, наша деятельность становится невозможной! — говорил он охрипшим и прокуреным голосом. — Первое, правительство запрещает наши съезды! Ладно бы съезды, частные совещания и те находятся под запретом с недавних пор! Во вторых, у нас совершенно недостаточно средств на расширение патриотической работы! У нас нет денег господ, собственная власть продолжает урезать субсидии, тогда как наши оппоненты изыскивают средства у врага и их активность только увеличивается изо дня в день!

Второй укол, несомненно был направлен в лом числе в сторону Протопопова. Знал бы еще этот бородач о том какого рода статейка зреет в «Русской воли» от господина Амфитеатрова...

Александр Александрович продолжил, отмечая, что патриотическому движению следует собрать всю свою волю в кулак и проявить политическое мужество, чтобы снова засиять, как птица Феникс, восставшая из пепла.

— Опираясь на происшедшие перемены в высшем составе правительства, со всей ответственностью предлагаю. Во-первых, вновь ходатайствовать перед властью за то, чтобы нам было разрешено проводить как минимум частные совещания. Во-вторых, изыскать средства на расширения нашей, безусловно необходимой, патриотической деятельности. Для чего призываю создать особую комиссию, которая займётся решением данного вопроса на самых высоких уровнях. Членов комиссии необходимо выбрать безотлагательно!

Прямо на глазах Протопопова прошло голосование и в комиссию были выбраны депутаты Левашев, Замысловский и голова Одессы господин Пеликан, который по заверению Римского-Корсакова должен был приехать в Петроград в самое ближайшее время.

Протопопов, слушая выступление, наконец понял, отчего так «охотились» за ним правые. Похоже, что с помощью министра (ранее имея его поддержку), они рассчитывали получить нужные решения на самом верху.

Поэтому неудивительно, что закончив свою пламенную речь, Римский-Корсаков

направился напрямик к министру. Хоть Протопопов и не припоминал, что у прежнего Александра Дмитриевича случались частые беседы с Александром Александровичем, можно было предположить, что старик хорошо осведомлён о прежних привычках министра. По крайней мере, никак иначе объяснить настойчивое и взбалмошное желание старика поцеловаться с Протопоповым, было нельзя.

Жмёт руку.

Лезет своими старыми, потрескавшимися губами в лицо министра.

Движение.

Захват за запястье.

Бросок.

И Римский-Корсаков плюхнулся на кресло, где только что сидел сам Протопопов.

— Вы присядьте Сан Саныч, видать переволновались после выступления.

— Так я поприветствовать вас хотел! Как мы всегда целовались поцеловаться, — изумленно произнёс старик, хлопая глазами.

— Раньше целовались, а теперь я только с женщинами целуюсь, — Протопопов дабы успокоить Александра Александровича похлопал старика по плечу и всучил тому чашку с чаем. — Угощайтесь. И вы, кажется, что-то мне сказать хотели?

В голове Протопопова всплыло, что прежний Александр Дмитриевич помимобнимашек и целовавшек, сопровождал их таким странными словечками, как «мой милый». И министр аж поежился, захотелось даже вымыться хорошенько.

Римский-Корсаков очухался после такого «тёплого» приема. Чашку с чаем отставил на стол, не став пить — видимо уже пробовал раньше и тоже пришел к выводу, что чай у Маркова так себе.

Поднялся.

Не хотел разговаривать из позиции снизу вверх стало быть и желал использовать своё преимущество в росте. И прежде чем начать прокашлялся в кулак ровно так, как перед своим выступлением.

— Ну-с, начну с того, что мне неожиданно приятно обнаружить вас на нашей встрече людей, заинтересованных и болеющих за судьбу своего отечества, — начал он.

Теперь, когда они стояли, Римский Корсаков, мужчина высокий и, несмотря на возраст подтянутый, смотрел на щуплого Протопопова сверху вниз.

— Как вы находите мое выступление?

Протопопов напротив, желая нивелировать преимущество старого боевика в росте, опустился в кресло и перекинул ногу на ногу.

— По какому вопросу вы были так настроены встречи искать? — спросил Протопопов. — Надо полагать, что вы звали меня не ради приятностей и любезностей? Говорите прямо и не портите впечатление о себе.

Их взгляды столкнулись. Оба смотрели так, что собеседник невольно отводил глаза. Один боевик этого времени, у него руки по локоть в крови политических оппонентов. Другой боевик времени, которое наступит сто лет спустя. И никто не хочет уступать в этой битве взглядов. Протопопов чувствовал, как Римский-Корсаков своим взглядом буквально выворачивает его наружу, но взгляд не отводил. И Александр Александрович тоже, вцепился, как питбуль натурально.

Неизвестно сколько бы длилась вот такая дуэль, если не подошедший Марков.

Видя, что оппоненты сверлят и уничтожают друг друга глазами, Марков запнулся на

полуслове, понимая, что крайне не вовремя подошёл:

— Алекса... — Николай Евгеньевич, как человек прозорливый, быстро нашёл выход и указал на чашки чая, стоявшие на столе. — Может вам господа чайку освежить? Кипяточек подлить?

— Не стоит.

И Римский-Корсаков, и Протопопов обернулись на Маркова одновременно.

Тот пожал плечами коротко и удалился, так и не сказав для чего приходил.

— Я скажу прямо, Александр Дмитриевич, — Римский-Корсаков вернул на Протопопова взгляд, но теперь в нем не было прежней железной хватки.

Пощупали друг дружку.

Нагляделись.

И хватит.

— Нам надо держаться вместе, как мы и обуславливались, — заявил Александр Александрович. — Времена нехорошие настали, как вам известно и без меня. Заразу хотят в головы людей подселить, размножить и убедить в том, что Россия и все русское — непотребно и должно быть уничтожено на корню. И вместо того чтобы разворошить гнездо гадюк, находятся люди, именуемые себя истинными патриотами, кто этих гадюк подкармливает и гладит по головке.

— А вы сам то? — спросил Протопопов мягко, но при этом так, что от вопроса по коже натурально мурашки прошли.

— Мы, господин министр, спим и видим, как непотребства из России матушки вымести, да вот только патриотом в наше время становится быть опасно, к моему глубокому сожалению.

— Понимаю, продолжайте, — Протопопов кивнул, давая понять, что до сих пор не услышал конкретики из уст Римского-Корсакова и не прочь услышать теперь.

Александр Александрович подобрался, огляделся, прежде чем продолжить, будто бы опасался, что на собрании СРН найдутся те самые гадюки, о которых было сказано выше.

— На самом верху требуется капитальный ремонт, — сообщил он стальным голосом. — Государственная Дума должна быть распущена немедленным манифестом.

— Я верно понимаю, что об этом шла речь на недавней встрече господина Маклакова и Государя?

— Маклаков предложил Государю проект манифеста, — процедил Александр Александрович.

Помолчали.

Протопопов переваривал сказанное. На лбу Римского-Корсакова блестел холодный пот.

— Идёт грызня за власть, тогда как нужно всем соединиться в кулак, — наконец, продолжил Александр Александрович. — В жуткую военную годину все как ослепли. Думу следует распустить, и не созывать далее ни в коем случае, до тех пор, пока не подойдёт для этого законное основание.

— Я слышал, что правые колеблются между перерывом и роспуском? — уточнил Протопопов.

— Роспуск и только! — Римский-Корсаков ударил кулаком о ладонь.

— Понятно, Александр Александрович.

— Государь сказал, что на сим разговор с господином Маклаковым не окончен... — вкрадчиво сообщил старый боевик. — Так что...

— Мы обуславливались, что будем говорить прямо, — напомнил Протопопов. — Что вам нужно?

— Деньги!

— Допустим, а чего же, Александр Александрович, господин Маклаков не попросил нужную сумму у Государя, раз тот проникся вопросом? Замечу, что Барк ничего не говорил мне по этому поводу. А бюджет, знаете ли, не только вам урезают, но и прочим. Денег мне натурально неоткуда взять.

Старый боевик замялся, но надо ему отдать должное — ненадолго.

— Ну, так может стоит напомнить о нас господину Барку? Вы то его почти каждый день видите, Александр Дмитриевич. Вы просили говорить прямо, вот я и говорю прямее некуда.

Протопопов задумался. Деньги — это хорошо, они решает большинство проблем. Однако патриотизм это такая штука, которая либо есть, либо нет. И с наличием денег это не связано. И судя по тому, что Александр Дмитриевич наблюдал на сегодняшнем собрании, настоящих патриотов, способных отстаивать свою Родину, здесь можно было пересчитать по пальцам руки.

Одной.

В квартире Маркова собрались по большей части мерзавцы-выгодники, которым по факту не было дела до чаяний России и до исконно русских интересов. Каждый второй здесь вступал в ряды СРН и делал посильные взносы лишь для того, чтобы получить свою выгоду.

Деньги.

Власть.

Признание.

Они почешут языками на столичном собрании, примут какие-то решения, а потом разъедутся по своим губерниям. Не все здесь были такие, и сам Римский-Корсаков слыл истинным патриотом, что и доказывал всю свою жизнь изо дня на день. Однако Протопопов понимал, что любые выделенные на правых средства начнут оседать в карманах членов СРН и никогда не будут потрачены на поставленные цели, причём цели довольно правильно сформулированные, пусть и достаточно в общих чертах.

СРН действительно переживал глубочайший кризис

Вслух министр сказал следующее.

— Обсудим, Сан Саныч.

— Когда?

— Ровно в тот момент и сразу, когда у меня на столе будет лежать план действий.

— Какой? — удивился Римский-Корсаков.

— Явно не такой, как вы мне поведали сейчас. Я предпочитаю не разговаривать по воздуху. Фамилии, адреса, цели. Мотивы, исходя из которых они поставлены, и результаты, которых стоит ожидать по достижению. И главное — сроки.

— Сделаю стало быть.

— Предоставьте мне список членов СРН, которых вы будете задействовать в реализации своего плана в той или иной форме. И да, не говорите им, что данное предприятие будет финансироваться из бюджета. Сообщите, что в реализации плана каждому придётся поучаствовать по мере сил. Я хочу знать истинных патриотов в лицо, Александр Александрович. Только с такими людьми я готов работать.

— Задача ясна, — заключил Римский-Корсаков.

— И запомните, высокопарные фразы и философские высеры от Маклакова, Говорухи-

Отрока и любого другого, кого бы то ни было, я не намерен обсуждать в принципе. Как вы верно заметили в своей речи, у нас Война. И действия должны быть самые решительные, согласно закону и духу военного времени.

Римский-Корсаков ничего не ответил, но глаза его прям загорелись после слов министра. Он откланялся, сообщив, что обязан уделить время другим гостям. Протопопов же понял, что к составлению полученного, старый боевик приступил незамедлительно.

Выступить начал другой член СРН, моложе раза в два, чем Римский-Корсаков. Весёлой такой аккуратный и лощенный. Имени его министр не знал. Говорил о судьбе неких правых газет, накануне закрывшихся, и тоже просил деньги на возобновление выпуска и зарплаты штату.

По итогу журналюга, представляющий интересы газет «Киев» и «Волга» не сумел привести нужные и исчерпывающие доводы, которые бы позволили раскошелиться собравшимся. С формулировкой «ввиду неопределенности положения», предложение было отклонено, и газеты остались закрыты.

Во время речи журналюги Протопопов обратил внимание, что за ним наблюдает мужчина средних лет. Аккуратно одет, держится с достоинством, волосы на усах и голове стильно уложены. Бороды не носит. Можно было предположить, что он узнал министра и наблюдает за ним с тех пор, как у Протопопова состоялся разговор с Сан Санычем. Понятно, что на Александра Дмитриевича косились с разных сторон, но чтобы так — это был единственный. Протопопов сразу понял, что этому мужчине «что-то» нужно.

В конце собрания перед народом выступил Марков Второй и подвёл итоги (хотя по разумению Протопопова, никаких итогов не было — все вилами по воде).

— Господа, напоминаю, что в этом месяце у нас намечены новые встречи. Заседает президиум союза с нашим новым председателем Дурасовичем. Всем спасибо, что пришли! Не расходитесь, будет подан десерт и шампанское.

Расходиться действительно никто не спешил. Скорее всего, каждый из присутствующих закинул денег в котёл на посиделки. Все разбились по кучкам и принялись перетирать итоги встречи и не только их. Кто-то давно не виделся, кто-то в принципе был не прочь поболтать.

Протопопов, посчитавший, что на сим его визит к Маркову окончен, направился к дверям. Разумеется, что он заметил, как следом за ним последовал тот самый мужчина средних лет, не сводивший с министра глаз. Он странно держал руку у внутреннего кармана своего пиджака.

«Держи своих друзей близко. А врагов еще ближе»

фильм "Крестный отец"

Год 1917, январь 10,
Петроград, дом Маркова Второго,

Протопопов спешно вышел из квартиры Маркова Второго, понимая, что странный мужчина следует за ним едва ли не по пятам. Охрана министра стояла внизу у автомобиля, где он их оставил. Это означало, что для выяснения всех «вопросов» у незнакомца есть меньше минуты. Время, за которое Александр Дмитриевич спустится по лестнице и уедет, а пока эти шестьдесят секунд тикают — у них есть достаточно времени задать друг другу интересующие вопросы. Надо ли говорить, что связываться с министерскими быками, этот "персонаж" не станет наверняка. По его движениям, по таймингу, Протопопов видел, что незнакомец отнюдь не обучен. Потому если и готовит покушение, то спонтанное. Следовательно, он не станет откладывать вопрос в долгий ящик и перейдет к активным действиям уже в подъезде.

Что ж, Протопопов был не прочь объясниться с глазу на глаз.

Министр вышел из квартиры, но вместо того чтобы спускаться по лестнице, поднялся на один пролёт выше и затаился у стены, благо освещение в подъезде было не из лучших. Незнакомец буквально выскочил на лестничную клетку из квартиры Маркова следом, все также держась за внутренний карман пиджака. Явно намеревался догнать министра со спины.

Протопопов одним прыжком настиг незнакомца.

Подсечка.

Взятие на бросок.

Боковой переворот.

Короночка от Александра Дмитриевича.

Таким точно броском он в своё время выигрывал чемпионат СССР по самбо, который состоится через несколько десятилетий. Потому тело Протопопова, пусть куда более слабое и не тренированное (хотя Александр Дмитриевич этот недостаток активно исправлял все эти дни после попадания) охотно воспроизвело былые навыки. Незнакомец беззвучно, как бревно воткнулся в пол. В 1917 году о самбо еще слышать не слышали, поэтому защититься у мужчины не было ни единого шанса. Министр следом навалился на его грудь всей тяжестью своего колена, выпуская из воздух последний воздух. Одной рукой придерживая мужчину за грудки, другой доставая Кольт.

— Ку-ку!

Черное ледяное дуло уставилось в лицо незнакомца.

— Господин министр... — задыхаясь, выдавил из себя мужчина.

— Ты кто такой? — зарычал Протопопов, перебивая.

— Петров я... — вымолвил совершенно обескураженный мужчина, кривясь от боли.

Досталось ему крепко. Бросок вышел довольно таки амплитудный. А что такое падать

на твердую поверхность, вместо матов — тут объяснять никому не стоит.

Протопопов залез ему за пазуху, всерьёз полагая найти там пистолет, из которого этот Петров намеревался грохнуть министра выстрелом в спину. Но нашел там лишь газету с названием «Русское знамя», скрученную в трубочку для удобства.

Газету!

И больше ничего, ни пистолета, ни на худой конец спрятанного в газете ножа, чтобы им засадить под рёбра. Даже арматуры и той нет, чтобы голову проломить...

Пустыми оказались карманы брюк.

Чистый...

Протопопов осторожно поднялся, убрал колыт и рывком поднял на ноги человека, представившегося Петровым. Он ёжился и держался руками за ушибленный бок. Понятно, подготовки никакой, падать правильно не умеем и не группируемся.

Министр ещё раз окинул «киллера» пристальным взглядом, продолжая удерживать за грудки одной рукой.

— Я ведь тебя за малым не грохнул прямо тут, потом Маркову пришлось бы твои мозги со стенок соскребать. Или не врубаешься, что происходит?

— Так я ведь всего на всего поговорить хотел, — ответил Петров, все ещё морщась от боли.

— Ты вроде интеллигентный человек, с виду не глупый. А тям нет, что за министрами не надо ходить по пятам и со спину подкрадываться. К министрам на приём записываются...

Протопопов понимая, что произошло недоразумение и никакой это не киллер, отряхнул пыль с пиджака мужчины, которым он благополучно вытер полы начисто. Хлопнул его по плечу, подбадривающе.

— Что хотел то? Выкладывай.

Петров ответил не сразу, наверное, уже и позабыл после такой тёплой встречи.

— Поговорить с вами, Александр Дмитриевич... уж извините, что вышло так. Я как-то не догадался и думал, что вы меня узнаете, я ведь у вас на приеме бывал прошлой весной, мы по газете вашей ещё общались, припоминаете может быть? Вы совещание редакторов проводили, когда "Русскую волю" открывали.

Припоминать Петрова Протопопов не припоминал. Мало ли с кем виделся прежний министр. Правда, если бы цель встречи была важной — наверняка бы запомнил рожу этого мужчины, а тут совершенно пусто в голове.

— В чем была проблема подойти ко мне в квартире Николай Евгеньевича? — министр приподнял бровь. — Отчаевничали бы, пообщались.

— Бог видит, не хотел, чтобы свидетелем нашего разговора стали отдельные личности, которые пришли на квартиру, — признался Петров.

Видя, что Протопопов сменил гнев на милость, мужчина нагнулся, поднял газету, прижал ее к груди.

— Вижу, что вы меня не припоминаете, Александр Дмитриевич, поэтому представляюсь заново. Моя фамилия Петров, редактор «Русского знамени», наверняка вы читали нашу газету, — он протянул руку. Обменялись рукопожатиями. — Не обладая лишней скромность скажу, что мы в нашей газете поднимаем упавшее знамя правых и вообще мы патриоты до глубины своей души.

— Это у вас девиз такой? Знамя поднимать упавшее?

— Это чистая правда, которая, между прочим, многим приходится не по нраву. Блеклое

обсуждение на собрании СРН не оставляет нам другого выхода.

— Не бойтесь в «Русском знамени», что и вас закроют? Как те две патриотические газетёнки, о которых у Маркова вещали?

— Если только на то не последует прямого распоряжения свыше... — пожал плечами редактор. — От вас, например, Александр Дмитриевич.

— А есть за что закрывать стало быть? — улыбнулся Протопопов. — Если есть, так мы закроем.

Петров промолчал, поэтому министр добавил, видя, что журналист не понимает шуток.

— Я скорее про то, что ваши правые газеты ныне не пользуются популярностью и не находят у читателя отклик, от слова совсем.

На самом деле Протопопов уже начал терять интерес к своему собеседнику и даже хотел сообщить этому газетчику, что если тот надумал взять у министра интервью или еще чего, то сейчас на то неподходящее время. Есть приённые часы, запись в конце концов и не совсем правильно общаться вот так вот в подъезде дома Маркова. Да, Протопопов, конечно, немного подзабыл на свою часть «публичных» обязательств и вот уже несколько дней подряд отменял прием, но вон Марков и Римский-Корсаков таки нашли способ встретиться, изловчились. Поэтому пусть Петров или как его там — тоже дерзает, если это ему действительно нужно.

Однако следующие слова редактора «Русского знамени» заставили министра передумать и таки выслушать Петрова.

— Понимаете, Александр Дмитриевич. Тут дело в том, что газеты или как вы их называете газетёнки у наших патриотов не совсем правые, — начал Петров. — А правые они лишь настолько, насколько позволяют им поправить. Наша же газета исправно издается на личные средства глубоко уважаемой лично мной госпожи Елены Александровны Полубояриновой. И в этой связи, я позволю себе сравнение тех самых правых газеток с вашей «Русской волей». Она ведь тоже заявлена как промонархическая, так сказать.

— Продолжайте.

— Я имею в виду исключительно то, что капитал, в лице банкиров ее финансирующих, и вздоха свободного не дает делать редакции.

Петров сделал паузу, видимо ожидая реакцию Протопопова, но реакции не последовало. Непонятно чего он ожидал, глаза министру хотел открыть? Так сам прежний Протопопов, собственно и искал инвесторов для участия в акционерном обществе «Печать», в состав которого входила газета "Русская воля" и по сути была главным активом этой организации.

Но добавлять к сказанному, редактор Петров ничего не стал. Зато протянул министру свою газету, буквально всучил ее Протопопову, потому как тот не сразу захотел брать.

— Вы хотите сказать, что правые это не правые? Договаривайте, пожалуйста, я не имею привычки разговаривать на половину.

Куда больше, чем слова о собственной газете, Протопопова заинтересовали слова Петрова о том, что собравшиеся у Маркова патриоты настолько правые, насколько им позволяют поправить. Вот это уже любопытно и хотелось услышать более развернутых объяснений.

Кто позволяет, собственно?

— Вы разве не знаете, что Маклаков, чей визит к Государю так активно обсуждают в этих стенах, это масон, активный член ложи и от патриота в нем кот наплакал!

— Вы серьезно? — Протопопов несколько напрягся от слов редактора и одновременно

разочаровался самую малость.

Однако Петров продолжал, не обращая внимания на явный скепсис в словах министра.

— Послушное израилево стадо янычар, скажу вам. Я признаться думал одно время, что вы тоже из их числа, пока госпожа Полубояринова мне все не объяснила и не расставила по полочкам, можно сказать на пальцах.

Протопопов уже дважды за последние пять минут слышал имя этой госпожи и смутно припоминал, что через «Русское знамя» Полубояринова натурально связана с Дубровиным, ярким защитником всего исконно русского и противника ограничений царской власти.

— Бог миловал, — ответил Протопопов, про себя отмечая, что этот Петров далеко не так посредственен, как могло показаться с первого взгляда. Сказать министру внутренних дел, что он масон — это надо обладать определенным внутренним стержнем. Ну или быть безумцем без инстинкта самосохранения. Одно из двух.

Нет, о масонах и их ложах Протопопов слышал ещё в прошлой жизни, но никогда не придавал этому особого значения — так, происки пытливого ума и попытки объяснить революцию какими-то полумистическими организациями.

Однако теперь ничего нельзя упускать из вида.

— И откуда такие мысли попали в светлую голову? — уточнил Александр Дмитриевич.

— Ну очевидно оттуда, что вы господин министр с некоторых пор открыто выступаете за Думу и сторонитесь истинных патриотов, а ваша газета открыта на масонские деньги и за них же существует. Нужны ещё доводы?

Протопопов кивнул, он не ошибся, духу в этом журналюге хоть отбавляй. Хотя до чего доводит такая духовитость — известна.

— Вы определенно ошибаетесь, хотя рассуждаете вполне логично, — сказал Александр Дмитриевич, невольно переходя с журналистом на «Вы», проникаясь к нему уважением.

— Как я уже отмечал, свою ошибку я признал, — охотно согласился Петров. — Хотя мне до сих пор определенно непонятно, отчего Великий Восток народов России существует в наше непростое время. И не говорите, что вы не знаете о том, что масонская ложа Роза паразитировала Думу! Фамилия депутата Ефремова вам ни о чем не говорит часом? Мне трудно поверить, что масоны накидывают на шею моей Родину удавку, а министр внутренних дел об этом ни сном, ни духом, уж извините за прямоту!

Протопопов снова задумался. Переваривал услышанное. Необычно было уже одно то, что Петров уверенно назвал фамилию депутата прогрессиста из Прогрессивного блока. А откровенно смущало, что Протопопов помнил — этот самый Ефремов входил в состав Временного правительства и уже сейчас терся с господами Керенским и Некрасовым. То, что эти два индивида масоны — Протопопов помнил очень хорошо и было время году этак в 1999, даже финансировал интересное исследование на эту тему.

— Любопытные вы вещи говорите.

— Я говорю правду и на том стою.

— Полагаю, если вы уверены, что масонов надо арестовать, то знаете, стало быть, за что и какие им можно выдвинуть обвинения?

— Мне будет легче сказать за что их нельзя арестовать, понимаете? Назвать конкретно статьи, которые они не нарушили и для этого хватит пальцев одной руки. По всему остальному — они виновны.

Протопопову действительно хотелось узнать, в чем же по разумению этого Петрова виновны масоны. Но в этот момент у двери квартиры Маркова раздались чьи-то громкие

голоса.

Петров замолчал, сунул Протопопову газету и когда министр взял, похлопал по ней ладонью, припечатывая ему к груди.

— Полагаю, что здесь вы найдёте ответ на свой вопрос.

Он развернулся и зашагал прочь спешным шагом, к выходу из подъезда. Протопопов не стал его останавливать. Предпочёл тоже уйти, потому как дверь квартиры Маркова открылась и на лестничную клетку вышло несколько пьяненьких господ с сигаретами и бокалами с шампанским. Кривотолков на тему — отчего министр внутренних дел делает в подъезде, да еще один на один с редактором «Русского знамени», хотелось избежать. Спускаясь, Протопопов решил полистать газету пытаясь понять какую такую информацию может содержать общедоступное «Русское знамя», пусть и весьма радикальное издание по своей сути. И к своему удивлению, Александр Дмитриевич обнаружил между страниц конверт, подписанный «П.Е.»

Уже сев в машину, и распорядившись ехать в здание МВД, Протопопов открыл конверт и обнаружил там письмо, которое прочитал тотчас.

«Уважаемый Александр Дмитриевич.

На многочисленных собраниях в моей квартире, мы, как истинные патриоты России обсуждали и не раз те испытания, которые выпали на долю нашей многострадальной Родины. Видя, каким непростым образом складывается ситуация, и имея очевидное понимание, что все мы находимся рядом с дремлющим Везувием, мы организовали наружное наблюдения за деятельностью Городского и Земского Союзов. По результатам этих наблюдений мы не единожды составляли доклады об их деятельности на ваше имя. Признаюсь, что до некоторых пор я была разочарована, сомневалась в успехе и от того в перспективах этих мероприятий.

Однако теперь мы единогласно выступили за то, чтобы продолжать нашу деятельность с двойным усилием и рвением. На это нас натолкнула ваша, Александр Дмитриевич твёрдая позиция и ваша находчивость по вопросам государственной важности!

Спешу вам сообщить, что масоны, паразитировавшие Думу, оказались совершенно беззащитны после решения перенести сессию на более ранее число!

Однако другая часть многоголового змия активна как никогда, о чем достоверно и непосредственно свидетельствует приезд мерзавца Терещенко в Петроград и недавняя деятельность еще одного мерзавца Хатисова, о коих случаях вам наверняка известно.

Не устану твердить, что вы храбрец господин министр! Хотя я бы на вашем месте ходила и оглядывалась — если эти люди записали вас во враги, то тут никакая охрана не поможет...

Масоны это паразиты. Они повсюду — армия, Дума, торгово-промышленные круги и даже среда либеральной оппозиции. Ложи в России поддерживают связь со Францией откуда и идёт вся эта зараза через небезызвестного вам князя Урусова. Они, как нависшее над головой лезвие топора, дожидаются часа, когда смогут привести в действие свой смертный приговор нашему государству. Он плетут заговоры, интриги и подлости во множественном числе... Нам нужны активные действия, Александр Дмитриевич, только так мы сможем выкорчевать заразу с русской земли и погнать ее из России поганой метлой.

Боже царя храни

Елена Полубояринова»

Протопопов перечитывал письмо дважды. А потом всю дорогу размышлял о его содержимом. По приезду в министерство и зайдя в кабинет, он решил избавиться от письма, пропустив его через шредер. Ощущение было такое, будто он держал в руках не письмо, а какую-то санную тряпку. Жуткий дискомфорт. Наблюдая за тем, как мелкие лезвия измельчают бумагу, Протопопов понимал, что это письмо ничто иное, как натуральная взрывчатка и фитиль этого динамита уже подожжен.

Послание госпожи Полубояриновой подтолкнула его к тому, что надо действовать дальше, маховик продолжает раскручиваться, революция на носу. Одновременно, это письмо подсказало министру — что делать.

Король умер. Да здравствует король!

Французская традиционная фраза

Год 1917, январь 11,
квартира А.В. Амфитеатрова, Петроград

Утро началось с того, что Протопопову доложили о Родзянко. Михаил Васильевич, наконец проявил себя после нескольких дней непрерывного пребывания дома, где он по словам наблюдателя предавался плотским усядам в виде закладывания за воротник рюмок коньяка.

Одна за одной.

Одна за одной.

Теперь же выяснилось, что он намерен отправиться на встречу с Терещенко. И там эти двое о чем-то долго беседовали с глазу на глаз. Курлов, рассказавший об этом Протопопову, выразительно провёл большим пальцем по своему горлу, предлагая решить вопрос категорично и раз и навсегда, чтобы больше о нем не вспоминать.

— Двоих сразу, а то ведь погорим, — заключил генерал. — А так, баба с возу — кобыле легче.

Остановил Александра Дмитриевича от приказа тот факт, что господа Родзянко и Терещенко не конспирировали встречу, а общались за столиком одного из ресторанов в центре Петрограда. Конечно, Родзянко отдавал себе отчет в том, что за ним установлена слежка и любой шаг, который покажется подозрительным, приведет к попытке его ликвидации. Именно поэтому он выбрал для встречи ресторан — многлюдность значительно затрудняла успешный исход покушения. Но отчего-то министр верил, что ставка, сделанная на Михаила Васильевича оправдает себя в скором времени и Родзянко внемлет тем словам, которые произнес Протопопов после «дуэли». Ведь ресторан прямо указывал на то, что темы особой важности господин думский председатель не намерен поднимать.

— Мочим? — Курлов оперся руками о стол, ожидая приказ.

Протопопов покачал головой.

— Обожди, успеется.

— Рисуем, Саша. Ой наломаем мы с этим Родзянко дров. Зря ты так с ним нянчишься, не к чему это.

Генерал вышел из кабинета, грохнув дверью, но спорить не стал. Взвинченный и накрученный. Понятно, чего опасается — если с Родзянко «не стрельнет» задумка и выгорит, то вариантов выкрутить не останется.

Совсем.

Долго раздумывать над правильностью или неправильностью принятого решения не пришлось. Зазвонил телефон.

— Протопопов на проводе.

— Александр Дмитриевич, у нас громкое убийство, — пролаял в трубку Кирпичников,

явно возбужденный.

— Кого достали?

— Амфитеатров Александр Валентинович.

Протопопов при этом сообщении крепче сжал трубку, бросил взгляд на свежий выпуск «Русской воли», лежащий на столе. Только ведь почитал статейку "ту самую".

Вышла.

— Диктуйте адрес, я выеду лично.

Звонивший Кирпичников продиктовал адрес. Протопопов записал его на клочке бумаге, бросил трубку и зашагал к выходу из кабинета.

Тридцать минут спустя он уже был на месте преступления. Амфитеатров был повешен всего несколько часов назад в спальне своей квартиры. Его жене и детям повезло, что в этот момент их не было дома, и они провели ночь у родственников, не застав ночного кошмара. Отчего-то Протопопов не сомневался, что убийцы Александра Валентиновича не пожалели бы никого.

Протопопов смотрел на медленно раскачивающееся тело Амфитеатрова, выглядевшего откровенно неважнецки. Как еще может выглядеть тело...

Быстро среагировали.

Жестко.

Но предсказуемо.

Статья Амфитеатрова о новой террористической группировке, паразитировавшей столицу из глубин. Статья наверняка всколыхнет общественность, потому как все знали, что эта газета выпускается за деньги банкиров, которых подозревали в заискиваниях на тему сепаратного мир. А статья Амфитеатрова проливала свет на некоторые манипуляции финансистов в военно-промышленном секторе...

Даже Протопопов, повидавший на своём веку немало, поежился, обнаружив, что смятый листок выпуска «Русской воли», на котором и была напечатана обличающая статья, засунут Александру Валентиновичу в рот.

Судя по тому, что на теле Амфитеатрова имелись во множественном числе побои и ссадины, о самоубийстве литератора говорить не приходилось. Нет, его сначала хорошенечко избили, поиздевались, а потом подвесили, как палку колбасы. Имитация под самоубийство здесь — скорее насмешка над правосудием. Черный юмор с целью указать в какую сторону следует завести расследование.

— Доложили близким? — спросил Протопопов у господина Кирпичникова, который тоже был на месте и выглядел невыспавшимся.

Тот утвердительно кивнул.

— Город стоит на ушах после этого убийства. Зря вы сюда приехали, Александр Дмитриевич, скоро у дома Амфитеатрова будет толпа недовольных горожан.

Протопопов не ответил. Да, убийство было вызовом. Амфитеатрову по сути закрыли рот. Жалко было ли Александра Валентиновича — жалко безусловно, но Протопопов отчетливо понимал, что будет ждаться Амфитеатрова за публикацией статьи и шёл на это сознательно. У каждого, хочет он этого или нет, есть своя роль, которую следует играть до конца. Конец у литератора вышел самый что ни на есть печальный.

Однако понимал министр и другое, что косвенно подтвердил Курлов своими словами. Убийство видного литератора заставит обратить внимание общественности на статью. Окажется запущена волна возмущения и статьи, подобные этой, начнут появляться в других

средствах массовой информации. Понятно, что каждый журналюга станет копать ровно в том направлении, в котором будет интересно лично ему или его покровителям, но тему связи банкиров и террористов теперь не обойти, как не старайся. Газетчики это те ребята, которые жадные на сенсации, а вцепившись, если так можно сказать, почуяв кровь, они уже не отпустят и начнут рыть так глубоко, насколько это возможно в принципе.

— Снимайте его, — распорядился Протопопов.

Не хотелось, чтобы жена или дети видели отца семейства в столь ужасающем состоянии. Судя по женскому плачу, который в этот момент донёсся с лестничной клетки, домашние вернулись от родни. Вот так уезжаешь проведать родственников с ночевкой, а на утро обнаруживаешь тело отца и мужа...

Хреновы дела.

Полицейские принялись снимать тело, уложили на пол и в этот момент в комнату залетела немолодая женщина с выпученными глазами и лицом перекошенным от горя. Схватила мужа за грудки, начала обнимать, просила подняться. Следом зашли дети и оторопели при виде мертвого отца.

Протопопов не испытывая никакого желания наблюдать за горем семьи и как всегда поступал в схожих случаях решил свинтить на балкон «на перекур». Хотелось подышать свежим воздухом и разрядиться.

К дому Амфитеатрова уже сходились люди, в большом количестве, все как и говорил Кирпичников. Слух об убийстве быстро прокатился по столице, поднимая возмущение народных масс. Горожане держали в руках свежие выпуски газеты «Русская воля» со злополучной статьёй и выглядели крайне озлобленными. Протопопов припомнил, что уже видел нечто подобное после убийства популярного в 90-х журналиста Влада Листьева. Тогда, как и сейчас, общественность встала на дыбы и требовала найти виновного в убийстве. Учитывая, что Амфитеатров в глазах обычных людей виделся едва ли не мучеником, реакция более чем понятная и предсказуемая.

Протопопов оперся о перила, наблюдая за людьми сверху вниз, удовлетворяясь тем, что все идет по намеченному плану.

Важнее, кстати, другое — банкиры показали, что вызов принят, и большие дядьки этого времени вступили в игру, попросту не считая, что Протопопову как министру внутренних дел, хватит мужества им что-то противопоставить.

Опять же, если продолжать сравнение, полиция образца 1917 года имела веса ничуть не больше, чем менты в 90-е. Поэтому неудивительно, кстати, что убийство Листьева так и не раскрыли.

Протопопов понимал, перед тем как кончить, из Александра Валентиновича выбили всю подноготную происхождения заказной статьи. И Амфитеатров наверняка прямо указал на заказчика, рассчитывая, что выдав Протопопова, он сумеет спасти свою жизнь. Убийством литератора министру вынесли первое предупреждение.

— Говорил же, что народа навалит, — на балкон вышел Кирпичников. Оперся о перила рядом с Протопоповым, посмотрел вниз. — Вот ума не приложу, тут горе у людей, а эти все прутся, лишь бы поглазеть. Может это, прикажете разогнать, Александр Дмитриевич? Как вы потом отсюда выходить будете?

Протопопов покачал головой.

— Пусть.

— Самое отвратительное здесь то, что ты знаешь, кто убил этого журналиста, но ничего

не можешь сделать, — вдруг заявил Кирпичников, продолжая наблюдать за толпой.

— А вы знаете убийц? — покосился на него министр.

Кирпичников закурил, сплюнул прилипший к губе табак. Из квартиры донёсся очередной вопль жены Амфитеатрова, которая никак не могла смириться с тем, что «Сашеньки больше нет».

— Ненавижу это дерьмо, — прокомментировал Кирпичников. — А убийц я знаю не хуже вашего, господин министр, просто рученьки у нашего министерства короткие и слабые, чтобы дотянуться до их глоток и поковырять кадыки.

Кирпичников выпустил густое облако дыма и закашлялся.

— Вы бы бросали курить, у нас в министерстве теперь не курят.

— Уволите что ли? — хмыкнул Кирпичников.

— Уволю, а вам не работается?

— Брошу, Александр Дмитриевич... как времена чуть поспокойнее настанут, — вздохнул Кирпичников.

— Даю неделю. Потом сами не захотите у меня работать, если не бросите, — заверил Протопопов.

— Почему?

Протопопов не ответил.

Кирпичников сделал последние пары затяжек и на том затушил свою сигаретку прямо о перила. Что до его убеждения в «коротких и слабых ручках» министерства внутренних дел, здесь Протопопов был в корне не согласен с Кирпичников. Ручки то самое то, чтобы кадыки вырывать. Тем более теперь, когда банкиры дали слабинку сами того не подозревая, и этим шансом следовало воспользоваться сполна.

— Готовьте ордер на обыск по адресу акционерного общества «Печать», — распорядился Протопопов Кирпичникову, который уже собрался возвращаться на место преступления. — Я проведу обыск лично сегодня вечером. Без меня не вздумайте ничего предпринимать.

Кирпичников нахмурился, не смог скрыть удивления на своём лице.

— Вы это серьёзно, Александр Дмитриевич? У нас ведь на них ничего нет. Или хотите, чтобы завтра мы всем министерством пошли в отставку, когда они жаловаться на беспредел начнут? Так времена ныне беспокойные, отсюда на фронт сразу потопаем, если без работы останемся...

— Вор должен сидеть в тюрьме, господин Кирпичников, — министр похлопал его по плечу. — Выполняйте.

Протопопов более не стал задерживаться на месте преступления. На улице министра ждала встреча лицом к лицу с теми самыми людьми, которые собрались у дома Амфитеатрова. Министра узнали сразу же.

Загудели.

Засвистели.

Оглушительно так.

Начали размахивать газетами. Федя предложил огородить Александра Дмитриевича от недовольных и посадить в автомобиль. Но Протопопов счёл необходимым остановиться перед собравшимися, и собственно, сообщить первые наблюдения по горячим следам.

— Господа! — он захлопал в ладоши. — Минуточку внимания! У министерства внутренних дел есть предварительное заявление по обстоятельствам убийства

Амфитеатрова! Прошу вашего внимания!

Народ пошумел, а потом таки начал притихать, интересно все же, что скажет министр. Нечасто вот так перед народом говорит. Протопопов дождавшись, когда у дома Амфитеатрова установится тишина, начал.

— Александр Валентинович, вдохновлённый задержанием полицией членов организованной группировки, планирующей вероломное покушение на лиц из царской семьи, сумел встать на след преступников, чья деятельность расползлась по всей столице! На данный момент у нас есть некоторая информация о данной группировке, на которую нас натолкнул господин Амфитеатров. И со всей ответственностью государственного человека, министра, я заверяю: смерть Александра Валентиновича не останется безнаказанной. Хочу также отметить, что без поддержки горожан, без вашей поддержки и всестороннего содействия следствию, схватить за горло подлецов сложно и практически невозможно! Однако вместе мы сила. И ещё одно — оставшиеся неопубликованными материалы господина Амфитеатрова, освещающие деятельность преступников и их планы, будут опубликованы в ближайших номерах! Наше министерство готово к максимальной открытости. Всем спасибо!

Толпа, которая уже приготовила «для обстрела» Протопопова такие неприятные вещи, как помидоры и яйца, теперь стояла немного в замешательстве и ровным счетом не понимала как быть. Люди привыкли, что министр внутренних дел человек довольно неприятный и ждать от него подвигов вряд ли стоит. А тут господин Протопопов прямо заявляет, что вопрос будет решён в кратчайший срок и получается даже выступает на стороне горожан. Более того, явился лично на место преступления, настолько он заинтересован.

Оставив несколько десятков горожан в полном замешательстве, министр сел в свой автомобиль и уехал.

На полдень был назначен приём Глобачева. Все эти дни Константин Иванович работал усердно и проводил в здание министерства сутки напролёт. Теперь начальник петроградской охраны явился к Протопопову, дабы доложить о выполнении полученных ранее поручений.

— Все готово, Александр Дмитриевич, как вы и распорядились.

На стол Протопопову лёг толстый такой доклад, как Глобачев любил предоставлять — все подробно и с глубоким знанием дела, по полочкам.

— Полюбопытствуем, Константин Иванович, ну ка.

Протопопов взял доклад и принялся изучать, хотя Глобачев уже был готов докладывать вслух, как делал это в прошлый раз. Не понадобилось.

Доклад содержал информацию об учреждениях разного толка, которые прямо или косвенно имели деловые связи с иностранным капиталом на момент начала военных действий. Тут и петроградские Международный, Русский для внешней торговли, Учетный и Ссудный банки. Все вместе эти финансовые учреждения целиком и полностью контролировали 43 предприятия тяжелой и электротехнической отраслей. Крупные такие предприятия, надо сказать. На момент 1917 года все они по сути занимаясь скрытным политическим шантажом правительства. Манипуляции кредитами, стачками и прочим, прочим, прочим.

Надо отдать должное Константину Иванычу, всего за несколько дней он провёл колоссальную аналитическую работу и в его докладе значились множество фамилий,

должностей и организаций.

— Толково поработали господин Глобачев. Героически.

— Как говорит один немецкий драматург, несчастна та страна, которая нуждается в героях, — вздохнул Глобачев.

— Страна нуждается в героях, п...да рождает дураков, во-во, — ответил вздохом на вздох Протопопов.

Что особенно отметил министр — Глобачев при подготовке доклада воспользовался принципом интеллектуальных карт, подсмотренным у Протопопова ранее. Все разложено по полочкам, а эти самые полочки соединены друг с другом стрелочками. Одного взгляда на схему было достаточно, чтобы понять — обозначенные в докладе компании имеют корни в иностранных деньгах. Увы, прессануть банки и подконтрольные им предприятия лишь на основе данных умозаключений не выйдет — шито-крыто все у них с точки зрения финансовой отчётности, валютных поступлений и прочего.

Комар носу не подточит.

Но кое в чем банкиры просчитались. Среди десятков предприятий затесалось то самое акционерное общество «Печать» с основным капиталом в баснословные 5 миллионов рублей. Память Протопопова прежнего услужливо подсказывала Протопопову нынешнему, что «Печать» была тем местом через которое банкиры отмывали деньги, спонсировали стачки и в целом всячески влияли на общественность. Неудивительно, что сумма основного капитала акционерного общества более чем в три раза превосходила «рептильный фонд» министерства внутренних дел. В «Печати» банкиры могли развернуться и не бояться преследования, поскольку прежний Протопопов давно и наглухо погряз в дела акционерного общества по уши. Достаточно сказать, что главным продуктом «Печати» являлась та самая газета «Русская воля»...

Поэтому формула получалась простая — любой наезд на газету приравнивался к наезду на самого министра. От того банкиры так легко подставились через убийство Амфитеатрова, искренне веря, что им все сойдёт с рук и министр внутренних дел не станет топить самого себя, проводя расследование.

И имей они дело с прежним Протопоповым, то были бы абсолютно правы и ночью после убийства наверняка могли спать спокойно. Убийством же они хотели указать министру на его место в большой игре.

Обломаются.

Игра действительно шла большая, и доклад Глобачева позволил министру освежить «свои» воспоминания и доподлинно понять, отчего банкиры так свято верили в то, что Протопопов не сунется в расследование и проглотит убийство Амфитеатрова.

Главной фигурой, значившейся в докладе был публицист И.И. Колышко, подозреваемый в шпионаже. От него стрелки шли к Гуго Стиннесу (тому самому «великому и ужасному» немцу) и Генриху Бокельману. Не хватало здесь ещё одной фамилии, обведённой в кружок.

Самого Протопопова.

И это останавливало прежнего министра от решительных действий.

Глобачев, возможно знавший о том, что министр повязан вокруг «Печати», по этой причине не придавал ей значения и всячески избегал. Когда как АО «Печать» собственно покрывала собой ту часть настроения рабочих, которая формировалась под воздействием прессы, выпускаемой акционерным обществом, и, по сути, им контролируемой.

— На каждое предприятие внедрены агенты, мы держим руку на пульсе. Более того, мы

развёртываем присутствие в рабочих группах, за которыми реальная сила, — сообщил Глобачев, когда Протопопов закончил ознакомление с докладом.

— К понедельнику я жду полноценных отчётов, которые выявят нарушения производства со стороны промышленников, получающих сверхприбыли.

Глобачев удалился. А Протопопов провёл остаток дня за просмотром кино на «заморском» проекторе Пате-2, имевшем в России довольно широкое распространение. Аппарат доставили ему в кабинет из одного из кинотеатров, которых в Петрограде этого времени насчитывалось аж целых 400 штук. Доставил киномеханик собственной персоной, который и наладил сеанс. Смотреть предстояло первые наработки «министерства синематографии».

Режиссёр прислал ленту с запиской:

Великолепно!

Прорыв!

Благодарю вас за подсказку господин министр!

Лента называлась просто:

«Нормирование часов производства. Пособие для внедрения на предприятиях».

Лента являлась первой в цикле Александра Дмитриевича, заказанном синематографическому министерству.

«Гоп стоп мы подошли из за угла...»

А. Розенбаум.

Год 1917, январь 11,
у офиса акционерного общества «Печать», Петроград

Наступил вечер, Кирпичников доложил, что необходимая для обыска документация оформлена, а заодно сформирована группа, которая этим самым обыском займётся, как только господин министр даст соответствующую отмашку к действию.

— Лучшие из тех, кто у меня только есть, — заверил Кирпичников, когда принёс в кабинет к Протопопову подписать постановление.

Поскольку обыск планировали проводить по статье 258 УУС, «по собственной инициативе в случае не терпящем отлагательства», требовалось обязательное уведомление мирового судьи, без одного все действия считались незаконными. Отличная статья, которая исключала надобность в понятиях, которые в данном случае были ни к селу, ни к городу.

Александр Дмитриевич не желал никого уведомлять, будь то хоть сам мировой судья, хоть сам бес. Опасался, что информация с быстротой молнии просочится до банкиров и все мероприятие будет сорвано в одночасье. Поэтому документ он подписал лично. Решил, что министерской подписи будет более чем достаточно.

— К делу, — Протопопов, поставив в нижнем правом углу бумаги свою закорючку, спешно поднялся из-за стола, распрямившись, как пружина.

Пора было дать понять этим ребятам-толстосумам и финансовым воротилам Петрограда, что шутки плохи и чувства юмора у Александра Дмитриевича нет в принципе. Все эти Утины, Шайкевичи, Вышнеградские, Манусы и иже с ними очень скоро осознают, что ни на того они бочку катят. Ситуация в Петрограде менялась стремительно и не всегда прав тот, за кем деньги. Но как говорится, не зевай — на то и ярмарка.

Вышли из здания.

У автомобиля встретили троих сыщиков, оказавшихся немногословными. Настоящие профессионалы своего дела. Они поприветствовали министра, и как набрали в рот воды. Лица угрюмые. Только зыркали подозрительно по сторонам. Впрочем, разговаривать особо и не хотелось, да и не о чем. Откровенно говоря, сыщики Протопопову в том деле, который он задумал были без надобности.

Сели в автомобиль, который министр предпочёл вести лично.

У него то и в прошлой жизни водитель появился в глубоко пенсионном возрасте, если так можно сказать. Рулить он любил и в свое время немало машин побил. Теперь же, когда тело вновь оказалось послушным и отзывчивым, Протопопов получал несказанное удовольствие от вождения, как в принципе и от любых других бытовых мелочей. С возрастом все эти чувства угасают...

Шёл седьмой час, но на улицах было отнюдь не многолюдно. Все потому что наступил жуткий мороз, отчего на сиденье автомобиля пришлось подкладывать шерстяные пледы, чтобы не отморозить ничего ценного по мужской части. Сам автомобиль был покрыт

тонким слоем инея, с бампера свисали сосульки.

Всю поездку изо рта шёл пар...

Протопопов достаточно плохо знал Петроград (он то и в современном Питере бывал не то чтобы часто), поэтому Кирпичников услужливо показывал Александру Дмитриевичу нужные повороты, выступая аналогом навигатора 21 века.

Примерно через полчаса неспешной езды, когда окончательно стемнело, а народа на улицах совсем не осталось, их автомобиль припарковался в паре кварталов от здания, в котором располагался офис акционерного общества «Печать». Далее решили идти пешком.

— Не бойтесь мотор оставлять, Александр Дмитриевич? — спросил один из сыщиков. — Места здесь дюже беспокойные, того и гляди угонят.

— Так, а мы на что? — усмехнулся Протопопов.

— Эм... — замялся сыщик.

На самом деле министр не хотел привлекать к себе ненужного внимания. Автомобилей в те годы на улицах Петрограда было совсем немного, а в таких незлачных местах, где располагался офис «Печати», так тем более. Хотя Александр Дмитриевич нисколько бы не удивился, узнай он, что сотрудники акционерного общества имеют личные автомобили. С такими деньгами, которые крутятся внутри этого общества, да еще без присмотра — грех не иметь.

Но вылезши из автомобиля, проблема привлечения внимание не решалось. В сумерках пятеро мужчин привлекали к себе посторонние взгляды своим числом. Поэтому Александр Дмитриевич командовал разойтись и идти к искомому зданию окольными путями и с разных сторон.

— Расходимся и встречаемся на месте.

— Уверены, господин министр, местечко то дюже не спокойное, говорю же, — снова заговорил один из сыщиков, тот самый, который переживал за машину.

— Я все не пойму никак, чего оно беспокойное то?

— Тут у нас банда одна орудует, — охотно ответил сыщик.

— Ты за себя беспокоишься? Я бы побеспокоился на твоём месте, уважаемый, ты сыщик, а начальству докладываешь про банду, которая не обезврежена до сих пор.

— Не за себя... — смекнув куда клонит Протопопов, сыщик не договорил. Раз господину министру беспокоиться не о чем, то ему тем более. Ну а бандиты... так бандитов словим.

— Вот и отлично. Смотрим оба, если кого из сотрудников «Печати» увидите — хватайте. И тащите обратно.

— А если они идти не захотят? — растерянно спросил Кирпичников, который понимал, что то, что приказывает министр не совсем, скажем так, законно. Где это видано хватать граждан без обвинений и куда то без их на то воли тащить.

— Не хотят — заставим, — ошеломил всех присутствующих Протопопов. — Как заставлять, полагаю, мне вас учить не надо? Кирпичников ты же говорил, что это у нас лучшие бойцы?

— Лучшие, Александр Дмитриевич, сделаем все. Только как мы узнаем, что человек сотрудник «Печати»?

Протопопов задумался. Ориентировок у них не имелось, только имена — списком сотрудников. Такой список у каждого был. Только кто же тебе будет свое имя по темноте называть.

— Всех тащите, не думаю, что вы на улицах много народу повстречаете по такому морозу, — решил он.

— Может тогда документацию соответствующую оформим? Жаловаться ведь побегут, а нам будет чем защититься.

— Господин Кирпичников, вам когда приказы поступают от начальства, что с ними надобно делать?

— Выполнять.

— Так вот приступайте к выполнению. Пока мы будем с вашей документацией возиться, все разбегутся. А с остальным я сам как-то без вас разберусь.

Все пятеро, не задавая больше вопросов, разошлись по разным улицам. Рабочий день «Печати» заканчивался в 19.00, но народ, как это часто бывает, мог разойтись раньше. Идея Протопопова заключалась ровно в том, чтобы если такое вдруг случится, то их группа сумеет загнать всех обратно в здание и там уже помимо обыска, устроить допрос с пристрастием. Да и припугнуть сотрудников акционерного общества тоже не мешало, чтобы наверняка «доверху» дошло. Ответ на убийство Амфитеатрова должен быть такой же жесткий и решительный.

Никаких промедлений.

Протопопов, как лицо наиболее узнаваемое из всех, решил добираться до здания по закоулкам, совсем не освещенным, там где вероятность встретить кого-либо падала до нуля. Кутаясь в пальто, подняв воротник, прячась от ветра, Александр Дмитриевич шёл по тёмной улице, когда увидел со стороны одного из ещё более темных переулков интересную картину.

Неожиданно.

Трое мужчин крепких таких по комплекции окружили одного мужчину куда менее внушительно выглядящего и натурально грабили. Мужчина что-то отвечал грабителям, причём с небольшим кавказским акцентом и слегка истеричными нотками в голосе.

Голос высоковат.

У каждого свои дела, конечно и каждый в такое непростое время выживает как может. Возможно, что Александр Дмитриевич не стал бы вмешиваться в происходящее и прошёл дальше, но в этот момент один из бандитов заметил его.

Раздался свист.

— Опаньки. Кто у нас обезьяну водит? Останавливаемся. Стой кому говорю!

Один из грабителей двинулся по направлению к министру. В его руках поблёскивал тусклый металл ножа.

Протопопов остановился, вымеряя идущего к нему взглядом. Выпустил в воздух перед собой пар.

— Федька, посмотри у него в гаманке сора небось немерено, пусть вытряхивает, — бросил один из грабителей вдогонку, а сам шарил по карманам мужчины с акцентом.

Искал сор там.

— Чего мы тут лантухи развесили?

Грабитель подошёл к Протопопову, устрашающе переложил нож из руки в руку, улыбаясь беззубым ртом.

— Кто будешь? — холодно спросил Протопопов, продолжая вымерять своего нарисовавшегося собеседника взглядом.

— Я? Ты че забиваешь баки? Карманы выворачивай.

— Кто будешь? — повторил министр вопрос также спокойно.

Бандит пригляделся и изменился в лице.

— Ба! Да ты ведь этот... фараон!

Он обернулся к своим, которые прекрасно слышали весь разговор от начала и до конца. В ответ один из них демонстративно провёл лезвием своего ножа у шеи, показывая, что с Александром Дмитриевичем надо кончать. Уж неизвестно, узнали ли в Протопопове министра (ведь если бы узнали, то наверняка в плен попытались взять, выкуп и императорской власти потребовать), или рожа у министра была самая что ни на есть ментовская, что опытные бандюки в раз раскусывают. Но мента в Протопопове признали.

— Передай на том свете, что тебя туда Федька Каланча отправил!

Грабитель нанёс резкий удар ножом, метя Протопопову в живот, кишки выпустить.

Сайд степ.

Мгновенный уход с линии атаки.

Протопопов схватил бандита за руку и врезал ладонью по кулаку, держащему нож. Металл звякнул об асфальт, а министр, продолжая движение, ударил ладонью второй руки в подбородок грабителя, сверху вниз.

Щелчок.

Клацнула челюсть.

Сомкнулись зубы. Наверняка пломбы повывлетали.

Бандит попятился, размахивая руками и теряя равновесие. Протопопов двинулся следом, выхватывая кольт, таких наездов он не прощал никогда.

Бах-Бах-бах!

Пули, все до одной, изрешетили ноги бандита. По улице разнесся вопль. Грабитель рухнул на колени и завыл белугой, хватаясь за простреленные голени.

— Су-у-ука! Убью!

Понятно, что сделать он больше ничего не мог. Тут дай бог вообще на ноги встать, в том плане, чтобы не остаться инвалидом.

Следом Александр Дмитриевич навёл пистолет на тех двух бандитов, что продолжали грабить кавказца и не сразу переключились. Кивнул на корчащегося в муках раненного.

— Забрали и чтоб как ветром сдуло.

Бандиты подскочили к своему товарищу, схватили и поволокли, убираясь прочь с улицы.

— Ты не жилец! — прошипел один из них перед тем как скрыться за углом.

Протопопов не отреагировал. На угрозу такого толка обращать внимание не стоит. Нервы бережешь. Он спрятал пистолет обратно за пазуху, подошёл к мужчине, одетому с иголки и со вкусом, из-за которого и случился весь сыр бор. Мужчина был бледен, но держался достаточно уверенно.

А когда Протопопов подошёл еще ближе, желая справиться о самочувствии пострадавшего, то глаза мужчины от удивления округлились.

— Вы?! — он первым узнал министра.

Александр Дмитриевич пригляделся и нахмурился сам. Меньше всего он рассчитывал стать спасителем Николая Семёновича Чхеидзе, коим и оказался кавказец.

— И в страшном сне мне не могло присниться, что моим спасителем однажды станет Протопопов! Какой позор... — Чхеидзе растерянно принялся мотать головой. — Больше всего хочу вас развидеть!

— А как же гамарджоба генацвале? — ухмыльнулся министр, который находил вид

удручённого меньшевика забавным. — Если что, я ведь могу их и назад позвать. Ваших мучителей.

— Что вы тут делаете? — проскрежетал Чхеидзе, беря себя в руки.

— Ровно тоже, что и вы. Но если вас интересует, что я делаю сейчас — я вижу перед собой испуганного до смерти мальчишку. Вам бы на фронт, Николай Семенович сходить?

Чхеидзе министр знал слишком хорошо. И припоминал, что Карло сразу после начала войны во главе меньшевистской фракции и, объединившись с большевиками, голосовал против военных кредитов, равно за поражение собственной страны в кровопролитных боевых действиях.

Интересно, что он делал здесь?

При таком морозе немного находилось людей, кто проводил сегодняшний вечер на улице, как министр уже подмечал. Если точнее — совсем никого. Шастали разве что солдаты из Петроградского гарнизона — белобилетники по большей своей части.

Спрашивать «что ты здесь делаешь» Протопопов не стал — знал, что меньшевик не ответит. Но присутствие Чхеидзе на окраине Петрограда в паре кварталов от офиса «Печати», где ему нечего было делать по определению, мягко говоря настораживало. Такие люди никогда и ничего не делают просто так.

— Это вы меня пугать удумали? — возмутится Чхеидзе. — Бандитов он собрался звать!

— Так вы итак напуганы? Вон трясётесь весь.

— Пользуетесь служебным положением, значит!?! — вспыхнул Карло, опомнившись.

Протопопов огляделся и когда вернул на лидера меньшевиков взгляд, в нем запечатлелась сталь. Перед ним стоял один из тех мерзавцев, благодаря которым революция 1917 года стала возможна в принципе. Не долго думая, Александр Дмитриевич, приставил дуло пистолета ко лбу лидера меньшевистской фракции.

Чхеидзе вздрогнул всем телом, понимая, что его кончина близка. Быстрым движением языка облизал пересохшие губы.

— Стреляйте, — выдавил он.

И Протопопов взвёл курок.

Мгновение.

Звук щелчка растёкся по пустому переулку.

В кольте не оказалась патронов.

Протопопов слишком хорошо это знал, но этого выродка хотелось припугнуть.

Чхеидзе медленно сполз на землю, закрывая лицо руками и качая головой. Не верил, что остался жив вот уже во второй раз за сегодняшний вечер.

Но не здесь.

Протопопов понимал, что за разыгравшейся картиной наблюдают несколько десятков глаз горожан, прильнувших к окнам своих квартир после прогремевших выстрелов. Поэтому пусть живет.

Пока.

— Проваливай, пока я не передумал.

Чхеидзе одновременно бледный, но с румянцем, бросился к выходу из переулочка. Протопопов буквально слышал, как от злости скрипели его зубы.

Пусть.

Пусть радикалы коммунисты знают, что в Петрограде намечен передел.

Министр двинулся дальше. По хорошему, задержать бы его, отвести в офис, но

отношения к печати Чхеидзе не имел, в списках сотрудников не состоял, а жаль...

Размышляя о том, что Чхеидзе не оставит без внимания произошедшее, Протопопов прошёл до конца улицы и вскоре вышел к искомому зданию с офисом АО «Печать». У здания уже стояли другие сыщики во главе с Кирпичниковым, с лицами несколько обеспокоенными.

Первым возникло желание возмутиться, какого собственно лешего они встали толпой у самого входа. И Протопопов уже вознамерился всыпать Кирпичникову по первое число, как взгляд министра упал окна здания, в котором не горел свет. Стало быть, в офисе «Печати» не было ни души.

Как так то?

Александр Дмитриевич подошёл к дверям, подергал. Потянул за ручку дверного звонка и отчётливо услышал, как по ту сторону дверного полотна разлилась трель.

Никого.

Офис «Печати» пустовал и, похоже, что все до одного сотрудники свалили задолго до закрытия.

— Который час?

Кирпичников достал часы Буре и взглянул на циферблат.

— Двенадцать минут до семи.

Протопопов съездил кулаком по дверному полотну. Нет сомнений, что сотрудники «Печати» оказались предупреждены о планируемом министерством внутренних дел мероприятии заранее. А значит, среди окружения Протопопова завёлся предатель, который и слил информацию банкирам.

Или все же — совпадение?

Не более?

Однако если эти ребята полагали, что закрыв офис, им удастся избежать обыска, то они жестоко просчитались.

— Ломайте двери.

— Есть ли смысл, Александр Дмитриевич? — осторожно возразил Кирпичников. — Полагаю, что они всю подозрительную документацию того... уничтожили или перепрятали.

Кирпичников определенно говорил дело, но отступить сейчас значило признать своё поражение, чего делать ни в коем случае нельзя. Да, потом придётся писать кучу бумаг, судиться может быть даже...

— Ломай, — решительно повторил Протопопов.

Один из сыщиков двинулся к двери. Осмотрел. Ломать не стал, а достал из кармана отмычку.

Движение.

И дверь оказалась открыта.

Ловкость рук и никакого обмана.

— Готово, — сообщил сыщик.

Зайти внутрь не успели.

В этот момент на улицу, на которой располагался офис «Печати», выехал автомобиль. Точно такой грузовоз, какой несколько дней назад Протопопов с Курловым утопили на дне реки.

В груди неприятно кольнуло. Отвратительное такое предчувствие появилось.

Грузовоз остановился, слепя фарами.

И Протопопов даже поначалу не поверил своим глазам, когда ткань на грузовом отсеке откинулась, и оттуда показалось чёрное, холодное дуло пулемёта. Слова «прячьтесь» так и остались несказанными.

Пулемёт начал свою песнь.

Рухнул Кирпичников.

Следом упал ещё один из сыщиков, ища спасение от смертельных пуль.

Александр Дмитриевич прыгнул не глядя в дверной проем и оказавшись на полу прикрыл голову руками, соединил ноги.

Стреляли ещё несколько секунд, а потом выстрелы резко прекратились. Водитель нажал по газам и грузовоз скрылся в темноте.

Послышались стоны...

Протопопов сел на полу офиса «Печати» и приходил в себя.

Вот так вот.

А он думал, что здесь не работают такими методами в духе криминальных войн 90-х.

Ошибался.

Только что ему, похоже, вынесли последнее предупреждение. Убить никого не убили — сыщики и Кирпичников выжили, но посыл был понятен более чем. Протопопову указывали на то, чтобы он уgomонил свои проснувшиеся таланты и наглядно показывали, что жизнь Александра Дмитриевича находится в руках его недоброжелателей.

Сидя на полу офиса «Печати», министр, впрочем, сделал совершенно другие выводы.

Вывод первый.

В его окружении завёлся крот, которого необходимо выявить во чтобы то ни стало. В самый кратчайший срок.

Вывод второй.

Сегодняшний день знаменовал начало войны. А на войне, как известно, не выбирают методов. И Александр Дмитриев полагал, что сегодняшними действиями ему развязали руки.

Если до сих пор у Протопопова все ещё не сложилась до конца картина завтрашнего разговора с Государем, то теперь она сложилась наилучшим образом.

«Спорить с тренером по борьбе может только тренер по стрельбе».

Николай Фоменко.

Год 1917, январь 12,
ресторан «Кюба», Петроград.

Вот и настал тот день, когда Протопопов был вызван к Государю на ковёр, держать ответ за действия последнего времени. Накануне визита в Царское село к Николаю II, Александру Дмитриевичу предстояло закрыть парочку неотложных дел. Поскольку визит был запланирован на вторую половину дня, в три если быть совсем точным, то время для текущих задач еще оставалось, пусть и мало. Поэтому проснувшись с первыми лучами солнца, господин Протопопов занялся имеющимися делами тотчас.

Накануне вечером министра уведомили, что прямиком из Ессентуков был доставлен любопытный груз. То, чего Протопопову так не хватало, и с чем он связывал определенные надежды — тренажёры для физической нагрузки. В первый же день своего пребывания в 1917 году, были наведены справки об уровне развития «железа» в России того времени. И Федя, с которым собственно и шёл разговор, сообщил министру, что в Ессентуках организована настоящая спортивная база, на которой охраннику не так давно удалось побывать. На базу эту якобы были в свое время закуплены некие тренажёры, которые позволяют использовать «механические методы оздоровления» по технологии некоего господина Цандера. Об изобретателе первых тренажёров Протопопов слышал краем уха и больше того, когда прозвучали слова «база в Ессентуках» тут же вспомнил, что во времена молодости посещал те края в составе сборной Москвы по самбо. В каком году это было, министр теперь уже и не вспомнил, зато вспомнил, что тогда самбистам как-то не срослось позаниматься на дореволюционных тренажёрах, но тренер очень хотел, заверяя, что это старье крайне полезная штука для организма.

Так вот, теперь эти тренажёры оказались по факту единственным доступным «железом» и Протопопов недолго думая выкупил их себе в Петроград. Все что были, без остатка, правда переплатив министерству земледелия (которое закупило их ещё при Наумове) втридорога. Пришлось звонить лично Кригер-Войновскому в мпс и выбивать отдельный товарняк, чтобы погрузить в него тренажёры. Министр путей и сообщения, конечно, повозмутился, но скорее для порядка. Товарняк выделил.

Так вот, минувшей ночью «железо» доставили до места. Протопопов узнал, что на балансе министерства внутренних дел висит одно старое здание (которое активно увеличивало без того внушительный минус дефицита), где некогда располагались мебелишки для приезжих сотрудников. Сейчас жить там никто не жил, и здание пустовало без дела несколько месяцев подряд. Потому Александр Дмитриевич решил, что это здание станет будущим спортивным залом со всеми вытекающими. Комнаты он велел расчистить и повыбрасывать давно сгнившие и превратившиеся в труху мебель и кровати. Ну а там, где возможно приказал поносить не несущие стены, чтобы высвободить больше пространства

для занятий.

Уже в шесть утра, когда большая часть Петрограда спала, Протопопов находился по адресу и принимал новый зал.

Тренажёры из Ессентуков вполне отвечали чаяниям этого времени и удовлетворяли запросам Протопопова на первых порах. Спорт в России уже существовал и находился на достаточно высоком уровне. Помимо фигурного катания, велоспорта или там футбол, страна знала, к примеру, тяжелую атлетику и таких богатырей, как Поддубный и Елисеев.

Конечно, тренажеры со спортивной базы Ессентуков принципиально отличались от современных «машин» и были скорее «оздоровительным» инвентарем, предназначаясь по большей мере для физиотерапевтических целей, чем для полноценных тренировок. Тут тебе и деформацию позвоночника можно исправить и даже... запор вылечить, как прочитал Александр Дмитриевич в инструкции.

Часть тренажёров имитировало активный отдых, конечно, с поправкой особенностей активного отдыха на 1917 год. Тут тебе и «верховая езда», причём на выбор, на ком ты будешь скакать — «верблюд» или «конь». С переключением и настройкой скоростей. Чем-то напоминало аттракцион «родео» в американских барах с механическим быком, когда тебе надо удержаться на чучеле.

Протопопов лично проверил режим «конь идёт рысью» и остался удовлетворён. Нагрузки, конечно, совершенно никакой, потому что сам тренажёр работает от мотора и относится к пассивным. Зато отличная полноценная разминка, дабы расслабиться после настоящей тренировки. Были тренажёры и поинтересней, другой функциональности, где спортсмен мог заниматься сам, без всяких электрических моторов, самым что ни на есть активным способом. Например, «лодка» или «насос», которые подразумевали нагрузку, опять же имитируя по названию известные движения из естественной среды.

Протопопов также опробовал оба тренажера,

Погреб.

Покачал.

Снова довольно покивал, слез и потер ладонями друг о друга. Тут можно хорошо позаниматься с помощью веса собственного тела. Эффективно на первых порах, а учитывая, что физическая подготовка людей в это время обставляет желать лучшего — то пойдёт. Хотя для тренировок на силу и на скорость придется доукомплектовываться.

В довесок Протопопов решил проверить тренажёры на своём охраннике. Подозвал к себе Ваньку, который по размеру был немногим меньше Феди. До того Протопопов оставлял Ваньку в министерстве, не считая нужным таскать с собой кучу охранников, не рок звезда он в конце концов и своих «поклонников» не боится. Но Ваньке сегодня отводилась важная роль.

— А ну ка, поди сюда, Иван Сергеич, подкачай насос, — он указал охраннику на тренажёр, которым только что пользовался сам.

Ванька пожал плечами. Раз говорит господин Протопопов, что надо, значит так и есть. Освоил «насос» и принялся качать. Сделал с десяток-другой повторений и задышал. Выдохся. Мышцы тут же забились.

— Слезай, — Александр Дмитриевич хлопнул своего охранника по плечу.

Ванька, смущенный, запыханный совершенно, отошёл от «насоса».

Вот так с виду здоровый бычара, а с интенсивными кардио нагрузками на «вы». Дыхалка не проработана от слова совсем.

Исправим.

Что уж говорить об остальных современниках, которые в отличие от Ваньки и Феди, в большинстве своём тяжелее места причинного ничего в руках отродясь не держали и что такое нагрузки не слышали. Вот для того чтобы исправить ситуацию, министр и планировал открывать зал, где бы начал преподавать самбо по своей отработанной программе.

Тренировки тяжёлые.

Изматывающие.

Зато эффективные.

Однако министр понимал, что для его целей одних трясений, толчков и валяний, которые предлагают тренажеры из Ессентуков, не хватит. Следовало добавить новому залу Протопопова этакой олдскульности подвальной качалки. Такое чтобы связки лопались, мышцы рвались и грыжа вылезала. Только в комбинации кардио и силовых тренировок лежит дорога к успеху. Ну и в спаррингах само собой.

— Значит дело есть, — обратился Александр Дмитриевич к Ваньке. — Поди сюда.

Протопопов вытащил из кармана накладную, на которой только недавно расписывался за получение груза. Взял карандаш и на обратной стороне принялся записывать. Усердно так, разве что язык не вывалил.

В итоге под любопытный взгляд Феди Протопопов составил целый список пожеланий: гантели, гири, мешок обязательно, ну и без штанги никуда... ещё канаты. Список подучился внушительным.

Все для дела.

Ну и еще кое-чего, что не менее важно, чем инвентарь — вписал.

Список он вручил Феде.

— Сделаешь? Могу положиться на тебя, а Вань?

— Достану... зря что ли в молодые годы в кружок любителей атлетики Краевского ходил, — оскалился Ванька.

— Вот и займись. Под твою ответственность.

— Угу... а что это за слово такое, Александр Дмитриевич — Динамо?

— Так, Ваня теперь наш новый спортивный клуб называется. А наш лозунг теперь — сила в движении. Нравится?

Охранник почесал макушку, покивал.

— Сейчас что ли выполнять, Александр Дмитриевич?

— Мы кого ждём разве?

— Так нам в Царское село ехать? — удивился охранник. — Поезд ведь в три?

— Так ты на вокзал и приезжай сразу.

Ванька закивал и отправился выполнять данное ему поручение. А Протопопов взглянул на часы и обнаружил, что времени начало девятого. С залом разобрались считай. Вот так за несколько лет до официального основания «Динамо», Александр Дмитриевич открыл свой клуб, отдавая честь тому клубу, в котором когда-то тренировался. Бюрократические тонкости утрясти останется, может даже финансирование какое из бюджета получить, отдельное.

Как бы то ни было, в ближайшее время Александр Дмитриевич планировал провести своё первое занятия со всеми желающими так сказать. Ну а с вопросом, откуда брать желающих тягать железо и бить друг другу морду (и не только друг другу, и не только бить) Протопопов хотел разобраться по изучению списков активистов СРН от господина

Римского-Корсакова. На эту тему у Протопопова как раз намечалась через час встреча со старым боевиком, а заодно дельный разговор.

Больше не задерживаясь в своём зале, Протопопов отъехал, в целом оставшись удовлетворён тем, как все обустраивалось. Александр Дмитриевич понимал, что после событий вчерашнего вечера ему следовало проявлять осторожность. Здешние воротилы кусались больно и отвечать на подобные выпады надобно максимально жестко, для этого и нужна пехота, которую он собирался взрастить в стенах своего зала в ближайшее время.

Поездка на место встречи не запомнилась ничем примечательным. Федя молчал всю дорогу, как обычно. Ковыряться в носу, губы облизывал, шептунов пукал. Протопопов размышлял. Встречу с Римским-Корсаковым министр назначил не где-нибудь, а на Большой Морской улица 16, где базировался известный ресторан Петрограда — «Кюба». И выбрано это место было не просто так. После празднования там 200-летия столицы некоторое время назад в присутствии самого Государя, «Кюба» стал популярным местом для сбора буржуазии и прежде всего банкиров. Была и другая причина, в ресторане продавали «чего покрепче» из под полы, за что владелец «Кюбы», кстати, последние дни ходил под подозрением о незаконной торговле спиртными напитками (и в оригинальной истории был арестован в последствии, да и не только он). Феде, который знал о вчерашнем неудачном покушении на министра, затея встречаться с Римским-Корсаковым в логове врага, не нравилась откровенно, но Протопопов этой встречей преследовал цель показать банкирам, что класть он хотел на любые предупреждения и угрозы.

Как бы то ни было, зайдя в ресторан в начале десятого, Протопопов обнаружил за одним из столиков Римского-Корсакова и двинулся через зал, чтобы занять рядом со стариком место. Александра Дмитриевича узнали тотчас и все провожали его с унылыми рожами косыми взглядами. Как же — вражина.

— Ну вы нашли место для встречи, господин министр, — начал Римский-Корсаков после короткого приветствия. — Как ваше здоровье?

— А вы чего о моем здоровье сплавляетесь, Александр Александрович? — Протопопов внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Так понятно чего, — Римский-Корсаков подвинул к министру одну из утренних газет.

Протопопов газету не взял, да оно и не нужно было — прямо на первой полосе, крупными буквами, был набран заголовок.

«Покушение на министра внутренних дел!»

Стало быть о покушении на министра уже было известно общественности. Вот тебе, кстати, и фотография грузовоза, с которого вели стрельбу. После того как покушение состоялось, автомобиль подожгли, даже пулемёт забирать не стали — вон он, покрылся гарью и копотью.

Разумеется, что Римский-Корсаков для себя сделал вывод, что покушение — это прямое следствие посещения министром квартиры Маркова Второго.

— Совсем с катушек слетели, шакалье, — старик смял газету.

— Давайте к делу, Александр Александрович, вы сделали то, что я просил? — Протопопов не стал развивать тему. — Где списки?

Римский-Корсаков достал из кармана лист, на котором было набрано на печатной машинке списки действующих членов СРН.

Протопопов взял листок, изучил. Как он и предполагал, подавляющая часть союза

тактично съехала, узнав, что предстоящие анонсированные активности будут проходить на «общественных началах» и с таких активностей ничего поиметь не удастся. Ни денег, ни связей, а вот геморроя на жопу — так это как за здравье. А чем меньше проблем у народа — тем лучше.

Во главе списка согласившихся и готовых принять деятельное участие, стоял сам Римский-Корсаков, там же, между прочим Марков Второй (которого признать Протопопов не ожидал увидеть, хотя Александр Александрович вполне мог растрепать Маркову истинные планы), ну и ещё пару десятков человек, среди фамилий которых министру встретились лица весьма значимые. Такие, как ординарный профессор юридического факультета Юрьевского университета господин Никольский. Хорошо известный Протопопову господин Пуришкевич. Член государственного совета Говоруха-Отрок. И даже бывший министр внутренних дел господин Хвостов. Знатная компания подобралась. Да, всего двадцать человек. Однако и эти двадцать — более чем достаточное число для реализации задуманного. Смущало правда то, что все из них не то, чтобы в возрасте, но и отнюдь не молодые...

Протопопов вернул листик на стол, подвинул его к Римскому-Корсакову. Тот не шевельнулся.

— Просто представьте на секунду, Александр Александрович, сколько бы человек сказали «да», если бы такой опрос мы провели среди коммунистов? — сухо спросил министр.

Римский-Корсаков покраснел, как варёный рак, но не ответил. Понимал, что коммунисты славились тем, что могли в нужный момент собраться и выступить единым фронтом. И испытал это на себе в своё время. Ничего подобного у патриотов не было даже близко. И Александр Александрович и Александр Дмитриевич, оба понимали, что причина разрозненности внутри некогда могучей СРН — наличие в ее рядах псевдо патриотов. И тот, и другой сходились во мнении, что псевдо патриоты — это сорняки, которых надо выкорчевывать из союза во чтобы то ни стало.

— Вот что я вам хочу сказать, — продолжил Протопопов. — С сегодняшнего дня я не стану обращать внимание на любые собрания, съезды и прочие инициативы, которые будут исходить от вашего союза.

Римский-Корсаков аж заерзал на сиденье.

— Сообщаю вам также, что сегодня у меня назначена аудиенция у Государя и в нашем с ним разговоре я лично буду ходатайствовать за увлечение финансирования СРН в прежних размерах.

Было слышно, как Римский-Корсаков сглотнул. Попытался заговорить, но Протопопов поднял палец, показывая, что не закончил.

— Более того, Александр Александрович, я предоставляю вам здание для следующего съезда, чтобы вам больше не пришлось ютиться по квартирам.

Протопопов протянул старику листок бумаги с заранее записанным адресом открывшегося спортивного зала.

— Всех тех, кто проявил себя истинным патриотом, я жду по адресу послезавтра вечером в спортивном клубе «Динамо». Прошу не опаздывать.

С этими словами министр поднялся и оставил Римского-Корсакова одного за столом, так и не став ничего заказывать.

Он знал, что Александр Александрович обязательно придёт и приведёт с собой всех тех,

кто не только называл себя истинным патриотом, но и доказывал свои слова делом.

В министерство Протопопов вернулся без двадцати минут одиннадцать. Сказал Феде, чтобы тот дозаправил автомобиль и через полчаса подал его к подъезду. Федя решил, что Александру Дмитриевичу надобно ехать на вокзал на автомобиле и вопросов не задал.

По приезду выяснилось, что Курлов, которого министр вызвал к себе ровно к одиннадцати часам, уже на месте. Александр Дмитриевич откладывать встречу не стал.

— Заходите.

Зашли в кабинет, уселись.

— Вы готовы?

— Важное что-то, Александр Дмитриевич?

— Ничего, кроме того, что вы со мной едете в Царское село к царю. Собирайтесь.

— Как поеду? — изумился генерал. — Меня ведь не приглашали.

— Натурально, отбываем через 15 минут, Павел Григорьевич.

Курлов, конечно, удивился, но не задал более вопросов и отлучится в свой кабинет, чтобы одеться и подготовиться, как просил министр.

Ничего удивительного в словах Протопопова не было. Просто министр решил самую малость подкорректировать план поездки в Царское село и решил вместо поезда воспользоваться личным автомобилем.

О своём решении он сообщил накануне самого отъезда неспроста. За полчаса автомобиль будет подготовлен, но за полчаса крот, поселившийся в министерстве внутренних дел не успеет растрепать об изменившихся министерских планах. Александр Дмитриевич не доверял никому, и придерживался принципа «доверяй, но проверяй» всю жизнь.

И дело тут не в том, что обжегшись на молоке, дуешь на воду. Просто крота требовалось вычислить во чтобы то ни стало.

Федя, по которому было в пору сверять часы, зашёл к Протопопову, чтобы сообщить о том, что автомобиль подан и если угодно министру, они могут выезжать на вокзал.

— Зайди ка, Федор, — распорядился Александр Дмитриевич. — Дверь за собой закрой.

Федя зашёл, закрыл дверь, а Протопопов положил перед ним на стол совершенно новый комплект одежды, точь в точь такой, какой носил сам. Пришлось потратиться и купить новую одежду, потому как Федя был килограмм на тридцать крупнее Протопопова и выше на голову. Однако издали сразу и не разглядишь. Это вблизи — да, проблема.

— Переодевайся.

Федя переоделся. С любопытством взглянул на свой костюм, перевёл взгляд на точной такой же костюм на Протопопове, но сказать ничего не сказал, как обычно.

— Поедешь на вокзал. Сам. Возьми с собой пару крепких и проверенных ребят.

— А вы?

— А мы, Федя, встретимся с тобой в Царском селе на вокзале, по твоему туда прибытию. Мы с господином Курловым выезжаем на машине через девять минут.

Федя покрутился, повертелся, «располагаясь» в непривычной для себя одежде. Потом кивнул, показывая, что понял приказ и вышел.

«Самое дорогое на свете — глупость, потому что за неё дорожке всего приходится платить».

Эра милосердия.

Год 1917, январь 12,
на пути в Царское село.

Вышли во время.

Курлов спешно собрался и был готов отбыть минута в минуту. Еще бы, чувствовалась военная закалка Павла Григорьевича. Генерал как никак. Протопопов подошел к «Опелю», осмотрел автомобиль, прежде чем трогаться, сел за руль, так привычно. Но выехал не сразу.

— Чего не едем? Может на поезд пересядем все же, господин министр? — уточнил Курлов, усаживаясь на пассажирское сиденье. — Какая необходимость в автомобиле есть?

— Домчим с ветерком, — заверил Протопопов. — Глазом не успеете моргнуть. За городом то никаких скоростных ограничений нет, Павел Григорьевич.

— Ну-у вам виднее, раз с ветерком, — генерал захлопнул дверь, усаживаясь удобнее. — Едемте тогда.

— Сейчас нас только погрузят чутка, и поедем сразу, — отозвался Протопопов.

В этот момент из здания министерства вышли пару человек, тащащих крупный такой ящик. Достаточно тяжелый, потому как грузчикам приходилось нелегко. Багажника у автомобиля не было, пришлось грузить на заднее сиденье. Протопопов помог ребятам — открыл дверь.

Курлов, не скрывая любопытства, обернулся, бровь приподнял.

— А это еще что, Александр Дмитриевич? Зачем сундук в Царское село переть?

— В этом сундуке у нас с вами сюрприз для Николая будет, — заверил Протопопов.

— Господь Бог, Саша, только не говори про свои сюрпризы в отношении Государя... —

Генерал вздрогнул и перекрестился. — Что ты надумал?

— Сюрпризы разные бывают, так что теперь едемте, — успокоил генерала Александр Дмитриевич.

Протопопов вырулил от подъезда здания министерства внутренних дел, вращая совершенно ледяной руль. Перчатки это хорошо, но холодно — просто жуть, а руль с подогревом еще не скоро в опциях у дилеров появится.

Долгое время ехали в тишине, вернее плелись по столице. Каждый размышлял о своём, любовались Петроградом. Все так спокойно, чинно и в голову даже не придет, что всего через месяц с небольшим в столицу Российской Империи придет беда.

Курлов, хоть и успокоился после слов министра, все же глядел на ящик сзади, то и дело оборачивался, но вопросов не задавал, несмотря на любопытство. Протопопов о своём думал.

Накануне из здания министерства в сторону Царкосельского вокзала отправился охранник Федя с парочкой крепких ребят по числу билетов на отбывающем поезде. Издалека не различишь, что перед тобой не министр, время потребуется, чтобы распознать и именно

такого эффекта Александр Дмитриевич хотел достичь, наряжая Федю в похожие вещи.

Сам поезд отбывал в час и быстро доставит своих пассажиров в Пушкин, то есть Царское село на тамошнюю станцию. Александр Дмитриевич велел Феде вести себя непринуждённо всю дорогу, но посматривать по сторонам и все запоминать, чтобы потом доложить — что видел и не было ли вокруг ничего подозрительного. И тут же честно предупредил своего охранника, что сегодня возможно ожидать новое покушение. Федя лишь улыбнулся в ответ и похлопал по пистолету, он то пороху нюхал и со фронта вернулся только прошлой осенью, где пробыл несколько лет, принимая участия в боях на передовой.

Шанс, что сегодня прилетит, действительно был крайне высок. Протопопов натурально показал своим оппонентам, что первому (и наверняка последнему) предупреждению он не внял, безапелляционно заявившись в «банкирский» ресторан для встречи с Римским Корсаковым. Понятно, что радикальными правыми не встречаются просто так, тем более в тылу противника. Поэтому если новое покушение случится — оно случится сегодня до отъезда. По крайней мере, Александр Дмитриевич сделал все от себя зависящее, чтобы это произошло... Да и будь сам министр по ту сторону баррикад, он бы непременно предпринял попытку грохнуть противника до того, как он откроет варёжку в Царском селе. Теперь то понятно, что говорить он будет неприятные для части буржуазии вещи, которые вполне возможно могут иметь такие же неприятные последствия.

И угроза покушения на вокзале, была, пожалуй, главной причиной смены маршрута отъезда в Царское село. «Сюрприз» то вполне можно было повезти с собой на поезде.

Да, пришлось подставлять под удар Федю...

Но поживём — увидим.

Федя поди не сахарный, не растает. Не пальцем делана охрана у министра.

Что до привычки расставлять крючки и капканы вокруг, она сидела крепко на подкорке мозга. Собственно, почему нет, вот так гляди и удастся подсесть крупную рубку и вытащить из пруда под название «предреволюционный Петроград». Нужно только дожидаться момент, когда враг того не ожидает и усыплен. По крайней мере, такие вот «ловушки» в прошлой жизни давали отличный результат не единожды. Иногда не сразу, иногда требовалось набраться терпения и отпустить ситуацию и даже забыться на время. Но результат приходил всегда. Все люди из мяса и костей, и все мы рано или поздно допускаем ошибки и оступаемся, подчас на ровном месте, когда ничего не предвещает. Вот министр и ожидал, что его оппоненты ошибутся и подставятся. Ну а чтобы рыбку вытасченную на берег ударить побольнее, это Александр Дмитриевич организует, за этим дело точно не постоит.

Что до предстоящей встречи с Государем, тут у Протопопова присутствовало некоторое волнение, которое он никак не мог для себя объяснить, от того и успокоиться толком не получалось. Чем меньше времени оставалось до приема, тем больше Александр Дмитриевич нервничал, все равно как мальчишка перед экзаменом. Судя по всему, прежний министр млеет перед Николаем и при каждой встрече испытывал сильный стресс, вот и вешал Николаю лапшу на ушу, что все в Империи прекрасно и никакой угрозы нет. Возможно, что эмоции того Протопопова передавались Протопопову теперешнему «по наследству». Все же нейронные связи штука такая, с которой необходимо считаться, они работают и не в силах простого человека это изменить. А может дело было в другом. Александр Дмитриевич хоть и встречался во время своей прошлой жизни с людьми разной величины, масти, окраса и полёта и было дело даже руку Президенту Ельцину жал, но то все-таки Ельцин, бывший работяга и простой советский мужик, как все, просто подросший, а тут перед тобой будет

целый Государь...

Другое это.

За пазухой у министра лежал доклад подготовленный для встречи с Императором. Александру Дмитриевичу было что сказать и что показать Николаю. Пары недель, которые Протопопов пробыл в новом теле, хватило для того, чтобы предварительно разобраться в обстоятельствах и проникнуться обстановкой, пропитаться. Ну и заодно получить более менее полное и отчетливое представление, какие шаги дальше необходимо предпринять. Протопопов понимал, что чуда после визита в Царское село не случится и Николай не бросится очертя голову решать накопившиеся проблемы (вряд ли он о них не знал в принципе, это стоило признать). Однако от того как сложится разговор и сможет ли министр заручиться поддержкой царя батюшки, зависела если не все, то очень многое. Все прежние свои действия Александр Дмитриевич считал не более, чем замерами и предварительной планировкой, перед тем как хорошенечко жахнуть реальным напалмом по вражине. Но все это станет возможно только с высочайшего позволения или с высочайшего попустительства. Могучая бюрократическая машина министерства внутренних дел на самом деле скована по рукам и ногам противовесами и системой баланса от других государственных учреждений. Ровно, как связана она интересами некоторых частных лиц, прежде всего представителей капитала. Ты можешь сколько угодно крутиться, вертеться и извращаться на своей вверенной вотчине, но хоть обизвращайся — стоит поднять голову чуть выше, и ты уже ничего не решаешь на другой территории — в каждом пруду плавают свои рыбки.

Вон был не так давно один губернатор, кстати хороший друг Протопопова из прежней жизни, который душой за Родину болел, Иваныч. И этот Иваныч управлял вверенным ему краем твёрдой рукой со светлыми мыслями. Был он царь и бог для всех в пределах своих владений. Но стоило Иванычу чуть поднять голову и намериться всерьёз порядок навести — получил по шапке тотчас. И кресло губернаторское на койку в Лефортово променял. Когда наш герой в теле новом оказался, губернатор тот до сих пор находился под стражей и разгребал за прежние «грехи».

Или другой пример, тоже оттуда же. Один господин министр поверил в себя и влез в песочницу к большим дядькам и давай там своими лопатками и пасочками шерудить, да усердно так, язык закусив. К замечанию, что песочница для взрослых, а песок не для игр, а строительный, он не прислушался... Кончил плохо.

Каждый сверчок знай свой шесток.

И Государь был тем самым «инструментом», который мог пересадить сверчка на шесток повыше. Иначе говоря, нивелировать препятствия и бюрократические проволочки волей самодержавия.

Хотелось верить, что Николай не тот человек, который станет занимать чью либо сторону, исходя из личных интересов групп «советчиков». Нет, Государь видит ситуацию своими глазами, видит трезво. И метрики «добра» и «зла», как и «хорошего» и «плохого» в разрезе чаяний Империи у него свои, а главное — постоянные. Собственно на это Александр Дмитриевич делал ставку. Потому как за январские дни в Царском селе побывали немало ребят, усердно пытавшихся промыть голову Государю на разный лад, искусно подстраиваясь под понимание текущей ситуации Николаем.

За подобного рода размышлениями, Протопопов выехал из Петрограда, рассчитывая, что на шоссейной дороге прибавит скорости. До Царского села от столицы рукой подать —

не больше тридцати вёрст пути, и на месте министр собирался быть минут через двадцать. Там на станции уже дожидаться Федю, справиться его о том, какая была остановка на вокзале, ну и в целом подготовиться к приему у Государя. Как никак, встречаться с Николаем, это не с Курловым пива выпить. Второго шанса произвести впечатление на царя не будет. Хотя и сейчас Протопопов не до конца понимал, как производить это самое впечатление на человека, который тебя достаточно хорошо знает и имеет четкое представление о твоих способностях.

Однако сразу по выезду из столицы планы пришлось мягко говоря подкорректировать. Стал понятен скептицизм Павла Григорьевича.

— Ешки матрешки... — выдавил Протопопов, увидев, что дорога за городом попросту замечена снегом.

Курлов покосился на министра, хмыкнул, но ничего не сказал. Александру Дмитриевичу, к своему стыду не хватило головы на плечах смекнуть, что предпочтение шоссейным дорогам, тем более зимой и в январе, отдавали железным дорогам. Снег никто не убирал и не чистил. Ну и автомобиль дореволюционный не имел ничего общего с каким-нибудь полноприводным внедорожником 21 века. Это на внедорожнике Протопопов мог бы проехать эти тридцать верст почти не сбавляя скорости, а тут...

Однако поворачивать Александр Дмитриевич не стал, поехал. Его «Опель» не «УАЗ», конечно, но НАДО.

По итогу в первый раз застряли метров через пятьсот. Министр погазовал для порядка, но совсем чуть-чуть не хватало чтобы ехать дальше.

— Приехали, — едко прокомментировал Курлов. — Я же говорил вам, чтобы вы на этот мотор колёса «Проводникъ» ставили на зиму? Они не скользят! Хотя тут только на вездеходе ездить по такой дороге.

— Че приехали то, вылезай Паша, толкай, сейчас вырулю.

— Как толкай?

— Ручками.

Курлов, совершенно недовольный вылез.

Подтолкнул.

Поехали дальше.

— С ветерком едем, да Александр Дмитриевич? — подкалывал Курлов, растирая руки, замерзшие после соприкосновения с холодным металлом.

Министр не отвечал.

Заслужено ведь подкалывал, что тут скажешь.

Протопопов приноровился, поэтому в следующий раз встали километров через пять.

На этот раз — наглухо.

Считай сели на днище.

Александр Дмитриевич вылез, осмотрел — надо раскапывать. Пока Курлов отошёл перекурить, Протопопов нашёл на задних сиденьях небольшую саперную лопатку, чему несколько удивился. Как пить дать, раньше ее тут не было, наверняка Федя положил. Знал ведь, что господа Курлов и Протопопов застрянут и заранее позаботился. Нет бы, предупредил и Курлов тоже — ни слова. Но почему они молчали, министр прекрасно понимал — полагали, что Протопопов осведомлён о состоянии дорог зимой и если решил ехать, то на то были веские основания.

На самом деле, знай он заранее, что все так обернётся, то взял бы билет в другой вагон и

гори оно огнём.

Теперь же пришлось становиться на колени и выгребать саперной лопаткой снег.

— Вот почему нельзя было поехать на поезде, Саш, — причитал Курлов. — Ума не приложу.

Докурив, генерал тоже опустился на колени и выгребал снег с другой стороны автомобиля.

Промок сразу же.

Промок Протопопов.

Хотя оба вытирали с лица испарину, и это, несмотря на хороший такой мороз.

— За мной угостить тебя шампанским по приезду, — закончив, Протопопов поднялся и закинул лопатку обратно на заднее сиденье.

Дальше ехали без приключений и через полтора часа, вместо двадцати минут (как планировал министр) заехали в Царское село.

Мокрые.

Голодные.

Уставшие до чёртиков.

Но не ошибается тот, кто ничего не делает.

Автомобиль припарковали у здания станции напротив Великокняжеского павильона. Чавкая промокшими сапогами, вышли из автомобиля, оглядываясь и ежась от холода. Федя со своими людьми давно прибыл на поезде, ехавши в тепле и комфорте. Поэтому при появлении Протопопова и Курлова, Федя, обычно безэмоциональный, улыбнулся.

— Так вот вы для чего меня в нарядное наряжали! — сказал он. — Чтобы самому потом переодеться!

— Считай, что так, — министр оценивающе осмотрел себя, потом окинул взглядом чистую и сухую одежду своего охранника.

Пришлось переодеваться спешно, для чего зашли в здание станции. Федя, как уже было отмечено, по комплекции превосходил Протопопова и потому костюмчик на министре повис, как на вешалке, будучи на несколько размеров больше. Курлову повезло больше — размерчик у одного из министерских сотрудников оказался почти один в один с генеральским.

Федю с ребятами оставили на вокзале сохнуть, а сами решили выдвигаться к Александровскому дворцу, где Протопопову уже приходилось бывать во время новогоднего приема. Перед тем как расстаться, Александр Дмитриевич дотошно (по другому не умел) расспросил Федю о том как прошла поездка, но то заверил, что все случилось без сучка и задоринки. И никаких подозрительных лиц на их пути не повстречалось ни на вокзале, ни здесь. Ловушка не этот раз не сработала, но так бывает. Однако напоследок Федя сказал.

— Подозрительных лиц я не видел, но зато видел воочию князя Голицына. Он отбывал из Царского села в Петроград накануне.

— Давно видел? — уточнил Протопопов, живо заинтересовавшись.

— Да как приехали, так сразу. Считайте лицом к лицу встретились, Александр Дмитриевич. Князь лледный весь, идет сам не видит куда. Как смерть повидал все равно что, — охранник пожал плечами, делаясь своими впечатлениями.

Министр задал еще пару уточняющих вопросом и поблагодарил Федю за бдительность и попросил далее ее сохранять. Мало ли еще кого увидит сегодня на станции? За такими вещами необходимо следить пристально, чтобы в случае чего смочь среагировать.

— Интересно, случайно ли Голицына перед вашим визитом в Александровский дворец вызывали? — спросил Курлов, когда они уже ехали на место аудиенции.

— А вот мы и узнаем, — ответил Протопопов. — За тем и едем, Павел Григорьевич.

Хотя сам он прекрасно понимал, что ничего «случайного» в этой встрече Государя с премьером нет. Вполне возможно, что по приезду в дворец Протопопов узнает о своей отставке. Хотя обычно Николай предпочитал не объявлять о таких решениях в лицо. Личные отношения — личными отношения, а дела — делами. Много читал Александр Дмитриевич с том, что проявив расположение во время аудиенции, Государь мог тем же днем подписать указ о смещении министра со своей должности.

В любом случае, предусмотреть всего Протопопов не мог, тем более, что первоначальный план приехать в Царское село раньше намеченного времени, отправился в топку. А значит осмотреться и выбрать тактику поведения не получится.

Придётся действовать по обстоятельствам, что иногда бывает полезно.

Господа Курлов и Протопопов ехали к царской резиденции. Час разговора с Николаем близился.

Неважно, как люди встречаются. Они могут быть из совершенно разных миров, никогда не ходить одними путями, но однажды они сталкиваются, и их жизнь меняется

Фильм «Погоня».

Год 1917, январь 12,
Александровский дворец, Царское село.

По приезду Протопопова встречал небезызвестный придворный флигель-адъютант Мордвинов. Анатолий Александрович имел давние и тесные отношения с членами императорской семьи. Протопопов помнил, что именно Анатолий Александрович в оригинальной истории был дежурным адъютантом в тот день, когда Николай II отрёкся от престола, а от того подобрался весь. События, раз и навсегда изменившие облик его родной страны, витали в воздухе и с каждой минутой наэлектризовывались.

Что до Мордвинова, этот человек был достаточно хорошо известен прежнему Александру Дмитриевичу, от того наш герой легко вспомнил, что Анатолий Александрович никто иной, как полковник лейб-гвардии Кирасирского полка, а ещё он скромный, чуткий и отзывчивый человек, что редкость. Припоминал министр и то, что флигель-адъютантство при дворе началось у Мордвинова с окончанием многолетнего личного адъютантства у великого князя Михаила Александровича. Вот только любопытный факт — закончилось все тем, что отношения полковника и великого князя испортились. Протопопов сходу не мог припомнить причин отчего так произошло, но упускать из виду такой важный нюанс точно не стоило. Не зря между Государем и членами его семьи в последнее время намечались серьезнейшие разногласия, а последние вовсе активно контактировали с буржуазией и чуть ли не вслух обсуждали смену самодержца.

Мордвинову, человеку дотошному в делах, пришлось показать сундук «сюрпризом», хотя на въезде машину уже проверяли самым тщательным образом. И завидев его содержимое Анатолий Александрович с вопросом во взгляде покосился на министра.

— А это ещё зачем?

— Нужно, — коротко ответил Александр Дмитриевич, давая понять, что отчитываться перед флигель-адъютантом не намерен.

Курлов, уже видевший содержимое сундука накануне не преминул добавить, что ничего опасного или запрещённого в нем нет и господину флигель-адъютанту не о чем беспокоиться.

— Господа, не есть или нет, но с этим я вас в приёмную не пушу, да и господина Курлова аудиенции не назначено, если я правильно припоминаю, — поставил точку Мордвинов.

— И не надо пускать, сундук с Павлом Григорьевичем останется, пока Государь не велит вам его занести, — Протопопов обернулся к генералу. — Постережете пока, будьте так добры?

Курлов кивнул — постережет, добр будет.

— Ещё, Анатолий Александрович, позаботьтесь о том, чтобы когда Государь прикажет сундук в приемную заносить, рядом оказалось пару мужских крепких рук, а то Павлу Григорьевичу одному тащить неподручно будет. Ну, или сами помогите, если посчитаете нужным.

— Вот если прикажет... — растерянно пожал плечами флигель-адъютант, всем своим видом показывая, что всерьез сомневается в таком ходе событий. — Тогда и разберёмся по ходу дела. Идемте? Время.

Прежде чем следовать за Мордвиновым, Протопопов хлопнул Курлова по плечу и подмигнул — все будет в порядке. Генерал был как на иголках весь. Он то хоть к царю на прием не шел, а место все равно давило, особенно если бываешь здесь не часто.

Александровский дворец встретил Протопопова роскошью. Человек, мягко говоря, не бедный и в прошлой жизни могучий себе позволить яхту, частный самолёт и любое баловство, Александр Дмитриевич изумлялся насколько здесь все было дорого-богато обставлено и устроено. И дело даже не в потраченных деньгах, а в том недюжинном таланте, который был у архитекторов. Протопопов впервые видел Александровский дворец до масштабной реставрации (1 января он видел дворец в темноте и слегка выпимши, от того как-то не проникся что ли величием) после бед Великой Отечественной Войны, когда место было серьезно повреждено. И от увиденного на коже выступали мурашки.

Сильные впечатления.

Правильная атмосфера, которая настраивала должным образом.

Мордвинов провел министра в восточный флигель дворца, прямиком в апартаменты императорской четы. Сам Анатолий Александрович то и дело смотрел на часы, доставая их чуть ли не каждые десять секунд. Опасался, что время поджигает? Так до трёх ещё десять минут, если что.

Подожли к коридору, разделяющему постройку на две анфилады. Нервозность Анатолия Александровича заключалась ещё и в том, что он постоянно оглядывался. И вообще вёл себя странно, как будто он не флигель-адъютант, а мелкий воришка, который боялся, что его с поличным застукают и по рукам надают. Впрочем, Протопопов не придавал поведению Мордвинова особого значения. Мало ли с чем связана спешка — может человек в туалет хочет, в конце концов. Вот и торопится, дабы не случился грех.

По левую руку в коридоре располагались комнаты Императора, которые вели во двор. По правую руку — комнаты Императрицы, их окна выходили в парк. Николай, как настоящий мужчина давал своей женщине лучшее, отказываясь от вида прекрасных пейзажей, а заодно жертвуя временем, которое он мог провести в их созерцании и думах о России матушке.

Однако к удовольствию Анатолия Александровича далеко идти не пришлось. Приемная была первым встретившимся помещением на их пути. Все просто — планировку при строительстве делали так, чтобы она учитывала придворный церемониал. Впрочем, что-то подсказывало Протопопову, что сегодня этот церемониал был злостно нарушен. На это, помимо того факта, что к флигелю дворца Протопопова вёл Мордвинов, указывал факт присутствия на крыльце не кого-нибудь, а самой императрицы Александры Фёдоровны.

Протопопов, при виде царской особы слегка оторопел и даже смутился. Как бы не каждый день видишь перед собой Государыню. Но дело было далеко не только и не столько в том, что перед ним особа царских кровей. Как же Алекс была хороша собой! Обращать внимание на что-то отдельное из ее внешности не было никакого смысла — она казалось

идеальной во всем. Наш герой, давно отвыкший от природной и естественной женской красоты (в своё время он даже не смог найти себе «натуральную» секретаршу, чтобы без филлеров, ботекса и нарощенных волос), изумился до глубины души. Забывший лет так десять назад о том, что такое страсть, женщины и секс, он вдруг почувствовал себя неловко от того, что наглым образом раздевает Алекс взглядом. Теперь то, помолодев на несколько десятилетий разом, Александр Дмитриевич вновь почувствовал себя мужчиной физиологически. И только теперь Протопопов понял, что за те дни, что пребывал в новом теле, он до сих пор не виделся с женщиной вот так близко, на расстоянии вытянутой руки. И с какой женщиной!

Протопопов, пытаясь справиться с охватившими его чувствами, сглотнул, сделал глубокий вздох.

Императрица вышла из одной из комнат по правую руку, толкая перед собой инвалидную коляску, на которой сидела близкая подруга и «неофициальная» фрейлина Анна Александровна Вырубова, которая с недавних пор имела инвалидность и перемещалась исключительно в инвалидном кресле. Выглядела Вырубова крайне болезненно, чуть больше года назад она попала в жуткую железнодорожную аварию и врачи не давали ей шансов выжить.

Одета Александра Фёдоровна была совсем легко, не под стать хваткому зимнему морозу — меховая муфта, длинное платье, которое только подчеркивало ее хрупкую и стройную фигуру. На Вырубову был накинут теплый плед.

При виде императрицы Мордвинов разом растерялся, весь покраснел и на несколько секунд застыл, будто вкопанный.

— Александра Федоровна... — промямлил он.

Такое впечатление, что ни флигель-адъютант, ни императрица не рассчитывали встретить друг друга у входа в приемную царя и не знали, что теперь с этим делать. И ещё меньше Императрица похоже рассчитывала увидеть здесь Протопопова, заставшего ее вот в таком полудомашнем одеянии. Ее лицо при виде Александра Дмитриевича налилось густым румянцем. То ли увидела, чем занят господин министр, (а женщины ой как хорошо чувствуют на себе мужские взгляды) то ли министр стал с некоторых пор ей отвратителен настолько, что она не могла отныне это скрывать.

Но как же заводили Александра Дмитриевича женщины, которые не подпускают тебя на расстояние вытянутой руки.

Вся это сцена случилась настолько стремительно и была настолько неожиданной, что все присутствующие обомлели. Протопопов ждал, когда его представят Александре Федоровне, а Мордвинов, казалось, был готов провалиться сквозь землю.

Почему так произошло? Это предстояло выяснить.

Но, в конце концов, Императрица так и не вымолвив ни слова, неожиданно резко развернула коляску с Вырубовой, тоже совершенно обескураженной и пожелала уйти, демонстрируя своё недовольство публично. Протопопов наблюдая за ее реакцией все же предположил, что эмоции Алекс связаны с тем, что Николай не поставил свою жену в курс, что сегодня после премьеры князя Голицына у него будет назначена ещё одна встреча с членом своего кабинета. А быть может до императрицы дошли слухи о выступлении Протопопова на совете министров и о его желании собрать думу раньше срока, что было сродни пощечине для Александры Федоровны после убийства Распутина?

Как бы то ни было, Императрица, развернув коляску с обескураженной подругой,

собралась уходить немедленно.

— Пойдёмте, Анна, нам здесь откровенно нечего делать! — сказала она мягким голосом.

Однако далеко уйти ей не удалось. Алекс запуталась в собственном платье и, потеряв равновесие, сначала завалилась на коляску, а затем, перевернув ее и легонько вскрикнув, упала прямо на пол! Рядом на пол упала Вырубова, совершенно беспомощная, не способная подняться самостоятельно.

Мордвинов застыл, ошеломлённый и не понимал ровным счетом, что ему делать дальше. Протопопов же бросился к Вырубовой, которая больно ударилась при падении. Поднял Анну Александровну на руки, одновременно поддел коляску ногой, ловко ставя ее обратно на колёса. В это время Мордвинов, опомнившись, помог подняться Императрице. Та упала на коленки, испачкав платье. Теперь, вновь стоя на ногах, Алекс внимательно наблюдала за тем, как Протопопов бережно усадил Вырубову в коляску и накрыл ее пледом.

Закончив министр обернулся, считая своим долгом убедиться, что с Императрицей все в порядке и наткнулся на ее восхищённый взгляд.

— Спасибо господин Протопопов... — прошептала императрица своим ангельским голосом, едва слышно и дальше обратилась к Мордвинову. — Анатолий Александрович, помогите отвезти Анну Александровну ко мне в покои и вызовите доктора ради бога.

Мордвинов тут же взял коляску и покатил. Алекс хотела двинуться следом, но замерла, посмотрела на Протопопова и неряшливо как-то улыбнулась.

— Сегодня вы мой герой, Александр Дмитриевич, — Алекс протянула Протопопову руку для поцелуя.

Министр не заставил себя долго ждать и прильнул губами к руке Алекс.

Все это длилось мгновения, но Александр Дмитриевич понял, что ради этой женщины он если понадобится перевернёт вверх дном Землю.

Потом Императрица одернула свою руку и удалилась вслед за Мордвиновым, оставив Александра Дмитриевича таять, как брошенный на солнце лёд. Министр проводил ее взглядом.

В себя Протопопов пришёл тогда, когда вернулся взмыленный флигель-адъютант.

— Три минуты осталось до приема, — сообщил он, снова вытаскивая часы. — Пойдемте же!

Он подвёл Протопопова к царской приёмной. Вытянулся по струнке, открыл дверь, пуская Александра Дмитриевича внутрь.

Зашли.

Мордвинов без всяких церемоний и прочего, на что уже не оставалось времени, велел гостю располагаться удобнее на диване. Сам Анатолий Александрович спешно вышел, видимо за доктором, как и просила Императрица. Вряд ли Анна Александровна сильно пострадала, но учитывая ее нынешнюю болезненность, осмотреть ее действительно не помешает. В любой момент близкой подруге Императрицы может сделаться хуже и надо, чтобы в такой момент рядом находился врач.

Когда дверь закрылась, Александр Дмитриевич взглянул на часы, теперь уже свои — все так, без трёх минут три. А показалось, что встреча с Алекс заняла целую вечность. Но нет же, не прошло и пяти минут про все. Чтобы сбросить сковывающее себя напряжение, министр размял шею и огляделся, осматривая приемную. На стенах деревянные панели, по всей видимости дубовые, выше ткань с затейливым печатным рисунком. На потолке плафон,

светит ярко, но приятно. Окна довольно необычные, с витражными стёклами наверху. Есть камин, отделка — мрамор в массивном дубовом корпусе.

Здесь же диван с откидными столиками, пару столов и дюжина стульев, если не больше. По всей видимости, осталось с тех пор, как эта комната использовалась в качестве столовой. Предназначение столовой сменилось только при Николае.

Протопопов знал, что сразу за Приемной находится рабочий кабинет Николая и ожидал, что Император появится именно оттуда. Присел на диван, перекинул ногу на ногу и принялся ждать.

Дверь в приемную открылась ровно три. Как раз в тот момент, когда секундная стрелка минула отметку «12». Протопопов понимал, что Государь вряд ли стоял с противоположной стороны двери с секундомером в руках, а от того был искренне поражён пунктуальности самодержца и врожденному чувству времени. Это в кабинетах чиновников России 21 века «пунктуальность» вымерла как таковая.

Вживую Николая II министр видел впервые, как и Алекс, поэтому засмотрелся. Ростом он был чуть выше самого Протопопова, может быть на несколько сантиметров. Сложен пропорционально и безукоризненно с точки зрения атлетизма. Военная выправка, мягкие и плавные движения. Александр Дмитриевич на миг подумал, что легко сделал бы из этого человека мастера спорта по самбо, запишись он в его секцию и наверняка бы повёз на чемпионат за золотом.

Волосы Государя имели несколько рыжеватый цвет, борода темнее, густая и ухоженная. Но прежде всего, Протопопова сковал непроницаемый взгляд Государя. Глаза серо-зелёные, большие, добрые и одновременно мудрые. В них застыла то ли глубокая печаль, то ли искра насмешливости — Александр Дмитриевич вряд ли бы разобрался вот так с ходу. Однако от этого взгляда стало сначала не по себе, а потом и вовсе жутко. Захотелось отвести свой взгляд, но Протопопов сумел взять себя в руки...

О Николае могли говорить что угодно, но только встретившись с ним лично, лицом к лицу, посмотрев в его бездонные глаза, становилось понятно — какой величины человек находится перед тобой.

Протопопов, продолжая тонуть в этом взгляде, вдруг поймал себя на простой и очевидной мысли, что он не прочь стать пехотинцем Государя. Забыть о себе, своих интересах, да обо всем забыть совершенно, чтобы только жить волею самодержца, служить ему верой и правдой, пока у Государя есть в этом надобность. От наваждения удалось избавиться далеко не сразу, понадобился весь опыт Александра Дмитриевича, чтобы собраться. Он даже про встречу с Императрицей на миг забыл, хотя казалось бы — это невозможно.

Только теперь министр понял, что вот уже несколько минут они с царём смотрят друг на друга, не сводя взгляд. Протопопов припоминал, что Государь считал крайне важным способность человека смотреть при разговоре другому человеку глаза и не отводить взгляд. Кстати, именно за это Николай не доллюбливал Гучкова, который при разговоре смотрел куда угодно, но не в глаза собеседника. Оставалось надеяться, что министр выдержал свое испытание.

— Здравствуй, Саша, — мягко сказал последний русский император.

«Я пью, чтобы окружающие меня люди становились интереснее».

Джордж Жан Натан

Год 1917, январь 12,
Александровский дворец, Царское село.

— Здравствуйте, Всемилостивейший Государь, — поприветствовал Государя министр.

Вот это вот «Всемилостивейший» превратилось в кашу во рту и Протопопов проглотил половину слова, чокнутся можно такими высокопарными фразами разговаривать. А ещё Александр Дмитриевич вроде и не громко сказал, а прозвучало на всю приемную, как будто отразилось от стен и усилилось. Надо отметить, что акустика в этом месте было хорошая, продумано все до мелочей. Оно и понятно, строили дворец лучшие люди своего времени.

Николай молча подошёл к столу, совсем как-то по простецки одернул штаны и присел. Нашёл яшмовую пепельницу, составленную их трех винтовок. Деловито подвинул к себе поближе.

Протопопов сбросил с себя остатки оцепенения и, не спрашивая на то высочайшего разрешения, подошёл к столу.

Отодвинул стул.

Присел.

Прямо напротив Государя, чтобы иметь возможность говорить напрямую. Пока шёл, снова нарвался на взгляд этих жутких грустных глаз. Однако на этот раз Государь отвёл глаза первым, но не потому что не выдержал взгляда, а как будто бы теряя интерес к гляделкам. Вроде как проверка для Протопопова была пройдена. Поговаривали, что Государь терпеть не мог тех людей, кто не смотрит прямо в глаза, полагая, очевидно — им есть, что скрывать. Так Николай был совершенно невысокого мнения о Гучкове, которые в глаза никогда не смотрел. Вот только удовлетворился царь результатами своей проверки или нет — бог знает. Но гораздо более Николай теперь был заинтересован в том, чтобы приступить к курению папиросы.

Одет самодержец был просто. И не знай, что перед тобой Император, можно было предположить, что перед тобой средней обеспеченности буржуй, к тому же не гонящийся за внешним шиком.

Рубашка белая, обычная. Ворот стойкой. Верхние пуговицы расстегнуты. Видно, что бывала в стирке.

Штаны тоже обыкновенные, каждый второй в Петрограде в подобных ходит. Обут в армейские сапоги образца 1908 года, хорошо так заношенные.

Николай бережно достал папиросу из позолоченного портсигара. Причём достал сразу две, как будто собрался их курить одновременно. Протопопов почувствовал яркий душистый запах табака.

— Не угодно ли закурить? — поинтересовался Государь «разминая» и наминая табак в папиросе двумя пальцами.

— Не курю и вам не советую, — покачал головой министр.

Следом появился мундштук, в который Государь вставил свою папиросу, подкурил. Причём зажигалка у него была весьма необычная. Александр Дмитриевич не сразу понял, что сделана она из корпуса часов.

— Окопная, так сказать. Ребята с фронта подарили, — охотно поделился Николай, заметив любопытный взгляд Протопопова на зажигалке. — Сами сделали. Хотите попросу и сделают такую вам?

— Почту за честь, — кивнул Протопопов.

Николай жадно затянулся и выпустил густое облако дыма, явно получая от курения удовольствия. Портсигар спрятался в кармане штанов.

— Давно бросили?

— Давненько.

Александр Дмитриевич вдруг понял, что не знает курил ли прежний министр или нет. То, что прошлый Протопопов баловался табачком сомнений нет (в кабинете, в ящике стола лежала пепельница), но насколько дружен был министр с привычкой? Сам то наш герой не курил отродясь, если не считать давние детские и невзаправдашные забавы времён первых детдомовских лет, но и тогда он курил не в затыг.

— Ясно. Я, знаете ли, тоже с утра бросал.

Николай сделал несколько жадных затяжек и, выкурив папиросу до половины, потушил в пепельнице. Вставил вторую папиросу в мундштук и начал курить уже более размеренно, короткими тягами.

— А как отобедал, так снова дымлю. И могу сказать, я очень рад, что новый запас табака был мне привезен в Крым от султана незадолго до начала войны, и, таким образом, я оказался в этом отношении в довольно благоприятных условиях, — Николай как-то неряшливо улыбнулся.

Протопопов промолчал. Ну хиханьки-хаханьки, а по мнению министра курить августейшая особа не должна.

Александр Дмитриевич достал из-за пазухи свой довольно таки внушительный доклад на паре десятков страниц, положил его на стол перед Государем. Тот взглянул на доклад довольно безразличным взглядом, даже вяло, делая очередную затяжку.

— Требуется вам безотлагательно доложить...

— Успеется доложить, — мягко перебил царь но так, что не захотелось спорить.

Одновременно Николай кивнул на стоящий на столе графин с напитком желтовато соломенного цвета, возле которого стояли рюмки.

— Наливайте, бросили ли вы пить я спрашивать не буду. Мы с вами выпьем сегодня. Дюже хочется горло ополоснуть в вашей компании.

Протопопов не стал возражать и взял графин.

Прихватил рюмки.

Разлил граммов по пятьдесят на глаз.

Одну рюмку поставил перед собой, вторую перед Николаем.

Государь кивнул благодарственно, рюмку поднял, оттопыривая мизинец. Протопопов следом поднял свою, и по привычке понюхал, а заодно попытался понять — что будут пить. Что у царя в приемной наливают? Оказалось что-то ядреное, крепкое, запаха почти нет, но вот так с ходу не разберёшь, чем его царь собрался угощать.

— Аквавит, национальный датский крепкий напиток, — сказал государь, видя что

Александр Дмитриевич тщетно силится распознать напиток. — Чистый аквавит не имеет запаха.

Понятно.

Пристрастия к забугорному самогону передалось от матушки Государя, которая была тесно связана с Данией. Конечно, Протопопов предпочёл бы любому тамошнему самогону нашу русскую водку, она более понятная что ли и предсказуемая, но раз у Государя такие пристрастия — пожалуйста. Угостимся.

— За Россию! — предложил Александр Дмитриевич, желая скорее перейти к делу.

Выпили.

Закусывать было нечем.

Аквавит имел вкус и аромат тминного семени и вообще чем-то напоминал обыкновенный картофельный самогон. Шёл мягенько, правда по разумению министра, тминный привкус смазывал общее впечатление. После оставалось послевкусие.

Протопопов поставил пустую рюмку на стол и отодвинул, полагая, что «дегустация» закончена. Но Николай кивком показал, чтобы Александр Дмитриевич наливал ещё. Сам, затягиваясь и выпуская дым, царь продолжал сверлить Протопопова глазами, сканируя как будто. Снова что ли заинтересовался...

Протопопов еще раз налил по пятьдесят каждому.

Выпили по второму кругу, на этот раз без тоста, молча.

Протопопов почувствовал, как ему становится хорошо и уходит напряжение. Этот аквавит был не просто похож на самогонку, он ей по пути являлся. Крепкий такой зараза, забористый и по мозгам бьет сильнее любой водяры, что будь здоров. Уже вон в голове птички запели.

Александр Дмитриевич заерзал по стулу, чувствуя как по телу рассекается тепло.

Судя по всему, хорошо стало и Николаю. Он расстегнул пуговицы на рукавах и закатил их по локоть. Оперся о стол. Можно было предположить, что Государь не хочет вытирать рукавами столешницу, но на той не было и пылинки. Чистота идеальная. Скорее Государь хотел показать собеседнику свою татуировку дракона, сделанную на правой руке, на предплечье.

Японский дракон.

— Дракон вышел на славу, и рука совсем не болела, — сказал Николай, улыбнувшись кончиками губ, и как будто бы его рука сама по себе потянулась к шраму на голове.

— Почему дракон?

— Я родился в год дракона.

Было видно, что хоть царь и гордится своей татуировкой, говорить на эту тему он не расположен. Возможно, чтобы округлить разговор, Николай плавным кивком попросил повторить. Протопопов сглотнул — третья рюмка подряд за последние минуты.

Лихо государь алкоголем загружается.

Однако — сказано повторить, значит повторим. Не отказываемся.

Разлил ещё по одной.

Прежде чем выпить, Александр Дмитриевич подвинул к Николаю доклад, намекая на то, что не прочь начать своё донесение, как бы между прочим. Не то чтобы ему неприятно пить с Государем и общаться на отвлеченные темы, но выпить и поговорить по душам они смогут тогда, когда на это будут располагать обстоятельства. А сейчас как то не до разговоров, оттого и самогонка забугорная не в радость и впечатления в целом не те.

Но царь снова не шелохнулся и не посмотрел на доклад. Однако тему начал другую:

— Был у меня сегодня князь Голицын за пару часов до вас. До него на днях ещё люди были из кабинета министров и не только, разные. Всю неделю принимал. И вот, казалось бы, мы разговаривали с министрами на разные совершенно темы, а в конечном итоге сводилось все к одной. Как думаете о чем шёл толк? Любопытно ваше мнение.

— О чем же? — Протопопов не стал гадать, не принимая эту игру.

— Все как один, они твердят, что мой министр внутренних дел Протопопов будто бы сошёл с ума, представляете?

— И что же вы им отвечаете?

— Говорю, что, стало быть, Александр Дмитриевич сошёл с ума после того, как я его министром поставил? Раньше ведь нормальный был, — пожал плечами Государь. — А они — нет, теперь Протопопов сошёл с ума по настоящему и взаправду.

Николай откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и спросил.

— Не знаете, почему остальные министры выражают вам недоверие и отчего у меня по несколько раз на дню просят отправить вас в отставку незамедлительно?

Теперь уже Протопопов первым махнул стопку с самогонкой.

— Знаю.

Николай кивнул, выпил и перевернул рюмку верх дном, показывая, что на сегодня — достаточно. Протопопов почувствовал некоторое облегчение, потому как его нынешнему телу явно хватит алкоголя.

— В таком случае полюбопытствую, в чем дело? — спросил Николай.

— Полагаю есть возмущение в том, что я обосновал созыв Думы раньше срока.

— Где это произошло? Ваше это обоснование?

— На выступлении в совете министров, после официальной части, когда мы высказывали друг другу частные инициативы.

— Не для протокола?

— Нет.

— И когда вы считаете нужным начать сессию после перерыва?

— Сегодня же дума должна была быть собрана, — Протопопов подался чуть вперед и повторил. — Сегодня же.

Взгляд Николая после этих слов сделался ещё более грустным и одновременно более жутким. Теперь Протопопов понял, почему так сложно выдержать этот взгляд. В нем будто бы собралась и зрела вся боль русского народа, готовая в любой момент выплеснуться наружу.

Александр Дмитриевич, заходя в кабинет предполагал, что Государю доподлинно известны даты и формулировки, которые министр внутренних дел выдвигал на совете, в том числе на не запротоколированной части с частными инициативами. А своими расспросами Николай лишь преследовал цель услышать обо всем собственными ушами от первоисточника. Хотел, так сказать, сопоставить. Поэтому Протопопов был уверен, что Государь прекрасно осведомлён о его намерении открыть грядущую думскую сессию уже сегодня, до того как инициатива была озвучена Государю. Но по той или иной причине Николай откладывал встречу и не выдавал никаких решений касаясь думской сессии... мысль Александра Дмитриевича вдруг оборвала страшная догадка.

Что если Всемилостивейший Государь до сегодняшнего дня ничего не знал и находился в неведении?!

Ни сном, ни духом?

Не знал, предположим, до самой встречи с премьером Голицыным?

Ведь то заседание совета министров, вернее та его часть, что проходила неформально, никак не протоколировалась. И значит не входила в систему обязательного документооборота и Государю о том не докладывали в тот же день.

Будь все на самом деле так, то Голицын мог донести Государю о предложении переноса сессии только сейчас, несколько дней спустя. В день, когда Протопопов собирался созывать Думу. И донести как бы между прочим, с другим ворохом донесений. Возможно даже высказавшись на счёт переноса на ранний срок в негативном ключе и обосновав неспешность своего доноса полной абсурдностью самого предложения Протопопова. То же, что предложение абсурдно и не стоит выеденного яйца — на эту тему царю хорошенечко так канифолили мозги, готовя почву с ежедневными доносами на тему, что министр снова сошёл с ума и требуется его немедленное увольнение.

Отсюда и взмыленный вид Голицына, когда он покидал Государя после аудиенции и его видел Федя. Неизвестно, как прошёл разговор, и как царь отреагировал на полученную с запозданием информацию. Может премьер просто перенервничал, а может...

И неизвестно ещё вот что. По какой причине Голицын затянул с докладом по результатам неофициальной части совещания совета министра. Действительно считал идею проведения думской сессии 12 января абсурдной и от того не думал о ней всерьёз? Или он затягивал с докладом сознательно и боялся организации реального переноса? Знать это было важно, поскольку в первом случае это было политической глупостью, а вот во втором — настоящей государственной изменой.

— И что, кто-то против выступает, если неделей раньше или неделей позже собрать? — спросил царь, как будто удивившись, и одновременно возвращая внимание Протопопова к разговору. — Какая в этом вообще необходимость с другой стороны? Разве она есть? Просветите.

— Намедни господином Курловым от жандармерии было доложено, что ряд думских господ отправились в Царское село на грузовом военном образце, вооруженные пулемётом. Их целью было покушение на жизнь лиц царской семьи. Узнав о готовящемся покушении, я взял на себя смелость отдать приказ уничтожить террористов на месте и безотлагательно, что и было произведено тотчас. Далее мной было инициировано тщательное расследование, результаты которого помимо прочего представлены в отчете вашему высочеству. Мы проработали и раскрыли деятельность группировки...

Николай слушал, но не показывал эмоций. Совершенно никаких. Пока Протопопов говорил, он достал ещё одну папироску уже третью по счёту и закурил.

— Саша, — едва ли не шёпотом сказал он. — Скажите мне, какое ваши теперешние слова имеют отношение к переносу думской сессии?

Протопопов хотел подробно рассказать Государю о том, что группа на крючке, террористы выявлены, но аресты приведут к волнению, поскольку среди подозреваемых лица общественно значимые. Но осекся, вопрос Государя был более чем понятен. Слушать о другом Николай не хотел и своими словами показал это наглядно. Его даже не заинтересовала информация о планировавшемся покушении на Александру Федоровну.

— Самое прямое. У нас есть имена тех, кто паразитирует работу Думы. Я предлагаю бить врага с думской трибуны и сделать Думу бесполезной и даже послушной, и все это возможно при переносе...

Николай стряхнул пепел со своей папиросы. Вздохнул.

— Зачем же делать бесполезной Думу? Я вводил ее для того, чтобы она могла быть полезной моему народу. Зачем людям бесполезная Дума, господин министр? — как казалось, с искренним любопытством спрашивал Государь.

Протопопов аж почувствовал растёкшийся ниже солнечного сплетения холодок.

— Затем, что проведение думской сессии в названный срок нивелирует возмущения народа и парализует деятельность радикалов. Этого времени будет достаточно для проведения союзнической конференции, к примеру.

Николай курил.

— Если Дума по итогу оказалась несостоятельна по той или иной причине, если ее паразитировал нежелательный элемент, то смею вам напомнить, что именно такую Думу выбрал народ. Такую Думу хотели. Как может происходить обучение, если не на практике?

Повисла пауза, Протопопов думал.

— Если бы голоса выборщиков распределялись так, как того они заслуживают, полагаю, что мы видели бы совершенно другую Думу, — медленно проговорил Александр Дмитриевич. — И вы правы, такую Думу как сейчас заслуживают те, кто ее выбрали, вот только остальные тут не при чем.

На этот раз пауза повисла со стороны Государя.

— Занятно, что другие господа министры говорят в голос обратное и утверждают, что вы сошли с ума, не находите? — наконец, спросил Государь. — Не считаете это любопытным и даже занимательным? Белую ворону и свои заклюют, слышали?

— Я могу говорить за себя, а я говорю интересами Государя и Отечества, но если Всемилостивейший Государь прикажет, я могу тотчас пересказать все доводы и обосновать их тщетность фактами, — ответил Протопопов, ответил с твёрдостью.

Николай медленно покачал головой.

— Не стоит, у меня право уже болит голова это слушать от Голицына... и остальных. Что до патриотов, на которых вы полагаетесь...

Николай как бы растеряно прохлопал себя по карманам штанов, как будто ища что-то, потом нагнулся и достал из ящика стола листы бумаги.

Исписанные и почерканные в некоторых местах.

— Вот, что мне предлагают патриоты. Ознакомьтесь.

Он положил листы перед министром.

— Был у меня наемни Маклаков и принёс, так сказать, предложения по улучшениям и план реакции. Вы ознакомьтесь, ознакомьтесь. Прелюбопытнейший документ.

На столе лежал манифест на роспуск Государственной Думы, вернее его черновой проект. Протопопов полистал его, увидел внизу подпись Маклакова. Подписи самого Государя в нем не было. Но оно и понятно, документ редактировался и не имел до сих пор окончательной формы.

В оригинальной истории Маклаков представил проект роспуска Думы только в феврале, а теперь некоторые события тех дней 1917 года, как будто начали ускоряться, либо перемешиваться друг с другом. Смущало в этом проекте то, что Маклаков, опять же в оригинальной истории, всерьёз рассматривался Государем как диктатор с неограниченными полномочиями, который сможет стабилизировать непростую ситуацию. Почему тогда не срослось, Александр Дмитриевич уже не припомнил бы, к своему сожалению. Но что если у Николая Алексеевича получится убедить Государя сейчас, в этой новой истории и с новыми

обстоятельствами? Эта мысль пришлась Протопопову не по душе. Теперь то министр имел отчетливое понимание, что Маклаков — масон и участник ложи, а значит все его действия обусловлены отнюдь не от любви к самодержцу и Отечеству, он натуральный антимонархист в режиме ожидания. Маклаков жаждал роспуска по той причине, что этот жест возмутил общественность и привёл к массовым волнениям.

Николай смекнул, что Протопопов ничего не знает о поданных Маклаковым документах.

— Я полагал, что министерство внутренних дел тесно сотрудничает с правыми, и вы действуете согласовано, по крайней мере с некоторой оглядкой друг на друга, — он прищурил глаз и вставил в мундштук следующую папиросу, но подкуривать пока не стал. — Что то изменилось, быть может, а Саша?

Протопопов задумался. Потом плеснул в свою рюмку датской самогонки. Взглянул на царя. И перевернув государеву рюмку.

Не спрашивая.

Плеснул в неё.

Государь не возражал.

— Изменилось. Позиция большинства этих господ, как и их голос, зависит от размера сделанного финансового предложения. И если предложение будет таким, от которого нельзя отказаться, смею предположить, что они не только за роспуск Думы проголосуют, но и Родину продадут.

— Отчего вы так думаете теперь?

Протопопов взял свой доклад, который государь так и не посмотрел. Достал оттуда лист. Тот самый, который передал ему Римский-Корсаков, помимо прочего прикрепленный к делу. Положил перед государем.

— Вот вам достоверные результаты опроса членов Союза Русского Народа, представленные мне господином Римским-Корсаковым лично.

— И на какой предмет шёл опрос?

Государь на этот раз взял лист и внимательно изучал его содержание.

— Господам членам союза было предложено с прежним усилием вернуться в политическую борьбу и отстаивать Родину всеми доступными способами. По сути возродить СРН.

— Вижу, что инициатива не была поддержана, — заметил Государь.

— Потому что существовала оговорка — финансирования возрождения СРН не предвидится и все это частная инициатива.

Николай продолжал смотреть на лист, спокойно, ровно и глубоко дыша. Ни по его движениям, ни по взгляду, ни по чему бы то ни было еще — невозможно было определить, какие чувства он в этот момент испытывает.

— Накануне я прекратил всяческое спонсирование правых, — подлил Протопопов масла в огонь, — Вы видите результаты.

— Министерство внутренних дел больше не нуждается в поддержке проводимого курса в Думе? — Николай продолжал ознакамливаться со списком Римского-Корсакова, где в числе «отказников» встречались депутаты, причем достаточно не в маленьком количестве. — Зачем вы это сделали?

— Я исходил исключительно из того, что в тяжелый год войны и смут для моего Отечества, министерству внутренних дел найдётся куда тратить деньги, кроме

финансирования псевдопатриотов. Да и перебить предложение, которое может поступить этим людям извне, мы вряд ли сможем. Прошу прощения за прямоту!

Впервые за время разговора царь едва заметно вздрогнул.

Протопопов продолжил наступление, чувствуя, что нащупал нить разговора и надо продолжать бить туда, чтобы быть услышанным.

— Как вы думаете, каков будет результат, если провести подобный опрос среди левых радикалов? Я уверен, что голосование у них прошло бы практически единогласно. И я уверен, что там, среди левых радикалов найдётся лишь горстка тех, кто ради денег готов поступиться своими убеждениями. Вовсе не наоборот, как у правых.

Протопопов махом опрокинул приготовленную рюмку.

Царь на этот раз к спиртному не притронулся.

— Полагаю, что стране не нужны псевдо патриоты, — заключил министр свою речь, подучившуюся пылкой и эмоциональной.

Николай все ещё смотрел на лист, как будто не верил в увиденное.

— Мне отчего-то припоминается ваше донесение из последних, когда мы встречались с вами лично в последний раз, — начал он. — И в том донесении вы говорили мне, что на данный момент в столице нет активных ячеек левых партий, что в общественных организациях трудятся агенты вашего министерства и полностью оные контролируют. Вы же говорили мне тогда, что все радикалы больше не представляют угрозу?

Николай положил листок.

— Я поменял свое мнение, — отрезал Протопопов.

— Ясно.

— В свете последних событий я четко вижу, что необходима реакция.

— Но при этом вы заявляете, что выступаете против инициативы правых, в частности Маклакова? Он выступает как раз таки за реакцию, — Николай нахмурился.

— Я не считаю возможным полагаться на тех людей, которые так или иначе связаны с иностранным капиталом. И говорю об этом прямо.

— Предлагаете держатся группы, в которой нет и двадцати человек?

Государь разгладил ладонью листик, на котором были записаны имена патриотов.

— Я предлагаю опираться на наш народ! И я предлагаю достучаться до него!

— Это ваша новая программа, как министра? — спросил царь.

Протопопов, решил, что настала пора озвучить, наконец, Государю своё виденье решения таких важных вопросов, как поставки продовольствия, вывод войск, проблемы транспорта, рабочих и другое. Он внушительно прокашлялся, готовясь говорить. Потом, как и планировал Александр Дмитриевич, царь пожелает увидеть тот самый «сюрприз» из сундука, который министр так тщательно готовил. Однако последовавшие слова Государя спутали все карты.

— Вы изменились, Саша, — теперь голос самодержца звучал холодно и как будто отстранённо.

Из него пропала вся былая мягкость и теплота.

— Я отвечаю на запросы времени, — Протопопов не растерялся.

Николай посидел молча, а потом поднялся. Резко так. Как пружина выпрямилась.

— Что ж, мне все понятно Александр Дмитриевич, я ознакомлюсь с вашим докладом и при надобности вызову вас ещё.

Николай взял доклад, скрутил его в трубочку и собрался уходить, давая понять, что

аудиенция подошла к концу.

Протопопов опешил, не ожидая такого безразличия.

— Попрошу остаться, Всемилостивейший Государь, мы не договорили! Мы обязаны обсудить доклад.

— Я почитаю, как вы уже слышали.

Государь зашагал к дверям.

— Так а какое ваше решение по Думе?

Николай не ответил. Протопопов поднялся и даже решил последовать за Николаем, но тот обернулся. Резко, в самых дверях. Они снова смотрели друг на друга, играя в те самые гляделки, как в начале аудиенции.

— России нужен сильный Император, — проскрежетал Протопопов, понимая, что становится на тонкую корку несхватившегося льда, но другого шанса у него сейчас не было.

— Одумайтесь, — жестко ответил Николай, медленно качая головой.

И с этими словами вышел из приёмной.

«Ты не плохой человек. Ты очень хороший человек, с которым произошли плохие вещи»

Сириус Блэк.

Там же.

Протопопову понадобилось некоторое время, чтобы отойти от непростого визита к государю. Минут пять или около того он стоял посередине приёмной и смотрел на закрывшуюся за Николаем дверь.

Сжимал кулаки, разжимал.

Дышал тяжело.

Откровенно хотелось пойти вслед за Николаем, схватить его за шкуру и в лицо спросить:

Что ты творишь?

Но нельзя...

Не работает так, к сожалению.

Протопопов прервал мысль.

Не хочется называть как-то непотребно августейшую особу, но повёл себя Государь неправильно, как сейчас модно говорить — неэкологично.

Другого Протопопов ожидал от столь долгожданной встречи с глазу на глаз.

Потому выводы и впечатления после часовой беседы с царской особой оказались неутешительны и не впечатлили по своим результатам.

Плохонько вышло.

Совсем плохонько.

Захочешь поискать плюсы, так не найдёшь днём с огнём.

Не так он себе видел эти самые результаты и, понятное дело, не на то рассчитывал после завершения аудиенции. Николай не поддержал инициативы министра и вообще... На вкус Александра Дмитриевича, Государь тянул резину и пребывал в аморфном политическом состоянии.

Почему?

И можно ли было это предвидеть? У министра ведь с собой доводы имелись, как хотелось полагать — веские.

На этот вопрос сложно было дать однозначный ответ. Однако в текущей обстановке у Протопопова имелось отчётливое понимание, что лицо принимающее решения на момент 1917 года — это Император. И со своей задачей склонить ЛПР на свою сторону, Протопопов не справился и больше того — провалился.

Но из каждого своего промаха Александр Дмитриевич привык делать определенные выводы, чтобы учесть допущенные ошибки и по возможности не повторять их впредь.

И министру казалось, что свой вывод из встречи он сделал.

Была выявлена проблема, видевшаяся ключевой.

Стало понятно с чем предстоит работать в ближайшие дни.

Протопопов уяснил для себя, что царь не гибкий человек — дави не дави, а не прогнется, а если и прогнётся, то лишь для того, чтобы амортизировать. Больно так.

Где царь, а где гибкость?

На разных полюсах, если только.

Исходя из этого, просился вывод, что августейшая особа совсем или крайне плохо поддаётся влиянию и любого рода манипуляциям извне.

Любому.

За это качество Государя безусловно можно было уважать, как мужчину. И в других ситуациях такую негибкость можно было смело в пример приводить. Но имелась поправка, которая все перечеркивало, по сути сводя достоинство на нет. В некоторых случаях царская негибкость легко превращалась из достоинства в недостаток.

Негибкость приводила к зашоренности ЛПР и к узости взглядов. К той самой политической импотенции.

Николай не принимал выводов и умозаключений, сделанных другими людьми, не доверял им и его решения основывались исключительно на громоздкой аналитической работе, которую царь проводил в собственной голове, тихо сам с собою. Он верил, как самодержец и «хозяин русской земли», что достоверно знает, как русскому народу будет лучше. И отвергал любое делегирование и разделение полномочий, считая это неправильным и неуместным потому, что никто другой на самом деле понятия не имеет о исконных интересах России-матушки.

Надо ли говорить, что такой подход в моменте предреволюционной лихорадки по сути ничем не отличался от бездействия и даже противодействия? Когда решения требовалось принимать оперативно и не откладывать дело в долгий ящик, но Государь медлил сам того не хотя. В модели Николая напрочь отсутствовали спонтанность, интуиция и вещи так или иначе с этим связанные. Ну и что пожалуй ещё главнее — отсутствовало доверие к собственному окружению.

Манера проводить полноценное исследование, выслушивать всех и каждого, сопоставлять, а потом «в муках» принимать решение, она была хороша и давала результат в мирное время. Но это манера управления стабильным и процветающим государством, а не страной, повисшей на грани гибели.

Решения царя подчас запаздывали настолько, что на момент их принятия и тем более исполнения, эти решения становились неактуальны и вредны. И временами случалось так, что предпринимать следовало диаметрально противоположные действия и предпринимать немедленно. Но, увы, Государь по новой запускал жерла своей бюрократической машины и перемальывал любую инициативу. В остатке, государство, огромная Империя, находилась в стагнации, а затем и в рецессии. И после встречи с Государем Протопопов увидел это все своими глазами.

Исходя из вышесказанного, Александр Дмитриевич отчётливо понял — действовать надо самостоятельно, пока его не уволили или не убили, а того и гляди не сделали и того и другого одновременно. Даже, если в конечном итоге Николай ознакомится с докладом министра внутренних дел и сделает правильные выводы, будет поздно.

Поезд Российской Империи раз и навсегда уйдёт в небытие.

Поэтому дальше самостоятельно. И если министр не найдёт обозримых возможностей, их потребуются создать.

Как то так.

Уходя из приёмной, Протопопов все ещё пылал изнутри и был крайне зол. В дверях он едва не сорвался на явившегося Мордвинова, который взялся сопроводить министра до автомобиля. Завела Александра Дмитриевича совершенно дебильная улыбочка флигель-адъютанта, которую живо появилось желание поправить. Править лицо Анатолия Александровича министр не стал, зато на полном ходу двинул хорошенько плечом в плечо флигель-адъютанта, как будто бы случайно и мигом усадив полковника гвардии на задницу.

— Ой! Извините Бога ради, я как-то вас не заметил сразу!

Протопопов одарил Анатолия Александровича такой же совершенно дебильной улыбочкой в ответ. С лица же полковника улыбка разом сошла и он нахмурился. Надо сказать, что брякни сейчас этот человек что-либо и министр не задумываясь открутил бы ему башку своими руками, начав на дуэли и почие приبلуды.

Но надо отдать должное флигель-адъютанту, выдержки у него хватило, чтобы не развязать конфликт прямо у царских апартаментов.

— Ничего бывает, повнимательнее будьте... — ответил он.

Александр Дмитриевич смекнул, что погорячился и не на том человеке срывает злость, таки помог полковнику подняться. Подал руку и рывком поставил Анатолия Александровича на ноги.

— Как прошло то? — спросил флигель-адъютант.

Протопопов не знал, отвечал ли прежний министр на подобные вопросы, но у него самого отчитываться не возникло желания. Он молча резко развернулся и зашагал к автомобилю, где его ожидал генерал Курлов. Сейчас ещё Павел Григорьевич, все это время торчавший на морозе, начнёт вопросы свои задавать, а ответить на них ровным счетом нечего.

Вот в таком взвинченном состоянии, Протопопов подошёл к своему автомобилю, едва не в припрыжку и застал зевающего Курлова праздно шатающимся вокруг «Опеля». От нечего делать Павел Григорьевич лепил и кидал снежки, выбрав вот такой способ согреться, а заодно отвлечься от вороха проблем.

— Едемте!

С ходу бросил Протопопов, приближаясь к автомобилю. Курлов, который в этот момент как раз слепил себе новый снежок, обернулся.

— О! Задержались вы, Александр Дмитриевич. Ну как все прошло то? Жив рассказываете!

— Уезжаем, Павел Григорьевич, нам определенно здесь больше нечего делать, по пути расскажу, — ответил чуть более развёрнуто Протопопов.

Генерал не стал кидать снежок, выбросил на землю и насухо вытер о куртку руки, обеспокоенный реакцией министра.

Протопопов не дожидаясь, когда Курлов задаст следующий вопрос, решил завести автомобиль, который генералу хватило мозгов заглушить. Понятно, что топлива «Опель» жрал как не в себя, даже на холостом ходу, но за час, что Протопопов пробыл у Государя, машина остыла и натурально в льдину превратилась. Способа завести примитивный автомобиль в мороз, кроме как с кривого стартера, на 1917 год не существовало. Хотя на «Кадиллаках» уже активно разрабатывали новый и менее травмоопасный способ заводки, начав деятельность как раз накануне мировой войны. Но «Опель» даже тогдашний это не «Кадиллак» и заводился он по старинке механически. Впрочем, тем лучше — Протопопову определенно была нужна разрядка, да и отсрочка от необходимости отвечать на вопросы во

время пути.

Александр Дмитриевич достал кривой стартер, вставил в коленвал и хорошенечко так крутанул ручку, что дай Боже. Коленвал прокрутился сразу же и мотор умиротворенно заурчал.

Курлов сгорал от любопытства.

— Ну, таки расскажите Александр Дмитриевич, как все прошло? Мне не терпится.

— Нечего рассказывать, честно говоря...

— А как же ваш «сюрприз» для Государя, как он отреагировал? — не отступал Курлов.

— Я даже подвести его к этому не успел, времени не хватило или не знаю чего, но зря мы сюда сундук тащили. Сюрприз не задался и сундук не пригодился. Да и остальное тоже...

Протопопов двинулся к стороне водителя, но Павел Григорьевич, видя, что министр пьяненький и за ним тянется облако перегара, ловко так прихватил его под руку и подвёл к пассажирской стороне.

— Давайте ка я поведу обратно, за рулём страсть как соскучился.

— Не вопрос — ведите сколько влезет.

Протопопов устало плюхнулся на пассажирское сиденье и захлопнул дверь, чувствуя себя выжатым, как лимон.

А потом боковым зрением увидел, что ящика, который он оставил стеречь Курлову — его нет. Исчез.

Не понял.

Куда делся?

Протопопов приподнял бровь, перекинулся через сиденье, осмотрелся и немало удивился, когда не обнаружил свой сундук. Курлов залез следом.

— Где ящик, что-то не понял?

— Так от Государя за ним пришли, я что и спрашиваю — понравился ли Государю задуманный сюрприз, — ответил генерал.

— В смысле пришли?

— Ну как в смысле — минут за пять, как вы вышли из приёмной, люди из дворца подошли, говорят приказано забрать. Ну я и решил, что раз приказано, то пусть берут, для дела же.

— И ты отдал?

— А не надо было отдавать, Саша? — вздохнул Курлов, трогаясь и видимо полагая, что после выпитого Протопопов ещё не отошёл. — Говорю же, сказали мне, что приказано сверху. И ты сам говорил Мордвинову прислать за сундуком пару крепких ребят. Что не так то?

Протопопов переварил поступившую от Курлова информацию. Как так пришли? Кто пришёл то, если государь сказал, что аудиенция была прекращена и вообще Николай дал понять, что разговаривать больше не хочет и не намерен. Никакого приказа он не отдавал тем более, потому что ничего о «сюрпризе» не знал.

Протопопов ему об этом не говорил.

Ещё не хватало, чтобы ящик подмотали прямо в Александровском дворце! Вот будет умора. Ну а если по серьёзному, случись так, что сундук попадёт куда-то кроме Государя — дело дрянь.

Гадать на кофейной гуще Протопопов не любил и вопросы предпочитал решать не отходя от кассы.

— Паша останавливайся.

— Зачем?

— Тормози говорю, без вопросов!

Не дожидаясь, пока автомобиль до конца остановится, Протопопов пулей выскочил из салона. Спрыгнул на землю, едва на ногах устоял. Куда подевался сундук стоило выяснить у Мордвинова, который наблюдал за из отъездом.

— Сундук где? — запыхавшись после рывка на «стометровке» от автомобиля к дворцу, спросил Александр Дмитриевич.

— Какой сундук?

— Вы дурачка Анатолий Александрович не включайте, я про сундук, который я к Государю лично привёз. Куда вы его дели?

Мордвинов задумался, не сразу ответил, как будто припоминал о чем идёт речь. А потом пожал плечами.

— Понятия не имею, куда вы подевали свой сундук, мне он точно без дела, — заверил он. — И вы бы сбавили тон коли выпили, как никак в Александровском дворце находимся. Здесь ваши выходки при себе оставьте. Или у вас традиция такая?

Протопопов стиснул зубы, сделал глубокий вдох, подучившийся со свистом и махнул рукой.

Ладно, Мордвинов прав допустим, тон надо действительно сбавить. Не хватало ещё затеять заварушку прямо у дворца, тогда уж точно ничего хорошего ожидать не придётся. Интерес в конфликте с Мордвиновым нет никакого.

Не прощаясь, Протопопов зашагал прочь.

— И вам всего хорошего, — улыбнулся Мордвинов, по всей видимости довольный тем, что угомонил министра, в последнее время известного своими скандальными выходками на всю Россию.

Протопопов таким чесаниям чсв значения придавал мало, если прямых оскорблений нет. Глаза у Мордвинова не вращались, вроде как правду сказал.

— Ответил? — спросил Курлов с некоторым беспокойством, когда министр вернулся.

— Он не знает ничего. Говорит не брал. И похоже, что не врет.

— Саш, слушай, ну откуда я знал, что твой этот «сюрприз» никому отдавать нельзя? Или кому то можно было... ты уж определился бы тогда? А то этому давать, тому не давать, — бурчал Генерал, залезая обратно в автомобиль.

Протопопов подавил в себя желание выместить на Курлова всю злость, что было проще всего.

— Кто забрал хоть помнишь?

— Двое подошли, говорят где ящик, давай сюда, приказа мол, туда-сюда, — припомнил Павел Григорьевич.

— Ладно, поехали... день прям как то не задался, Саш.

— Ну бывает, может встал не с той ноги?

Протопопов промолчал, не став развивать тему суеверий. Так можно дойти до того, что кошка им чёрная дорогу перебежала (а он блин реально перебежала у станции!) или ещё какой глупости наподобие. Но факт на лицо — так называемый «сюрприз» пропал в Александровском дворце. Бред, если бы не произошло на самом деле.

Так теперь ещё не найдёшь концов.

Бегать по дворцу и искать никто не пустит.

Хоть этот флигель-адъютант и не врал, как показалось Протопопову (а Александр Дмитриевич умел отличить лож от правды) все же хотелось верить, что Мордвинов просто обиделся на толчок у приёмной. И теперь вот пытается отомстить, как умеет. Решил наверняка заранее озаботиться доставкой сундука, если вдруг тот действительно понадобился бы Государю — Протопопов ведь так убедительно в этой надобности заверил перед визитом. Если дай бог так, то мелочно, конечно действует Анатолий Александрович, зато сундук в безопасности. Худшее, что в таком случае следует ждать — Государь откажется смотреть его содержимое или в одиночку не поймёт его вовсе, и велит выбросить, а то и выслать обратно в министерство внутренних дел.

Ну и ладно.

Только минут через двадцать они были на станции Царское село. Ехать на автомобиле обратно в Петроград не представлялось возможным. Начал срываться снег, круживший над Царским селом крупными хлопьями, а снегопад, понятное дело, переводил переход в разряд утопии. Да и генерал водил машину откровенно плохо и плёлся все равно, что черепаха. С такой скоростью они были бы в Петрограде только к полуночи. С такими же темпами они бы быстрее дошли до здания министерства на своих двоих. Что кстати Александр Дмитриевич наверняка сделал бы, не будь на улице лютого мороза (ну а что ходил ведь в своё время из Царского села пешим ходом Пушкин, так чего бы не последовать примеру великого поэта?).

Для себя министр решил, что оставит автомобиль в Царском селе, рядом со зданием станции, а потом, как немного распогодится и проезд по шоссе-дороге станет доступен, пойдёт за автомобилем Федю или сам смотается, проветрится. Курлов воспринял это крайне положительно и всячески поддержал.

На станции их ждал новый облом. Федя с ребятами, уже заждавшиеся министра и генерала, сообщил, что по техническим причинам, связанным с непогодой, следующий поезд в Петроград будет отбывать только через несколько часов. Александра Дмитриевича это новость немного удивила, потому как в тот момент как они подошли к станции туда прибыл очередной локомотив. Но кто ж будет спорить с железнодорожниками — через несколько часов, значит через несколько часов. Главное, что неплохо было бы уехать отсюда в принципе до следующего дня. Терять время и ночевать в Царском селе не было никакой возможности. Завтра хоть и выходные, но у Протопопова до неприличия много дел, все неотложные и требующие решения. Опускать руки после не совсем удачного разговора с самодержцем, Александр Дмитриевич не станет. Не в его это характере.

Понимая все это, министр решил дожидаться следующего поезда в забегаловке возле станции. Возможно оно и к лучшему, на самом то деле — будет время остыть окончательно и подкорректировать планы.

— Обещал же, Павел Григорьевич, что после визита к царю я тебя шампанским угощу. Пожалуйста, — прокомментировал Протопопов своё решение. — Сейчас угостимся.

— Полагаете, что найдутся безумцы, которые алкоголем в обход запрету будут торговать, у царя под боком? Бросьте, чаю выпьем и то хорошо.

— Вот под боком у Государя это и есть самое безопасное место, где законы нарушают охотно и в большом количестве, — вмешался в разговор Федя.

— Думаете?

— Ну вот мы и проверим, — сказал Протопопов.

— Не будет в Царском селе такого, пятьдесят рублей поставлю!

— Спорим?

— Спорим, конечно!

Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к ожирению.

Оскар Уайльд

Год 1917, январь 12,
станция Царское село.

Заведением общественного питания у станции Царское село, оказалась небольшая, но уютная чайная «Федотъ», где могли отдохнуть и провести время пассажиры и не только. Честно говоря, чайная эта ничем не отличалась от питейного заведения средней руки. Такие же потёртые рукавами столы, потоптанные сапогами полы, хозяин заведения с недовольной рожей тоже присутствовал. Не то чтобы он не хотел прибыли получить с посетителей, но только ведь откипели начищенные самовары на «традиционное» чаепитие в четыре часа по полудню. И завести шарманку по новой этот господин явно не успел, замотался. Поэтому рожа у него при виде министра и компании недовольно скривилась — чего, спрашивается к четырём часам чая пить не приперлись, как все?

Протопопов осмотрелся с порога — вместе с чаем в этом месте предлагали свежую выпечку, сахар, сливки и всего остального понемногу. На столах блестели самовары, на них — булочки и баранки. Напротив, в плетенках лежали сухари и сушки. Ну а главное здесь хорошо топили, и внутри было настолько тепло, что пришлось снимать верхнюю одежду, чтобы не запариться.

Протопопов и Курлов, как начальство присели за одним столиком, вдруг захочется переговорить на какую тему важную. Федя и остальные двое ребят уселись рядом, но за другим столиком. Это они при министре неразговорчивые были, а как за отдельный столик уселись — так языками чесать принялись, хихикать и у хозяина о бабах и баньке справляться, пока Протопопов не слышит. Надо же как-то время до следующего поезда убивать.

После тряски в автомобиле Александр Дмитриевич приятно растёкся по стулу. Курлов, не обедавший и голодный, схватил баранку с самовара и начал грызть, не дожидаясь, пока подойдёт хозяин и ознакомит с тем, что в чайной подают.

Хозяин выждал, пока гости расположатся, подошёл, поприветствовал.

— Какого чайку отведать желаете? — спросил он, разом меняясь в лице и становясь приветливым.

— А какой у вас есть? — поинтересовался Протопопов.

— Дядюшкина чай на прошлой недели поставили, рекомендую, хорошая партия.

— Заваривайте значит Дядюшкина, раз рекомендуете. Побольше.

— С чем пить будете? Могу с молочком, с лимончиком или варенье подать?

— Пожалуй, с лимоном, да понаваристее и погорячее, — заказал Александр Дмитриевич.

Чай он любил, ценил и как любой русский человек, много пил.

Курлов, поедающий вот уже вторую баранку, согласно кивнул, прося продублировать

заказ.

— К чаю, что пожелаете? Выпечка свежая осталась, вкусная.

— Тащите, что есть. Мы не привередливые, проглотим.

— Сейчас сделаем, господа, в лучшем виде.

Хозяин уже собрался уходить, выполнять заказ, когда Протопопов подозвал его к себе, поманив пальцем.

— Вот тому господину и вон тем господам, — он указал на Курлова, а потом показал на Федю с ребятами. — Несите чай Дядюшкина покрепче.

— Заварку двойную сделать то бишь? — учтиво осведомился хозяин.

— Почти, сорокаградусную заварку делайте, — улыбнулся Протопопов.

— А... сейчас все сделаем.

Когда хозяин ушёл, Курлов принялся возмущаться. Не то чтобы громко (вдруг хозяин услышит и передумает «горячим» чаем отслуживать):

— Вы ему водки в чай приказали налить, я не ослышался, Александр Дмитриевич? Так он ведь и согласился сразу. Вот ведь наглая рожа!

— Полтинник гони, Паша, — министр прохлопал генерала по плечу. — Проспорил.

— И ничего, что перед ним министр внутренних дел сидит! Ах! — Курлов махнул рукой, признавая, что проиграл спор. — Так и быть, отпиваемся и отъедаемся, плачу сегодня за всех! И все-таки наглый жучара какой...

По итогу хозяин вернулся с выпечкой, а ещё короткое время спустя приготовил чай. Курлову, Феде и остальным, как обещал, приготовил чаечек покрепче, сорокаградусный. Протопопов после выпивушек в приёмной пить спиртное не стал, все хорошо в меру, а Дядюшкин чай нашёл великолепным на вкус. Пока чаёвничали и ели, между Протопоповым и Курловым состоялся содержательный разговор.

— В общем дело такое, Павел Григорьевич, царь меня слушать не захотел, — начал министр. — Ни к чему мы с ним не пришли.

— Ну я признаться нечто подобное и ожидал, больно вы курс на повороте сменили, Александр Дмитриевич, а Государь такое не жалуется, — ответил Курлов, расслабляясь и наслаждаясь сорокаградусным чаем. — И что теперь? Отставки ожидать?

— Без понятия, — честно признался Протопопов. — Не так часто я не знаю, чего от человека ожидать, но сейчас именно такой случай.

Курлов снял то ли пятую, то ли шестую баранку с Тульского самовара. Зажал в кулак, надавил, хрустнул, разделив на четыре части и смочил одну и частей в чае, прежде чем отправить в рот. Зубы не казенные — все не перегрызешь.

— В любом случае не вариант бездействовать? — предположил он с набитым ртом. — У нас есть понимание, что делать дальше? Когда приступаем?

— Имеется. Понимание определено есть.

— И что делать будем?

— Решать ровно те проблемы, которые я Государю в докладе освещал. Только с поправкой на ветер.

— Это как?

— Так, что мы с вами, Павел Григорьевич будем стараться ветер попутный словить, чтобы плыть было в этом болоте легче стало, и проблемы решать тоже.

— Точно, что болото, это вы верно подметили... Очень надеюсь, я уж извиняюсь за сравнение, я аллегорический ряд продолжу, но проблемы эти, как чирей на больном теле

нашей с вами Родины. И их следует выдавливать, — Курлов, на которого уже подействовал чай, хмыкнул. — Пока нас с вами самих не выдавили, Александр Дмитриевич.

Прав был генерал, государственные проблемы, как те самые чирей на юношеском лице, вскакивали и зрели, причём совершенно хаотично. А все потому что никто не давил проблемы, не выдавливал, хотя от их решения зависели самые базисные вещи, которые определяли дальнейший ход истории. Вот и тянула одна неприятность другую за собой, срабатывал накопительный эффект.

Без решения таких вопросов, как рабочий, еврейский, аграрный, военный и другие, остальные усилия могли оказаться напрасными и тщетными. И устраивая войнушки с буржуазией или думцами, об этих ключевых вопросах не стоило забывать ни на миг.

Дотянуться до них, найти рычаги воздействия — вот о чем предстояло думать.

Возможно ли думать после отсутствия государевой отмашки?

Это ещё разберёмся.

Александр Дмитриевич в разных передрягах за свою жизнь побывал.

Правда присутствовало чёткое понимание, что за отсутствием царской поддержки идти на пролом, как он любил и практиковал, не выйдет.

Отставить выступление с шашками наголо. Не время.

Безусловно, эффективность действий упадёт. Но и отчаиваться раньше времени не стоит — окончательно кислород министру никто не перекрыл. Увольнять его не увольняли. И убить не убили.

Пока.

— Ты сам то готов чирей давить? — спросил министр.

— Обижаеть.

— И как высоко оценишь готовность среди своих людей?

— А ты разве ещё не оценил, что готовность самая высокая? Когда премии подписывал?

— Оценил.

— Вот то тоже, — с довольным видом кивнул Курлов.

— Я чего спрашиваю, Павел Григорьевич, — Протопопов огляделся, убедился, что хозяин чайной не греет уши. — Полагаю, что премии в самое ближайшее время понадобится выписывать снова.

— Добро, понадобится — выпишем значит, главное, чтобы средства были. Какой повод для премирования?

— В истории нашей уважаемой банды террористов намечаются первые громкие задержания.

— Кто такие? — живо заинтересовался Курлов, ставя чашку с горячительным на стол.

— Я тебе списочек подготовлю, — Протопопов подмигнул.

— Дело, арестуем.

— Вы лучше по своему направлению подготовьте на каждого дело и направьте господину Глобачеву в работу, а он дальше озаботиться.

На том и порешали.

Одновременно в голове у министра имелось отчетливое понимание, что ряд других процессов (а некоторые уже были запущены) надо ускорить и следует переходить в режим повышенной многофункциональности, скажем так. Важно не повторять ошибок неповоротливого государственного аппарата, для чего необходимо срезать углы там, где это возможно.

Протопопов поднялся из-за стола и подошёл к хозяину чайной, который между делом тоже чайку себе заварил и распивал.

— Телефон имеется?

— Имеется, то имеется, но для личных нужд.

— Плачу рубль.

Хозяин просиял, а когда деньги получил провёл министра к аппарату. Протопопов кивком показал, что сам разберётся с устройством телефона и довольный хозяин оставил его одного. Один из ключевых вопросов, который оказался подвешен и никак не решён после визита к Государю — вопрос финансирования. На министерстве внутренних дел по-прежнему висел неподъёмный долг в 6 миллионов рублей и надо признаться, что за последние две недели сумма только выросла. Если и хотел Александр Дмитриевич иметь возможность как то развернуться и двигаться (да хотя бы премировать тех же сотрудников откуда-то нужно), для этого были нужны деньги.

Позарез.

И ближайшей задачей Протопопова было эти деньги достать. Александр Дмитриевич был человек в финансовом плане достаточно простой — нужны деньги? За деньгами — в банк. Другой вопрос, что с банками столичными у него как-то сразу отношения не сложились. Но это вопрос решаемый.

Александр Дмитриевич достал из кармана свою записную книжку, куда накануне вписал номера начальников подведомственных служб. В отсутствии мобильного телефона — спасаемся записулечками. Неудобно жутко, уже давно от такого отвык. Он нашёл номер руководителя Главного управления по делам печати, которое входило в состав министерства внутренних дел.

Набрал.

Поднёс трубку к уху.

Раздались длинные гудки.

Зазвонил телефон в офисе господина Удинцева. И всего через два гудка руководитель снял трубку.

— Удинцев слушает, — раздался из трубки раздражённый голос.

Оно и понятно — рабочий день подходит к концу, кому хочется вопросы решать?

— Доброго вечера Всеволод Аристархович, беспокоит Протопопов.

— Доброго вечера, Александр Дмитриевич, — голос Удинцева не переменялся ни капли, когда он слышал с кем разговаривает. С чего бы ему переменяться, если Всеволод Аристархович последние дни на должности дорабатывал. Взамен ему уже согласовывалась фигура Катенина, а сам он метил в товарищи министра народного просвещения и, по сути, уходил из «лагеря» Протопопова. Как оно бы действительно было до недавних пор, вот только министр Кульчицкий и министр Протопопова некоторых пор значились в одном лагере. Николай Константинович был давним и активным членом СРН!

Звоня Удинцеву, Протопопов знал эти нюансы и держал в голове, когда как Удинцев был ни сном ни духом об этих знаниях министра.

— Как ваше ничего, Всеволод Аристархович?

— Живем, а вы, собственно, по какому вопросу звоните? У меня так то через семь минут рабочий день заканчивается. И задерживаться на работе у меня нет желания.

— Ну будем считать, что семь минут у меня есть. Дело у меня к вам.

— Говорите, — даже через шум и треск, который раздавался из динамиков и

сопровождал разговор, было слышно как Удинцев вздохнул.

— Значит так. Ваша задача следующая — отследить завтрашнюю прессу на момент присутствия в ней статей о новой террористической боевой группе, — начал ставить задачу Протопопов. — На каждое издание, кто пишет на эту тему наложить административный штраф и изъять часть тиража. Проверяем только тех, кто выходит крупным тиражом. «Русскую волю» не трогаем.

Протопопов поставил задачу и после из динамика несколько секунд исходил треск — Удинцев переваривал услышанное.

— Может вам неизвестно это, господин Протопопов, но все эти издания бесцензурные и жалоб на них не поступало, какие основания у меня по вашему будут для проверки? — наконец ответил Удинцев, совершенно растерявшись.

— Так вот я вам жалуясь. Принимайте мою жалобу, обрабатывайте и реагируйте немедленно, — ответил министр тут же.

— Вы жалуетесь?! А ничего, что на своих полосах журналисты информацию из департамента полиции прорабатывают? Это вы сами на себя жалуетесь, выходит?

— К концу недели ожидаю от вас результат, — ответил Протопопов.

— Понятно, вы Сытину подарок на юбилей готовите. Раз всех, кроме «Русской воли» можно зажимать?

— «Русская воля» поди не баба, чтобы ее зажимать, Всеволод Аристархович, — охотно ответил Протопопов. — И ее не за что зажимать, она о другом пишет.

Снова повисла «тишина».

— Знаете, что, а я, пожалуй, от такого приказа по телефону откажусь, и рабочий день у меня как минуту назад закончился. Задерживаться я не намерен, как и предупреждал. Пишите официально, телеграфом отправляйте, не знаю как. Но без официального приказа я, Александр Дмитриевич, и пальцем не пошевелю. Достаточно с меня. Завтра же положу вам на стол заявление!

На этот раз тишина уже не повисла, а зазвенела. Удинцев ожидал — как же Протопопов отреагирует на выпад. Александр Дмитриевич не припоминал, чтобы Всеволод Аристархович разговаривал так с прежним министром, но времена настали такие, что ничему не приходилось удивляться.

Отреагировал же Протопопов спокойно, потому как примерно таких слов то и ожидал.

— Непонятно ничего.

— Что вам непонятно? — буркнул Удинцев, который ожидал какой угодно ответ, но только не вот это «непонятно ничего».

— Я просто думаю, что мне теперь непонятно, что вам в рекомендательном письме написать при увольнении?

— А с чего вы взяли, что я его у вас попрошу?! Не нужно мне оно.

— Как ненужно, Всеволод Аристархович, а я вас, между прочим, отблагодарить за службу хочу. Тем более без рекомендательных писем ныне никуда. Да что далеко за примером ходить. Был у меня занятый разговор с господином Кульчицким, представляете? И он мне лично рассказывал, что при поиске своего товарища обязательно на рекомендации смотрит и без положительных отзывов он людей себе в министерство не берет. Но раз вам моя помощь и рекомендация не нужны будут, тем проще. Прощайте, господин Удинцев.

За этим Протопопов должен был положить трубку, вот только делать он этого не стал, да и не успел бы — Удинцев заверещал так, что даже оглушил министра в динамик.

— Подождите трубку класть, Александр Дмитриевич, все будет, в конце недели, как вы и сказали...

— Ой ли будет?

— В самом лучшем виде устрою! Хотите вообще газеты позакрываю, было бы желание? Тот же Сытин человек обеспеченный, он себе новые газеты сделает запросто. Волнения, правда, начнутся, это я вас сразу предупреждаю, чтобы вы потом где-нибудь в рекомендации не сказали, мол Удинцев...

— Делайте, как приказал, — отрезал Протопопов и положил трубку.

Постояв с минуту и поразмыслив, он позвонил следом Кирпичникову, который должен был стать следующей скрипкой в новом плане. Хоть рабочий день и закончился, Протопопов ничуть не удивился, что застал Аркадия Аркадьевича за работой. После покушения Кирпичников был крайне зол и вознамерился найти тех, кто это самое покушение организовал. Ничего не выходило, но Протопопов даже удивился бы, если вышло.

— Как успехи с поиском бандитов, виновных в покушении? — спросил министр.

— Ищем, — доложил Аркадий Аркадьевич.

— Есть у меня к вам заявление, примите? — спросил Протопопов.

— Заявление? — удивился Кирпичников.

— Ну а что, министр внутренних дел заявление не может подать?

— И какое же, Александр Дмитриевич, заявление?

— На меня тут напали не так давно.

— Напали?!

— Так вроде же предельно ясно выражаюсь? Напали на меня бандиты.

— И когда это произошло?

— Да вот в тот самый день, когда мы с вами обыск планировали устроить в офисе «Печати», — охотно пояснил Протопопов.

— Я то думал, чего вы так задержались в той подворотне... а я ведь говорил, что выстрелы слышал! — припомнил Кирпичников. — Как же я теперь узнаю кто на вас напал? Эх, сразу ведь надо было сообщать, Александр Дмитриевич, мы бы преступников по горячим следам задержали!

— Так я имя назову, — заявил министр. — Вы главное преступника арестуйте.

Протопопов назвал имя, чем вызвал немалое удивление Аркадия Аркадьевича.

— Выполняйте.

На этом разговор их был завершён.

Любопытные события намечались впереди, если министр все верно просчитал. И в этих событиях Протопопову было крайне важно обзавестись, если не союзниками, то сочувствующими его новому курсу. Искать союзников следовало уже сейчас. Министр заглянул в свой «справочник» и нашёл там ещё один крайне интересный номер.

Набрал.

И разговаривал несколько минут.

— Вот и чудненько, мои вам благодарности, буду рад повидаться.

Протопопов положил трубку, договорившись с собеседником о личной встрече.

Вот теперь все, что надобно было сделать — было сделано.

Александр Дмитриевич вернулся в зал, где уже переполошились его долгим отсутствием и взялся за выпечку. Как то сразу разыгрался аппетит. Да и проговорил он без малого полтора часа.

До поезда оставалось не так много времени. Поэтому подкрепившись выпечкой, допив чай, их компания расплатилась с хозяином (как и было обещано — платил Курлов, впрочем, больше всех пропивший и проевший) и отправилась к станции. Там кстати прибыл поезд, на котором через какой-нибудь час предстояло отбыть обратно. Наверное, на этом описание сегодняшнего насыщенного дня 12 января следовало бы закончить, но события будут представляться неполно, если упустить из виду момент, свидетелем которого Протопопов стал.

На станции Александр Дмитриевич совершенно случайно наткнулся на брошенный кем-то выпуск «Русских ведомостей». На первой полосе газеты значилось:

«П.Н. Милюков требует немедленного созыва государственной Думы не позже понедельника 15 января для опровержения клеветы и обвинений «Прогрессивного блока» в терроризме».

— Не ты выбираешь присягу, а присяга выбирает тебя.
Прапорщик, запишите эти простые, но в то же время великие
слова.

(Военком) ДМБ

Год 1917, январь 13,
Петроград, штаб Петроградского ВО

Из Царского села в столицу вернулись к вечеру. Курлов отправился домой, а Протопопов снова остановился в своём кабинете на Набережной реки Фонтанка в доме 57. Прихватив с собой Федю, который сделался личным министерским телохранителем и с недавних пор перешёл на ненормированный рабочий день.

Самому себе стыдно признаться, но с тех пор, как Александр Дмитриевич оказался в 1917 году, он ни разу не бывал в собственной квартире и даже не узнал до сих пор ее адреса. Ключи так и лежали в ящике стола рабочего кабинета, нетронутые за ненадобностью. Понятно, что привычка ночевать в рабочем кабинете появилась не от хорошей жизни, но в здании министерства Протопопов чувствовал себя в куда большей безопасности, чем где либо ещё в Петрограде. Организовать покушение на министра внутренних дел в его собственной же обители — не так просто. Здание круглосуточно охранялось крепкими ребятами, достаточно бдительными и с боевым опытом. И незамеченной не проскочит мышь.

Зайдя в кабинет, Протопопов понял, что крепко устал и вымотался настолько, что даже не стал проводить вечерней разминки. Послонулся немного по кабинету без цели, даже ещё поработать думал успеть, но стоило присесть на диван, как он тотчас заснул в том, в чем был одет.

Последующая ночь выдалась крайне беспокойной и изобиловала неприятностями. Часов в десять вечера звонил телефон, но когда министр заставил себя разлепить глаза и снять трубку — звонок прекратился. Потом звонили снова, на этот раз Протопопов подскочил сразу, и услышал в динамике голос царя, который сообщил, что решил уволить министра с должности и уже выдал соответствующее распоряжение за Всемиловейшей подписью.

Что это сон, стало понятно в тот момент, когда царь начал петь своим хорошо поставленным голосом:

*Расцветали яблони и груши
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...*

Протопопов положил трубку, когда Николай зашёл на второй куплет и снова провалился в сон... или и был в нем. Кто же там разберёт?

Всю ночь он ворочался, перекатывался с боку на бок, весь вспотел. Снился ему то снова царь Николай, который одна за другой пил рюмки своего картофельного самогона и пел

песни времён Великой Отечественной Войны. То снилась февральская революция и тысячи людей, заполонившие улицы Петрограда. Казалось, что без умолку трезвонит телефон и стучат в дверь.

Где реальность, а где нет — Александр Дмитриевич уже не пытался понять, а провалился в небытие.

Только ближе к утру стало лучше и попустило с кошмарами. Ему приснилась Аликс... воспоминания о которой приятно согрели и вселили уверенность.

Продрав по привычке глаза с первыми лучами солнца, министр долго сидел на краю своего дивана и размышлял, придя к выводу, что просто обязан спасти эту женщину, чего бы это ему не стоило.

Однако одна за другой, выпитые три чашки крепкого чёрного кофе, поставили Протопопова на ноги и от сладостного небытия и фантазий заставили вернуться в реальность, которая была самая что ни на есть суровая.

Последние дни он только и занимался тем, что старательно закладывал фундамент для будущих решительных действий на всех фронтах. Даже не фундамент, нет — он вырыл пока только саму яму для фундамента, в которую теперь было бы неплохо залить цементируемые раствор (и совсем неплохо утопить в этой яме с раствором врагов отечества и предателей).

Но вот незадача — вроде как перед ним и яма есть и огромная ёмкость с раствором заранее подготовлена, а сил перевернуть оную, чтобы устроить потоп вселенского размаха — сил таки нет. В одиночку ёмкость не перевернуть, как ни старайся. Для этого требовалось найти подельника, иначе цементирующий раствор это дело такое — остынет, причём зачастую в самый неподходящий момент. И все усилия тогда отправятся псу под хвост. Понятное дело, что такого сценария хотелось избежать.

Ну а для этого Александру Дмитриевичу предстояло найти новых союзников, желательно сопоставимых с министром по величине и влиянию.

Иными словами, впереди ожидал тяжелый денёк, во многом определяющий. И первую половину дня (до полудня уж точно) Протопопов собирался посвятить поиску лиц, сочувствующих его курсу. Сперва наперво следовало нанести визит к начальнику Петроградского ВО генерал-лейтенанту Хабалову, с которым вчера в чайной министр договорился о встрече с глазу на глаз. По вчерашнему звонку и сквозящему в голосе вояки скепсису, он предположил, что особого желанья иметь дела с Протопоповым у Хабилова нет.

Но если нет — появится.

Дело то наживное.

Главное объяснять доступно.

А уж об этом Александр Дмитриевич позаботится, потому как поговорить с генералом предстояло открыто и честно. Хабалов был человеком старой закалки и Протопопов надеялся что его удастся склонить на свою сторону. Хотя ходили по поводу генерала разные слухи нехорошие. В частности о его некоторых делах с Крымовым...

Но и это предстояло проверить опытным путём.

Договорено было встречаться в девять утра в рабочем кабинете Сергея Семёновича. Хабалов сразу заявил, что он человек дюже занятой и про то про все у него в распоряжении не больше пятнадцати минут на разговор. Поэтому, чтобы не терять драгоценное время, Протопопов, тщательно подготовившись к встрече, вышел из здания министерства сильно заранее. Чтобы к девяти часам, а то и раньше уже стоять у кабинета генерал-лейтенанта.

Шёл министр с теми мыслями, что по ходу диалога ему необходимо будет выяснить какой позиции придерживается Сергей Семёнович по тем или иным вопросам, и чем они могут быть полезны друг другу, как на короткой, так и на более длительной дистанции. Если, конечно, одного или второго не уберут со своего поста раньше времени. Последние месяцы Государь был скор на расправу и плодил чехарду с перестановками ключевых лиц, что далеко не всегда способствовало делу в благоприятном ключе.

По пути к Хабалову, Александр Дмитриевич успел удостовериться лишней раз, что военные, из тех, кто белобилетники и находится в тылу, представляют из себя крайне печальное, если не удручающее зрелище. Шатаются без дела, группами по двое, по трое, а где и больше. Многие пьяненькие, плюют откровенно на царский запрет, при этом ведут себя развязано и пахабно. К горожанам пристают, задирают прохожих и на конфликты провоцируют. Все деморализованы и ни за что не хотят возвращаться на фронт, откуда итак по счастью унесли ноги. Не все правда целые, но зато живые.

К Протопопову, который на встречу с Хабаловым взял своих охранников, такие горе-вояки не лезли. Боялись, что прилетит в ответ и обходили стороной. А вот позадирать одиночек — это как за здрасьте, и главное никакой чести — цеплялись даже к парам, что по понятию Александра Дмитриевича было неправильно.

Поэтому ничего удивительного, что когда подобный инцидент произошёл на глазах Протопопова, министр не прошёл мимо и вмешался тотчас.

По улице никого не трогая шли старик и его молодая внучка, под ручку. На встречу им вышли трое нагрузившихся водкой белобилетников. Один из них видно из госпиталя недавно — голова перебинтована. Старик с внучкой лет восемнадцати решили от греха подальше перейти на другую сторону дороги, но «солдаты» пошли следом. Тот, что с перебинтованной головой перегородил деду с внучкой дорогу.

— Дед, а дед, ты не против, если я с твоей внучкой поразвлекаюсь? — хихикнул он, смотря смуглившейся девчонке на грудь, хорошо так возвышавшуюся двумя аппетитными холмиками под меховой накидкой.

— Пройти дайте, — ответил старик.

Что он ещё мог сказать, когда против него трое, а он один и старый? В том то и дело, что ничего, жить то хотелось. И если бы солдатики его не убили, то покалечили бы уж точно — много ли старику надо, если молодой ударит?

— Дед, а дед, ну ты не жлобь, кто ж тебя с твоей внучкой защищать будет?

Захотали все трое.

Протопопов понял, что дело пахнет керосином и вмешался, попросив своих телохранителей «обождать в сторонке».

Подошёл сзади к солдатам и недолго думая врезал наглецу с перебинтованной головой промеж ног.

— У-у-у... — завыл солдатик, заваливаясь.

Остальные двое было встrepенулись, кинулись в драку. Но как то все сразу у них не туда пошло.

Удар.

Второй.

Оба теперь лежали на земле, держась руками за горло, туда пришёлся удар ребром ладони. Протопопов показал, что старик с внучкой могут идти дальше и выслушал в ответ кучу благодарностей и уверений в глубочайшем уважении. Старик уходя сунул Протопопову

визитку, заверив, что «милостивый государь может обращаться по все вопросам». Вряд ли старик узнал в милостивом государе министра внутренних дел. Протопопов не глядя спрятал вручённую визитку во внутреннем кармане пиджака. Потом снял ремень и связал всех троих за запястье друг к дружке.

— Паша останься и проследи, позвони Кирпичникову, пусть присылает своих и увозит этих нелюдей, — распорядился Протопопов одному из своих телохранителей.

Инцидент только укрепил министра во мнении, что таких людей не должно быть на улицах Петрограда в предреволюционное время. Понимал ли это Хабалов — это только предстояло выяснить опытным путём.

Через пятнадцать минут Александр Дмитриевич уже стоял в кабинете начальника Петроградского ВО.

Хабалов выглядел точно таким, каким Александр Дмитриевич привык видеть его на фотографиях тех лет. Потешные очёчки в тонкой оправе с круглыми толстыми стёклами. Волосы тщательно уложены. Ну и усы — они заслуживали отдельного внимания, выделялись. Усы у Хабалова были длинные, лихо накрученные и безусловно они придавали образу генерал-лейтенанта колорит, а заодно выдавали в нем совсем недавнего атамана казачьих войск на Урале.

Выглядел Сергей Семёнович измотанным и усталым человеком, несмотря на столь раннее время. Вроде и военная осанка на месте, и сам держится как подобает высокой должности, а лицо осунувшееся, уставшее и какое-то безразличное к происходящему. И дело было не в том, что генералу не удалось хорошенечко отоспаться прошлой ночью или что-то его, к примеру, беспокоило из текущих задач. Нет, скорее проблема лежала в плоскости общей усталости от жизни. Сергею Семеновичу было под шестьдесят, своё он отслужил и отвоевался за длительную карьеру военного. Достаточно сказать, что Хабалов был участником ещё Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, закончившейся на минуточку без малого сорок лет назад! И с тех пор Сергея Семёновича помотало знатно.

Воякой Хабалов был опытным, но скорее кадровым, не боевым — из последних 18 лет, он 16 лет преподавал в военных училищах. А с началом войны был назначен военным губернатором Уральской области и наказным атаманом... Видя его уставшее лицо, Протопопов отчётливо понимал, что Хабалову бы на пенсию уйти, но как-то неудобно ему отказать Государю. Вот и мучается, служит.

Связано ли это с общим настроем генерала-лейтенанта или Хабалов имел к Протопопову личную неприязнь, но настроен он был прескверно и холодно. Он сразу дал понять, что к общению не расположен и совершенно не видит в нем очевидного смысла. Возможно сказывался тот факт, что Протопопова Сергей Семёнович недолюбливал из-за курса, проводимого прежним министром... или может из-за курса нынешнего министра, все же?

Хабалов уставился на Протопопова сквозь линзы своих очков, шурясь и прокаркал по офицерски, поставленным голосом.

— А, это вы, Александр Дмитриевич, ну здравствуйте. Я признаться о вас уже забыл и не вспоминал, вы уж простите.

— Главное, что я о вас помню, Сергей Семёнович, — улыбнулся Протопопов, присаживаясь на стул. — Как поживаете, а то выглядите неважнецки.

Хабалов выпучил глаза удивлённо, зачем-то начал какие-то свои бумаги на столе перекладывать, не понимая толком, как реагировать. Наконец, собрался и выдал целую

тираду.

— Послушайте, Александр Дмитриевич, я смотрю у вас в вашем министерстве заняться нечем. Вы бы только остальных под свою гребёнку не равняли. Я кажется говорил вам, что у меня нет времени и что принимаю только по срочным вопросам, безотлагательным? Говорил. Так вы меня, конечно извините, но какого черта вы мое время разбазариваете на пустой трёп?

— Пустой значит? — уточнил Протопопов.

— Не пустой разве? Разговаривать нам право не о чем, а все, что вам следует знать и все, что касается вашего ведомства, касаясь военного округа, находится в полном распоряжении небезызвестного вам господина Балка. Вот и ступайте туда, запросы делайте, все там...

Хабалов не договорил. Потому как перед ним на стол легла одна любопытная бумага, которую Протопопов достал из внутреннего кармана своего пиджака. Подвинул бумагу по столешнице ближе к генералу.

— Ознакомьтесь, Сергей Семёнович.

— Это что за номера?

— Повестка, которую согласно ст. 377 УУС я вам вручаю. Распишитесь.

Хабалов начал читать вслух текст повестки и все больше хмуриться.

— Хабалов Сергей Семёнович, требуемый к следствию по главе 4, статье 108, пункт 6 «Шпионство», 13 января 1917 года в 16.00 обязан явиться по адресу Набережная реки Фонтанки, до 57, для дачи разъяснений. — глаза генерала на лоб вылезли. — Чего?!

— Ах да, — Протопопов достал ручку и зафиксировал на повестке время ее вручения. — Вы, Сергей Семёнович, тоже распишитесь, что получили, так положено.

— Ничего я подписывать не буду!

— Не будете, значит согласно ст. 382 УУС вызовом двух свидетелей из числа ваших солдат или офицеров. Я заявлю им отказ призываемого, то есть ваш, — заявил Протопопов. — И тогда будем разговаривать по другому.

— Это ещё как? — насупился Хабалов.

— А вот так, что по ту сторону дверей крепкие вооружённые ребята стоят. Будем вас арестовывать.

— Генерал-лейтенант Хабалов — шпион? Вы там с ума походили в своём министерстве!

Хабалов вскочил с необычайной для своего возраста прытью. И принялся рвать вручённую повестку на клочья.

Протопопов же резко встал из-за стола и схватил генерал-лейтенанта за грудки. Хабалов опешил, но надо отдать ему должное, не растерялся — потянулся за лежащим в ящике стола пистолетом. Собирался ли он пристрелить Протопопова — неизвестно, но истинным мотивом генерала узнать не пришлось. Министр больно ударил Сергея Семёновича по руке. Поднял генерала из-за стола и впечатал в стену.

Дабы отбить у Хабалова все желание сопротивляться и заодно утомить молодецкую удаль, Александр Дмитриевич подсёк генералу ноги и усадил на пол, напрочь скрутив в бараний рог.

Вот будет картина, если какой военный решит сунуться в кабинет к своему генералу. Министр внутренних дел сидит верхом на начальнике Петроградского Военного Округа. Но никто в кабинет в ближайшие минуты не зайдёт, а если попытается, то окажется

скрученным рядом с генералом — Федя имеет на то четкий приказ. А Федя приказы умеет выполнять, в чем Протопопов успел убедиться лично.

— Отпусти ублюдок, удавлю суку такую, как клопа! — пытался извиваться Сергей Семёнович, брызжа слюной.

— Ты меня лучше послушай, я не буду повторять.

— Убью...

Ладно.

Сам напросился.

Протопопов как следует надавил на грудь генерала коленом выпуская воздух, как из сдувающегося воздушного шарика.

— Пхэ-пхэ-фх... — начал задыхаться Хабалов, жадно хватая ртом воздух.

Зато замолчал.

— Ты сидишь на динамите, старый ты дурень. Своей сморщенной жопой сидишь. И фитиль своими же руками поджег. А как у офицера у тебя видать кишка тонка все исправить. Или не в этом дело?

— Отпусти... — звучало уже не так угрожающе, как прежде. — Не шпион я!

— Мне агентура обратное докладывает, что ты с немцами трешься! О сепаратном мире думаешь, потому развёл здесь черт пойми что! — шипел Протопопов. — Я думаешь к тебе просто так пришёл, повестку вручить? От нечего делать? Так нет же, я предупредить старого дурака пришёл, чтобы одумался и опомнился, пока не поздно.

Протопопов убрал колено, чтобы Хабалов мог отвечать, да и чего не хватало, не задохнулся. Заслышав обвинения в сношениях с Германией, Сергей Семёнович как то разом умерил пыл и натурально испугался. Не испугаешься тут — по 108 статье предусматривалась смертная казнь и оправдательные приговоры по ней не были частым явлением.

— Отпусти... поговорим спокойно, слово офицера даю, не буду больше чудить.

Александр Дмитриевич отпустил, сел обратно на стул. Пистолет на всякий случай поднял с пола и сунул себе за пазуху. Как ни в чем не бывало сложил руки на столешницу.

Генерал медленно выпрямился, поправил свой съехавший мундир. Красный весь. Пошатывается, видать кровь в голову ударила со всей силой напора. Но надо признать, что слова сказанные Протопоповым подействовали на генерала. Не зря Александр Дмитриевич рисковал. Если бы не сработало — Хабалова пришлось бы устранять на месте. После таких дел, если они не задались, в живых собеседников не оставляют.

Слишком много риска.

Хабалов поставил перевернувшийся стул на ножки, присел. Гулко выдохнул. Положил руки на стол, которые ходили ходуном.

— Если такое дело... коли так все... — начал он подбирать слова, да никак не получалось и Хабалов сплюнул с горяча прямо на пол, раздосадованный тем, что не может взять себя в руки, как подобает офицеру.

— Спасибо лучше скажи, Сергей Семёнович, что я будучи вчера у Государя на приеме до его сведения о твоей преступной халатности не дошёл, — сказал Протопопов. — Все думал, что ты справишься...

— Никак я не пойму в чем виновен, Александр Дмитриевич! — отрезал Хабалов. — И в чем мне надобно исправляться?

— Ты видел, что творится с твоим гарнизоном? До какого состояния ты свои части запустил? Мало того, что на фронт тебе отправлять некого, так ты ещё порядок среди них

наводить не наводишь.

— Ну не правда Александр Дмитриевич, — начал оправдываться Хабалов, отводя взгляд и смотря в стол. — Надо ж такое подумать, чтобы я и за мир сепаратный, чтобы генерал-лейтенант Хабалов с Германией екшался! Да я ведь всю жизнь на службе, сорок лет с гаком, патриот до глубины души...

Было видно, что генерал серьезно напуган. При этом, как человек военный, он определено стесняется этого факта и пытается взять себя в руки и показать, что это не так. Но гораздо больше он все же боялся прослыть предателем Родины, ведь это — вопрос офицерской чести и клятвы на присяге.

— А чего тогда Сергей Семёнович ты Государю лапшу на уши навешал, раз неправда? По твоему для фронтовых частей места в Петрограде нет, а для белобилетников и прочих — пожалуйста? — спросил Протопопов, не сводя с генерала свой испепеляющий взгляд.

— Ну я ведь... — Хабалов не договорил, тяжело вздохнул, махнул рукой в сердцах. — Я то думаю откуда кривотолки про сепаратный мир могли поползти. А ты мне вот скажи, Александр Дмитриевич, как на духу, что по твоему я должен с этими солдафонами делать? Распустить? И как ты себе это представляешь? Они здесь все на жалованьях сидят, пригрелись, как у мамкиной сиськи все равно что. Да они меня съедят заживо и косточек не оставят, если узнают, что я велел их частям с Петрограда сниматься. И офицеры им не указ! Да и офицеры тут по большей части... одно название!

— Мне агентура, Сергей Семёнович, примерно вашими словами докладывала. И вы не измену родине милый мой определенно наговорили! Что не скажете — все в угоду немцам, — пожал плечами Протопопов. — А я вам между прочим помочь хочу, так сказать по старой дружбе, помочь искренне. Но видимо придётся таки господину Курлову дело ваше дальше по вертикали пускать. Тут как старому другу могу посоветовать одно — бегите. Времени до судного часа совсем мало осталось.

— Да подождите же вы! — встрепенутся генерал-лейтенант. — Вы на меня столько всего обрушили... ну чем плохо, что такой социально опасный элемент, динамит, как вы выражаетесь, контролируется и финансируется государством? Ну ей богу, господин министр. А ведь если мы распустим или выведем отсюда этих солдат, то потеряем контроль над ними. Так то они у нас за пазухой!

— Позаимствую ка я у вас бумагу, — Протопопов потянулся к канцелярским принадлежностям, кои были в большом количестве представлены на столе генерала. — Вы, видимо, кроме как на пальцах не понимаете.

Министр положил чистый лист между собой и генералом.

— А теперь смотри сюда, голова твоя седая.

Министр написал несколько пунктов на листке, обвёл их, подчеркнул и повернул лист к Хабалову, чтобы тот мог прочитать.

Тот прочитал внимательно.

— Ну так время же военное, Александр Дмитриевич, понятно, что такие проблемы будут? Как без них то? Я, честно признаюсь, не понимаю, куда вы клоните... вот вы пишете мобилизация на фронт, как проблема, среди прочего. Так опять же — война идёт третий год! Вы уж извините, но вы предлагаете людей на войну не мобилизовать? А кто ж тогда воевать будет?! И это я изменник и шпион, раз мобилизацию провожу?! Полноте!

— Понятно то понятно, Сергей Семёнович, и мне, и вам. А понятно ли вам КОГО вы вояки, на фронт мобилизуете? Или вы туда без разбора всех шлете, не разбираясь особо?

Хабалов покачал головой, задумался. Явно не понял вопрос.

— Кого-кого, тех кто попадает под пункты о призыве!

— Без разбору то есть! — повторил Протопопов.

Списков лиц подлежащих мобилизации у Протопопова не имелось, не его это ведомственные дела, как никак. Но Протопопов, читая в большом количестве литературу про февраль 1917 года, хорошо помнил, что одним из пунктов, приведшим к волнениям, стали хвосты за хлебом. И появились они потому, что мобилизации подверглись пекаря, булочники и повара! Все те, кто в условиях слухов о надвигающихся проблемах с провиантом, должны были стать неприкосновенными для военных нужд на фронте. Те последние гаранты безопасности, которые оставались у режима в столице. Делалось ли это сознательно или эти люди по воле случая попали в мобилизационные списки (хотя бывает ли так?), но факт оставался на лицо — из-под самодержавия выбывали ту опору, на котором оно восседало. Ввиду витавшего в воздухе напряжения, связанного со слухами о нехватке продовольствия, эта мера, помимо прочего, и подожгла хранившиеся в Петрограде революционный динамит в оригинальной истории...

— Ну как без разбору... — сказал наконец Хабалов. — Нет такого. Армия это не балаган, господин министр, и мы, военные, любим порядок в делах!

— Поэтому вместо белобилетников, вы на фронт поваров шлете погибать. И в одно прекрасное утро хлеб выпекать в Петрограде станет некому!

Сергей Семёнович вздрогнул. Усы его заходили, зашевелились. И выглядел он при этом крайне забавно.

— Будет вам, Александр Дмитриевич, такие вещи говорите...

— Будет вам, Сергей Семёнович, когда булочные окажутся закрыты. Хвосты появятся за хлебом, фитилёк динамита будет подожжен, — наступал Протопопов.

— Так подавим выступления, первый раз что ли, мы ведь с Балком план тщательный разрабатываем... — буркнул генерал-лейтенант, ерзая на стуле.

— Уж не белобилетниками ли вы выступления собрались давить? По мне, так у ваших солдатиков появится отличный повод примкнуть к волнениям, чтобы не оказаться по итогу на фронте, — прошипел министр.

Хабалов не ответил, но снова начал краснеть, медленно так.

— Динамит взорвется, Сергей Семёнович. Но мой долг было вас о том предупредить, за сим отбываю. И не удивляйтесь, когда вам повестка в следующий раз настоящая придёт. Вы сами роете себе яму, милостивый государь!

Протопопов поднялся из-за стола. Вытащил пистолет генерала и положив на столешницу подтолкнул к Хабалову. Тот совершенно отсутствующим взглядом посмотрел на оружие, но брать не стал.

— Стреляться рекомендую в височную часть, так вы умрете сразу. Всего хорошего, Сергей Семёнович.

Александр Дмитриевич с этими словами зашагал к выходу.

Понятно, что все что он говорил — было правдой лишь на половину, этакой полуправдой. Потому как никакими достоверными сведениями и доказательствами сказанного, министр по сути не располагал. Ровно как и не было оснований обвинять Хабалова в государственной измене. Все о чем говорил Протопопов, он знал лишь из научных работ историков 21 века. А история, как известно, наука не всегда точная и подчас противоречивая. И озвучивая Хабалову «факты» — Протопопов на самом деле приводил

наиболее распространённые гипотезы историков будущего, изучающих эпоху. Вполне могло оказаться, что некоторые сведения не сработали бы и были неправдой.

Но риск оправдал себя.

Протопопов подходил к двери, когда Хабалов окликнул его.

— Господин министр! Милостивый государь! Да погодите же вы уходить! Примите уверение в совершенном уважении и преданности вашего покорного слуги. Я прямо сейчас приглашу к нам господина Балка и он лично убедит вас, что опасаться ровным счетом нечего! Ему то вы поверите, наверняка!

Протопопов остановился, вернулся к столу и сел обратно на стул.

— А знаете что — зовите его сюда!

Хабалов тут же схватил телефон, набрал Балка. Несколько томительных секунд ждал. А потом заорал в трубку, когда соединение установилось:

— Александр Палыч, милостивый государь! Бросайте незамедлительно все дела и спешите ко мне. У нас тут один крайне важный разговор с министром Протопоповым.

Хабалов выслушал ответ, положил трубку и кивнул:

— Сейчас примчит.

Протопопов удовлетворенно кивнул, показывая, что не прочь ждать.

* * *

Господин Балк, как известно был на момент описываемых событий градоначальником Петрограда. На вкус Протопопова назначение Александра Палыча градоначальником столицы было одним из тех решений власти тех лет, которые можно назвать вполне себе удачными по своей сути, но совершенно кошмарными и неправильными по исполнению.

Как и все происходящее в канун февральской революции, назначение Балка было обставлено разного рода кривотолками и закулисными играми.

Прежний столичный градоначальник молодой и энергичный граф Оболенский был уволен со своей должности и отправлен на фронт лишь по тому, что у прежнего министра внутренних дел имелись к нему вопросы. Причём вопросы совершенно необоснованные. И на первый взгляд, Балк эти вопросы не мог решить никак.

Достаточно сказать, что никогда прежде Балк не занимал подобные должности, а более десяти лет до своего назначения трудился помощником Варшавского обер-полицеймейстера. Не самая безответственная работа, конечно, но и разница между столичным градоначальником и товарищем обер-полицеймейстера очевидна более чем.

По итогу, когда Варшава оказалась оккупирована Германией и стала глубоким тылом врага, Александра Палыча перевели в Москву, а в следующем году он и был назначен «Всемилоштивейшим повелением быть Петроградским градоначальником». Назначение произошло через именной приказ Николая и через ходатайство, подумать только кого... самого Протопопова. При том, что собственно сам господин обер-полицеймейстер Варшавы стал чуть ранее градоначальником Ростова-на-Дону. Почему так, а не наоборот, раз уж не терпелось пристроить варшавских «беженцев»? Ну, во первых, жена Балка — Вера Ипполитовна, была сестрой начальника Генерального штаба генерал-майора Занкевича, которому тогдашний Протопопов хотел угодить, а заодно обзавестись связями. Во-вторых кандидатуру Балка поддержал САМ старец. И, наконец, в третьих Балк был давним

товарищем господ Протопопова и Курлова по 1-му кадетскому корпусу. Но при всем этом важно отметить, что у Александра Палыча за плечами был колоссальный опыт борьбы с революционерами, который он приобрёл в Варшаве за 13 лет службы.

Как то так.

Конечно, кандидатура Балка была не единственной, предложенной Государю министром внутренних дел. Но прежний Протопопов прекрасно понимал, что ни генерал-майора Мейера (немецкая фамилия!), ни градоначальника Ялты генерал-майора Спиридовича (Распутина убили, а Спиридович не доглядел), ни военного губернатора Амурской области генерал-майора Хогондокова (этот не нравился Императрице) Государь не выберет.

Вот тебе и выборы без альтернативы.

Все по классике.

На день встречи с Балком в рабочем кабинете у Хабалова, Александр Палыч пробыл в должности около двух месяцев. Но несмотря на вводные данные и кажущуюся неготовность Балка возглавить столицу, нельзя было сказать, что Александр Палыч отбывал на своём посту номер.

В новой должности ему удалось применить прежний опыт в борьбе с забастовками рабочих и уделить внимание продовольственному снабжению Петрограда.

Таким образом, получалось, что Балк был союзником прежнего Протопопова и министр мог в определенной степени рассчитывать на его содействие и всяческую помощь. Поэтому появление Балка выглядело весьма желательным.

Конечно, теперешний Протопопов отдавал себе отчёт, что реальных дел с Балком сделать не получится — слишком мелок Александр Палыч для такого рода целей. Не окреп ещё с политической точки зрения. Но при этом Балк человек крайне амбициозный и далеко не безнадёжный. С тех пор, как наш герой оказался в новом для себя теле, он регулярно получал от Балка записки, в которых градоначальник подробно докладывал о текущем положении дел в столице. И надо сказать, что по характеру этих записок можно было предположить, что со своей работой Александр Павлович на «ты».

С такими мыслями Протопопов ожидал встречу с градоначальником в кабинете совсем потухшего Хабалова. Так получалось что старого генерала обвиняли по сути в том, что ещё не произошло, но к чему были предпосылки. Но судя по тому что Сергей Семёнович «хавал» это, Протопопов попал в точку.

Точно также предстояло убедить Балка, что действовать требуется на опережение и с некоторым запасом.

Посмотрим, что из этого выйдет.

Балк прибыл минут через двадцать после звонка Хабалова и запыхавшийся появился в дверях кабинета.

Поприветствовал генерал-летейнанта и министра. Опустился на стул и прежде чем говорить тщательно вытер платком выступившую на лбу испарину.

Как не трудно было догадаться, Александр Павлович был ровесником Протопопова. Роста среднего, сложен крепко, но узок в плечах. Борода и усы аккуратно подстрижены, с сединой. Лысеет.

— Господа, что за спешка ей богу, — спросил он, явно взволнованно.

Протопопов помнил, что несмотря на то, что Варшаву заняли немцы, Балку не доводилось участвовать в боях. Ни тогда, ни когда либо до или после этого. При этом

Александр Палыч носил, ничуть не смущаясь ордена и медали разного степени достоинства. Тут тебе и орден Святого Владимира третьей степени и Святого Станислава второй и третьей степеней... ну и светло-бронзовая медаль за успешное выполнению всеобщей мобилизации на начало военных действий.

— Беда Александр Павлович, если все так, как Александр Дмитриевич говорит, — на одном дыхании сказал Хабалов. — Министр уверяет, что мы с вами не доглядели. А я уверяю, что вы его сможете убедить в обратном. И все это не более, чем недоразумение.

— Что же мы не доглядели, любопытствую? — спросил Балк.

Хабалов положил перед ним листок, исписанный Протопоповым, с теми самыми тремя пунктами, откуда может прийти беда в Петроград.

Градоначальник взял его в руки, скользнул взглядом, прищурился.

— Вздор стало быть. Александр Дмитриевич вы не читали разве мои записки? Я ведь там по каждому из ваших пунктов подробно изъяснялся, — Александр Палыч вытер о штаны вспотевшие ладони. — А вы, Сергей Семёнович, с вами же вместе вырабатываем план совместных действий полиции и войск в трех вариантах! Чего вы министру об этом не говорите?

— У нас разрабатываются, да, — закивал Хабалов. — Говорю, подтверждаю. Если забастовка будет, если уличные демонстрации случатся или не дай бог в бунт перерастёт. На все случаи готовимся.

— Разрабатываем, это мало сказать, Сергей Семёнович, — довольно хмыкнул Балк. — Я же вам, Александр Дмитриевич, опять же в своих записках докладывал, что мы держим руку на пульсе революционных настроений. И через пару дней положу вам на стол подробнейший и полноценный план, над которым мы ежедневно работаем не покладая рук. Все под контролем!

Балк смял лист с каракулями Протопопова и бросил в пепельницу на столешнице.

— К пятнадцатому числу край я представлю вам готовый план охраны столицы с размещением войсковых и полицейских частей. В нем Петроград будет поделён на участки, согласно числу запасных батальонов гвардии. Остаётся согласовать некоторые нюансы с Чебыкиным и все будет готово для исполнения.

Протопопов посмотрел на брошенный в пепельницу лист.

— Мне бы ваше спокойствие, господин градоначальник.

— Ну так работаем, о волнениях мы прекрасно осведомлены, — улыбнулся Балк, лицо его посветлело.

Видимо идя к Хабалову, градоначальник полагал, что случилось гораздо более серьезное ЧП, а уперлось все обсуждение возможных волнений и беспорядков, в этом вопросе Балк чувствовал себя как рыба в воде.

— Дело куда серьёзней, чем можно предположить, — заметил Хабалов.

И генерал-лейтенант тут же рассказал градоначальнику, что в списках мобилизационных могут оказаться пекари и повара, которых там быть не должно по определению.

— Проверим... быть такого не может быть! — изумился Балк. — Это ведь какая беда бы приключилась, если не доглядели бы. Мне неудобно перед вами Александр Дмитриевич, что вам вмешиваться пришлось. Итак люди в городе как на иголках сидят, талдычат о надвигающемся кризисе и о введении продовольственных карточек. И никому ведь не докажешь, что хлеба у нас достаточно и для этого приняты всевозможные и

всеохватывающие меры.

— Я бы не был столь уверен, — не согласился Протопопов.

— Чего нет, работа колоссальная проведена?

— Если не вы, господин Хабалов и не вы, господин Балк, велели призвать для отправки на фронт поваров и булочников, то тогда кто-то это в обход вас сделал?

— Ну... да, — нехотя согласился градоначальник. — Нехорошо получается.

— А теперь задайтесь вопросом, кому это выгодно Петроград без хлеба оставить и главное для чего?

Хабалов и Балк переглянулись выразительно, но сказать ничего не сказали.

— Одно я могу сказать точно — не с той стороны мы за решение проблемы берёмся. Думать надо не о том, как горожан успокоить, а о том, как им повод к волнению не давать, — заявил Протопопов. — Тогда будет спокойствие.

— Так они если поводу не будет, то найдут, вы же знаете сам Александр Дмитриевич. Знаете как это работает и за чей счёт праздник. Сотня другая начинает людей кочегарить, а остальные присоединяются.

— Знаю, — согласился министр, только тех, кто готов бастовать без повода — сотни, а с поводом тысячи и десятки тысяч. Вот именно повода мы и не должны им дать. Ну а тех, кто без повода начнёт бастовать, — Протопопов провёл большим пальцем поперёк шеи. — Жалеть таких не станем. Остальные, повторю, без повода не пойдут ни на какую забастовку.

— И как вы видите возможным такие поводы убрать? — поинтересовался Хабалов.

— Зима у нас выдалась тяжелая, проблемы хлеба не решить до конца, как не старайся. Любая непогода, любой снегопад и начинаются сложности с поставками. Но нам обязательно нужен некий неприкосновенный запас. И получить мы его можем при решении двух вопиющих проблем. Номер один — это спекулянты, которые торгуют нашим хлебом втридорога с той же Финляндией. И номер два — мы должны изменить ситуацию с нашей полной беспомощностью в контроле за снабжением столицы. Контроль снабжения должен быть передан в руки министерства внутренних дел из лап общественных организаций.

Балк при этих словах аж закашлялся, настолько мало общего пожелания Протопопова имели с реальностью

— Саш, ты пытался ведь, не вышло ничего, — растерявшись, Балк даже на «ты» перешёл несмотря на присутствие Хабалова.

— Значит надо повторить, только на этот раз не пытаться, а сделать.

Протопопов вытащил из внутреннего кармана пиджака еще один документ, который готовил к встрече. Несколько десятков скреплённых между собой листков. Доклад агентства Глобачева, внедрённой на производственные предприятия по министерской указке. Внутри — комментарии самого Протопопова, сделанные на полях карандашом.

— Изучите. И мы встретимся с вами снова, господа, я хочу слышать ваши впечатления и предложения. А на сим вынужден откланяться — дела.

Протопопов пожал обоим руку и вышел из кабинета, оставив Хабалова и Балка наедине с их мыслями. Все, что мог сделать министр на данную минуту — он сделал. Он попытался указать этим господам «верный путь». Теперь шаг за ними. Протопопов вовсе не исключал, что и Балк, и Хабалов, заверяя его в искренней верности государственным делам, на самом деле делали обратное. В конце, концов дела, порученные им Государем, шли куда более, чем отвратительно. Одним из них управляли генералы из ставки и если даже не напрямую, то через моральное воздействие. Вторым управлял Земгор.

Забавно, что с какой стороны не глянь и как не зайти — все дороги вели в Москву к небызывестному господину Гучкову.

Но собственно гнойник Гучкова и положен был скрыть доклад Глобачева, который Протопопов оставил на столе.

День же только начался и впереди Александра Дмитриевича ожидали другие дела.

*«Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит её — но вот беда,
Что дело не дойдёт до рвоты».*

Тютчев

Год 1917, январь 13,
на улицах Петрограда.

В начале одиннадцатого утра, Протопопов в сопровождение своих верных охранников, шёл по улицам Петрограда.

Суббота.

В 1917 году это был такой же обыкновенный рабочий день, как и привычные человеку из 21 века понедельничко-пятницы. Поэтому людей на улице шастало немало, даже в утренний час.

Столица, чего там. И уже сто лет назад темпы повседневной жизни в Петрограде были довольно высоки.

И это несмотря на крепкий морозец, что пар изо рта валил клубами.

Настроение после разговора с господами Хабаловым и Балком было достаточно приподнятым и в целом состоявшаяся в рабочем кабинете начальника Петроградского Военного Округа беседа внушала некоторый оптимизм по дальнейшему развитию событий. Хорошему настроению определённо способствовал снег, крупными хлопьями срывающийся с небес. Снегопада, чтобы прям таки ух, не было, но и этого хватало поддерживать «зимний вид» города с белыми крышами домов и множественными сугробами на улицах.

Погода определённо радовала местную детвору, которой мороз был только в удовольствие и на потеху — мелюзга охотно лепила снеговики, играла в снежки и не мёрзла. Один из таких снежков, кстати, угодил прямо в Протопопова, а ещё один в Федю. Малолетки заржали, как кони и бросив своего недолепленного снеговика принялись улепётывать со всех ног.

Охранник было собрался догнать хохочущих пацанов и оборвать уши, чтобы не повадно было, но Протопопов отмахнулся — хай играют. Сам что ли Федя не такой был?

Но провожая улепётывающих пацанов взглядом, на миг Александр Дмитриевич вдруг подумал, что если ничего не изменится в самое ближайшее время, то всего через месяц с небольшим, этот белый снег окрасится красным, под цвет проливающейся крови революционеров, которые вряд ли будут ведать, что на самом деле творят. И лететь будут тогда уже вовсе не снежки, а что потяжелее...

От этой мысли настроение как то сразу испоганилось и изменилось на рабочий лад. Протопопов вздохнул полной грудью. Но так наверное и лучше, нечего от проблем отвлекаться, покуда они не решены и ситуация не изменилась.

Особое внимание Александра Дмитриевича этим утром привлекли киоски с прессой и шатающиеся неподалёку от оных столичные продавцы газет. Продавцы, по большей своей

части, работали от агентств печати и распространяли сразу несколько наименований газет типографской продукции. Они были одеты в полагающуюся форму тёмного цвета с яркими петлицами, в данном случае красные. На зимней меховой шапке крепилась пластина с незатейливой надписью «Газетчик» и номером. Сами газеты эти ребята носили в специальных кожаных сумках, размером со стандартный печатный газетный лист. Можно было предположить, что такой работе при минусовой температуре завидовать не приходится (ну сколько ты проходишь по улице на морозе, не отморозив пятую точку, никакой прибыли не будешь рад), но судя по тому, что видел Протопопов, замерзнуть они попросту не успевали. Газеты, как правило, разбирали быстрее, чем горячие пирожки на Киевском вокзале времен молодости нашего героя. Желających читать новости и быть в курсе происходящих в стране событий, всегда было не мало. Ну а в такое беспокойное время, что наступило в государстве сейчас, количество интересующихся политикой ото дня на день росло в прогрессии. С какой стороны не заходи, но пресса по сути была единственным доступным и работающим способом (ну кроме слухов и кривотолков, да и те не шибко ныне были в ходу после жестких запретов на спиртное и закрытие большей части питейных заведений) получить актуальную и самую свежую информацию и утолить информационный голод граждан. Так то в 1917 году не было ни социальных сетей, ни мессенджеров, ни интернета с новостными лентами, с помощью которых было бы возможным следить за событиями в режиме онлайн. Не было даже радио и телевизора. А голод, как известно не тетка, пусть и информационный.

Вот и выползшие на улицу люди в это субботнее утро облепляли продавцов газет, поджимая с разных сторон и обносили подчистую. Каждый из горожан, заведя продавца охотно расставался со своими кровно заработанными копейками, чтобы взамен приобрести свежие выпуски газет на свой вкус. И приобретши, люди (из числа тех, у кого особо не было дел и они слонялись по Петрограду как зеваки) собирались кучками. Шло активное и живое обсуждение прочитанного и следующее за этим перемывание костей по поводу и без. Правда повод последние дни действительно имелся самый что ни на есть подходящий. Главной темой заголовков подавляющего большинства газет (что стало возможным не без участия самого Протопопова, разумеется) стала тема стремительно набирающего обороты скандального журналистского расследования о деятельности преступной террористической группировки. Той самой, присутствие которой вскрыла статья Александра Амфитеатрова в «Русской воле» несколько дней назад.

Само расследование касалось членов думского большинства из состава небезызвестного Прогрессивного блока. Тема была поднята настолько удачно и своевременно, что на неё трепались все кому не лень. Каждый находил в скандальном расследовании отклик и возможность слить накопившийся негатив на фигурантов расследования.

И идя по улицам Петрограда, Протопопов слышал краем уха то здесь, то там все эти бурные обсуждения, стараясь улавливать настроения людей и ход их мыслей.

С каждым новым выпуском журналисты все глубже прорабатывали тему «террористов» и обсасывали ее со всех сторон. В «деле» террористов появлялось все больше фигурантов и подозреваемых. Звучали все новые реальные имена и подробности мотивов деятельности обвиняемых. Газетчики, не без помощи информации из министерства внутренних дел (взбросами для прессы курировал лично генерал Курлов по заданию Протопопова) продолжали методично закручивать гайки, хотя все больше это напоминало вбитие гвоздей в крышку гроба. Не просто так кадет Милюков забил тревогу на самом высоком уровне —

добрались ведь уже до него, совершенное не считаясь с его авторитетом. И самое забавное, что Протопопов не потратил на развязанную информационную войну (хотя тут вернее говорить об информационном избиении в одностороннем порядке) ни рубля из средств своего министерства. Жадные до сенсаций, охочие до продаж, газеты несли тему «террористов» на руках прямо к читателю, потому что она хорошо продавалась. Также, как сейчас выворачивалось на изнанку думское большинство, также когда-то был вывернут и выпотрошен небезызвестный старец Распутин. И известно, чем закончилась для Распутина проигранная информационная война.

Понятно, что Прогрессивный блок размещал в прессе статьи с опровержениями всяких обвинений и надо отдать должное, начал это делать едва ли не на следующий день. Статьи шли в большом количестве, реагировали на все появляющиеся выпады своевременно и оперативно. Но к какому-либо результату это не приводило. Статьи, заказанные Прогрессивным блоком, были нудные и скучные, без перчинки и не имели никакого ощутимого эффекта, прежде всего потому, что никого не обвиняли и не обличали. Хотя писались статьи лучшими журналистами того времени, за большие деньги.

От того все эти попытки опровергнуть доводы массового журналистского расследования были не более чем реакцией и защитой и простой читатель их даже не читал, а пролистывал.

Да и смотрелись эти попытки оправдаться откровенно нелепо. Как если бы пришлось поймать с поличным обвиняемого в краже варенья, который отрицает свою вину, а у самого варенье на губах не высохло. Все как-то жалко, робко и как будто бы только подтверждает, что рыльца у членов прогрессивного блока в пушку.

В мясорубку журналистского расследования с лёгкой руки министерства внутренних дел угодили ряд видных членов Прогрессивного блока. Октябристу Меллер-Закомельскому вменялась передача Общества Кыштымских горных заводов под управление иностранного капитала (о провальных попытках прежде получить государственное субсидирование, дабы избежать перехода предприятия по контроль Англии, газетчики умолчали). Журналисты праведно задавались вопросом, ставя его довольно остро на повестку дня — как человек, который развалил такое крупное производство всего за несколько лет, может быть действующим членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом?

Фарс.

Если, конечно, перед Особым совещанием не стоит цели развалить отрасль в труху.

Досталось председателю бюро блока, видному левому октябристу Шидловскому. Этот обвинялся в крупных финансовых махинациях и недобросовестности при покупке имений для перепродажи крестьянам, как член Совета Крестьянского поземельного банка. Под раздачу попали прогрессисты Ефремов, Коновалов, чьи имена мелькали в статьях, ну и многие другие там тоже успели так или иначе засветиться...

Протопопов подошёл к продавцу газет от издательского дома Сытина и окинул его взглядом, выбирая какую бы прессу почитать. Выбор был действительно большой — что называется любая политическая, литературная, стилистическая и прочая направленности.

— Что порекомендуете сегодня к чтению? — осведомился министр.

— Все свежее. Любую берите, не ошибётесь в выборе, Иван Дмитриевич Сытин, как известно, плохое не издает, ни издавал и издавать не намерен.

Протопопов, поразмыслив, остановился в итоге на газете «День». Заплатил за оную

запрашиваемую продавцом сумму в три копейки, что было дороже ее покупки не только по подписке, но и в киоске через несколько десятков метров. Редактора этой газеты, господина Жуковского, хорошо знал прежний министр внутренних дел, они общались не раз и только за последний год имели несколько встреч. Газета выходила каждый день и занимала оборонческую позицию все время войны.

Полюбопытствуем, что пишут господа журналисты.

Александр Дмитриевич открыл газету и на первой же полосе увидел крайне занимательную карикатуру на Прогрессивный блок, в частности его лидера кадета Милюкова.

Маленький карикатурный Павел Николаевич больше похожий на ребёнка сидел на ручках у человека, смахивающего на английского посла Бьюкенена. Дабы читатель, не знавший посла в лицо, не ошибся, пиджак Бьюкенена был цвета английского флага. Посол кормил лидера Прогрессивного блока с ложечки английскими фунтами стерлингов, что похоже карикатурному Милюкову очень даже приходилось по душе.

В статье, которая приводилась ниже под иллюстрацией, обозначалось, что Милюков слишком часто гостит у английского посла в последние месяцы и журналисты начали это замечать. Также выдвигалось предположение, что из Лондона координируется думская антиправительственная компания, что и обуславливает и одновременно объясняет факт крайне болезненного и негативного настроения Прогрессивного блока к правительству.

В тот момент, когда Протопопов дочитывал статью, к продавцу газет подошли трое крепких мужчин, но при этом настолько не примечательных, что никогда не обратишь на них внимание, если он сам своего внимания на себя не обратят.

Цензура.

Все как по заказу.

И как нельзя кстати — во время.

Двое из них аккуратно взяли продавца газет под ручки, дабы тому не задумалось дать деру. Третий снял сумку с продавца, достал оттуда газеты, начал перебирать и откладывая часть из них в свою точно такую же сумку.

Молча.

Без вопросов, без объяснений, как будто бы так оно и надо.

По итогу у продавца осталось парочка каких-то литературных журналов с потугами драматургов тех лет и, кто бы мог подумать, та самая газета «Русская воля», открестившаяся от темы «террористов» почти сразу после смерти Александра Валентиновича Амфитеатрова, собственно запустившего волну «хайпа».

Однако на этом цензоры не остановились, а стали наглým образом подходить к горожанам, купившим газеты и отбирать газеты у них из рук.

Не узнав министра, который был одет просто и неприглядно, чтобы не выделяться из толпы (хотя попробуй тут не выделяться, когда с тобой по пятам ходит группа молодых крепких ребят), цензоры наглým образом вырвали газету «День» из его рук.

— Конфискуываем, — на этот раз пояснил один из них. — Идите куда шли, милостивый государь, не надо толпиться и привлекать внимание. И нас провоцировать тоже не обязательно.

Федя напрягся, когда цензор забирал у Протопопова газету и уже всерьёз подумывал прострелить наглецу ноги на месте, но министр жестом показал, что все под контролем и идёт ровно так, как должно идти. Фёдор то о вчерашнем разговоре Александра Дмитриевича

не знал.

Однако, когда забирать купленную прессу начали у другого господина, тот начал в голос возмущаться и говорить, что он заплатил за газету и отдаст ее ровно тогда, когда ему вернут уплаченное.

— Немедленно возвращайте потраченные средства! — отрезал он и засунул газету себе за пазуху. — Сначала возвращайте мне три копейки, решено!

Ещё один возмущённый действиями цензоров сказал, что отдавать ничего не собирается, пока не прочтает газету от корки до корки. И вообще — это его законное имущество, купленное между прочим. Он с этими словами демонстративно открыл свою газету и начал пролистывать, жадно читая, хотя и вряд ли что-то усваивая.

Ну и, наконец, невзрачный на вид старикашка, вовсе предположил, что изымают газету потому, что Милюкову, изображённому на карикатуре, глаза режет правда и Павел Николаевич всячески от нее отнекивается.

Закончилось для всех троих одинаково печально, как впрочем и предсказуемо — цензоры применили физическую силу под улюлюканье толпы из «кружка», в котором стояли горе-читатели. Но газеты они таки забрали и присвоили себе.

— На воре шапка горит, — истошно верещал старик, заподозривший нечистоплотность Милюкова. — Павла Англичановича прикрывают стало быть!

Протопопов не стал наблюдать за тем, как разворачивались события и пошёл дальше, кивком показав своим телохранителям, чтобы те следовали за ним. Мало ли придет в голову Федьки и остальным удальцам вмешаться из-за повышенного чувства справедливости. В этот момент Протопопов совершенно случайно наткнулся на листовку, лежащую на снегу у самых его ног.

Поднял.

Отряхнул.

Вчитался.

Бумага листовки не успела испортиться, а значит бросили ее здесь совсем недавно.

И отпечатано листовка была судя по всему всего несколько часов назад, еще свежей краской пахнет.

«Не верьте клевете и слухам! Государственная Дума IV созыва собирается раньше положенного времени и открывает сессию 16 января! Милюков П.Н. даст исчерпывающее и всеобъемлющее объяснение происходящему с думской трибуны. Выступление Милюкова П.Н. будет растиражировано в прессе, чтобы каждый мог с ним ознакомиться»

И подпись — члены Прогрессивного блока, число сегодняшнее.

Протопопов дочитав сие послание воткнул его в ближайший сугроб, чтобы любой другой человек мог взять листовку и точно также ознакомиться. Хотя и без того, Александр Дмитриевич увидел, что подобные листовки разбросаны по улицам Петрограда и многие горожане держат их в руках и ознакамливаются с содержимым. Потом вовсе заметил невзрачного молодого человека, который эти листовки незаметно так разбрасывал, стараясь не привлекать к себе особого внимания. Очередная попытка Прогрессивного блока отыграться и вернуть потерянные политические очки.

А меж тем действия цензоров, решительные, но совершенно незаконные, продолжали будоражить толпу. На подмогу к тем троим пришли другие цензоры, начав натурально

грабить газетный киоск. Люди не понимали, отчего цензура забирает газеты и такое поведение цензоров пробудило ещё больший интерес горожан к конфискуемой прессе. Они хватали газеты, пытались не отдавать уже купленную прессу и поскорее прочесть — что же такого от них скрывают и чего им не положено знать в столь непростое время. И запретным плодом раз за разом и в разных изданиях оказывались статьи, обличающие деятельность членов Прогрессивного блока — земельные, денежные и прочие аферы, в которых обвиняли депутатов, уличая их едва не во всех существующих смертных грехах...

На листочки распространённые блоком никто не обращал внимание, по крайней мере пока, а если и обращал то сразу отбрасывал за ненадобностью, не находя в них ничего интересного и занимательного. Листовки рвали, топтали, выбрасывали...

Кульминацией возмущений стало то, что люди наконец заметили, что единственная газета вещавшая на политическую повестку, но ничего не пишущая о скандале с террористами, оказалась не конфискована.

Речь шла о «Русской воли».

Люди заметившие эту несправедливость возмущались.

Когда Протопопов уходил с места описываемых событий некоторые особо ушлые горожане начали громить газетный киоск. Продавцов прессы уже как ветром сдуло с улиц. Кому же захочется получать тумачков?

Возмущения петроградцев были искренними, единичными и неорганизованными и таких горе-активистов тут же арестовывали, подоспевшая на место полиция, как под заказ...

Когда господин Протопопов возвращался на Набережную реки Фонтанка, по Петрограду уже катилась волна народного возмущения. Люди выходили на улицу — кто-то чтобы разобраться в происходящем, а кто-то просто пошуметь от скуки и найти себе хоть какое-то развлечение. Народ обвинял Прогрессивный блок во всех смертных грехах. И, пожалуй, впервые за несколько месяцев радикалы не имели никакого отношения к происходящему. Они попросту оказались к этому не готовы и не могли обуздать вдруг вспыхнувший народный гнев с пользой для себя.

В министерство Протопопов вернулся к полудню, сделав внушительный крюк по Петрограду. Там ему доложили, что вчерашний приказ выполнен и преступник, покусившийся на жизнь министра, задержан.

— Приведите его сюда, — распорядился Александр Дмитриевич, потирая руки.

Через минут десять, когда Протопопов уже успел заварить горячий чай, чтобы согреться, в кабинет к министру завели молодого человека лет двадцати пяти от силы. Сыщики сработали крайне оперативно — Протопопов сразу вспомнил рожу бандита, одного из трёх грабивших меньшевика Чхеидзе в темном переулке.

Министр приказал развязать бандиту руки и оставить их в кабинете наедине. Сыщики поколебались, но Александр Дмитриевич был непоколебим.

— Присаживайся, — Протопопов подвинул к бандиту чашку чая. — Угощайся и чувствуй себя как дома.

Преступником оказался небезызвестный член столичной банды Чугуна, свирепой и одной из самых жестоких преступных группировок, которая начнем греметь сразу после революции. Сейчас банда только набирала ход и приобретала почерк, а их основатель и бессменный лидер Чугун — Ванька Кузнецов, начал свою преступную поступь после дезертирства из рядов армии. Кстати, его братец легендарный в воровской среде Яшка Кошелёк ещё не начал своё дело вовсе, только через пару лет Яшка прогремит со своей

выходкой, когда отберёт машину у лидера мирового пролетариата Владимира Ленина.

Так вот преступник, которого завели в кабинет Протопопова, был рецидивист и член банды «первого набора» — Федька Каланча.

Каланча хмыкнул, сел напротив Протопопова, перекинув нога на ногу и достал самокрутку. К чаю он не притронулся — запахло пить с фараоном.

Федька прикурил и уже сделал первую затяжку, когда Протопопов выхватил сигарету из его рта и поломал.

Федька насмешливо поднял руки — понял, в кабинете у министра не курим.

Александр Дмитриевич долго высматривал глаза Каланчи, чтобы посмотреть в них, но глаза Федька бегали и не задерживались по долгу в одном месте. Тот ещё жучара. А когда их взгляды, наконец встретились, Федька игриво подмигнул Протопопову.

— Че зенки вылупил?

Настал момент сделать банде одно любопытное предложение.

Они долго говорили.

Вернее поначалу говорил в основном Протопопов, а рецидивист Федька Каланча только слушал. Но потом бандит быстро врубился что к чему и подстроился под обстоятельства. Когда Федька понял, что Протопопов его сюда для дела позвал, то сразу изменился в ту же минуту — подобрался весь, сразу посерьёзней. Глаза бегать перестали, дебильная улыбочка исчезла. И раз, как бы так между прочим, чай пить стал.

Разговаривали около часа, а потом Федька Каланча первым протянул Протопопову руку и пожал крепко.

Зашедшим за Каланчой сыщикам, Александр Дмитриевич велел отпустить бандита восвояси. Все объявления с Федьки были сняты лично министром внутренних дел.

Следом в кабинет министра по вызову явился другой любопытный человечек. Никаким крупным начальником, руководителем или что-то вроде того, этот человек не был отродясь, как и не был он рецидивистом. Зато Михаил Алексеевич представлял из себя другую ценность. Он был техником станции техобслуживания автомобилей РБВЗ, располагавшейся в Петрограде на Эртелевом переулке, 10. И в целом Михаил Алексеевич был человеком, у которого руки растут из того места, откуда они должны расти у мужика. Федька то и дело нахваливал Мишку техника, когда разговор заходил об автомобилях.

— Присаживайтесь, Михаил Алексеевич, — пригласил гостя к столу Протопопов и снова предложил тому чувствовать себя, как дома.

Мастер был весь перепуган и зажат — ну как чего бы тебя вдруг вызвали в кабинет самого министра, явно ничего хорошего ожидать не следует.

Он подошёл, присел.

Самый простой мужик, на таких и держится любая страна.

— Отремонтировать милостивому государю Александру Дмитриевичу что-то надобно? Мотор сломался? — осведомился Михаил Алексеевич, не дожидаясь вопроса. — Починим, умеем.

— Не починить надо, Миша, а сконструировать, — мягко сказал Протопопов. — Одно любопытное изделие, скажем так по индивидуальному заказу.

Техник видно было успокоился, расслабился.

— Что нужно, делитесь, а мы на РБВЗ что-нибудь придумаем в меру возможностей скромных.

Ну на счёт скромных возможностей завода, это Михаил Алексеевич, мягко говоря,

преувеличивал.

Протопопов, порывшись в ящике стола и достал оттуда выпуск газеты, на днях попавшийся ему на глаза. В ней в одной из статей автор с восхищением рассказывал он некоем чуде американской производственной мысли от компании Autoped Company, располагавшейся на Лонг-Айленде в Нью-Йорке.

Речь шла о электрическом самокате. Мол, если бы нечто подобное удалось внедрить и затем наладить широкое производство в Российской Империи для государственных нужд, то был бы в положительную сторону решён вопрос с нехваткой топлива, мобильностью и другим, другим другим. Конечно, все эти рассуждения автора статьи были не более чем словесным поносом, а сама статья оторвана от реальности (что автор статьи наверняка понимал сам), но интересовал «карликовый автомобиль» исключительно по другой причине. Автопед имел крайне любопытную систему управления через рукоятку руля и колонку рулевого управления. Чтобы начать движение, достаточно было толкнуть колонку от себя, а чтобы тотчас остановиться, напротив потянуть колонку на себя.

— Что-то такое вы можете сделать у себя? Чтобы нажал на колонку и вперёд едешь, на себя потянул — остановился.

Михаил Алексеевич взял снимок, поглядел.

— Обижаете, Александр Дмитриевич. Ну не чтоб прям такой, конечно, но сделаем запросто и будет не хуже, — резюмировал он после нескольких минут разглядываний Автопеда на газетном снимке. — Мы, милостивый государь, лучшие в мире моторы изобрели и вот этот ваш автопед без проблем сконструируем.

— Мне автопед не нужен, — покачал головой министр.

— А что тогда? — уточнил техник.

Протопопов поднялся, сходил к кладовой и выкатил оттуда инвалидное кресло, которое припарковал возле стола. Сиё кресло Протопопов велел прикупить одному из своих охранников накануне. Техник осмотрел кресло, быстро смекнув, что от него хотят.

— Вопрос цены. Платите и мы хоть на Луну полетим, если на то будет спрос. Прямо на вашей этой коляске, — расплылся в довольной улыбке техник, пожимая плечами.

— Понятно, Миша. По цене сойдёмся, заплачу столько, сколько скажешь.

— К какому числу вам эскиз представить, Александр Дмитриевич?

— Мне не эскиз нужен, а результат. Готовое инвалидное кресло с мотором.

Ещё с полчаса Михаил Алексеевич и Протопопов общались. Техник уточнял пожелания министра, задумывался после того, как Протопопов их озвучивал, но в конечном счёте кивал. Потом техник озвучил сумму за работу в несколько тысяч рублей и это не считая стоимости двигателя. Протопопов не торгуясь согласился.

И Михаил Алексеевич удалился, забрав с собой коляску.

Протопопов сидел в своём рабочем кабинете.

Часы застыли на отметке в час дня.

Впереди ждали встречи с другими начальниками и руководителями своих отделов, среди них с «министром синематографии», теперешним новичком в этом составе. Ну и, конечно, вишенкой на торте должно было стать открытие спортивного клуба «Динамо», с которым у Александра Дмитриевича связывались немалые надежды и ожидания, особенно после разговора с Федькой Каланчой, с которым они ударили накануне по рукам.

Что же, первые две недели пребывания в новом теле завершились и знаменовались они подготовкой основательного плацдарма для будущих решительных действий.

Времени оставалось все меньше, впрочем, это даже не обговаривается. Но та задача которая стояла перед Протопоповым на первых порах можно сказать выполнена в полном объёме. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны Государя (на которую Протопопов рассчитывал на первых порах), министру удалось добиться немалого — настоять на проведении сессии Государственной Думы считай на месяц раньше срока, в который думцы собрались в оригинальной истории.

Основные заготовки для выступления, которое Протопопов планировал были сделаны и открытие думской сессии обедало стать весьма и весьма жарким. Стать неплохим таким подспорьем для «протопоповского прорыва» в решении земельного, рабочего, транспортного и многих других проблем.

Слишком часто в последнее время говорил Александр Дмитриевич.

От слов теперь следовало переходить к делу

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Французское шампанское. В начале XX века Николай II присвоил дому Louis Roederer статус официального поставщика Российского императорского двора

16 сентября 1914 года в Российской империи вступил в силу закон о запрете продажи водки на всей территории страны до окончания Первой мировой войны

Встречал разные варианты написания фамилия Родзянко, в книге остановился на том, что фамилия не склоняется.

Текст взят из записки главы охранного отделения о Государственной Думе и воспроизведен по изданию: Буржуазия накануне Февральской революции. — М.-Л., 1927. — С. 161–163.

заказ на 100 тысяч знаменитых «Кольтов» М1911 из США.

Герман Фёдорович Цейдлер — русский хирург, доктор медицины, профессор.

зверьми называли учащихся 1 курса Николаевского кавалерийского училища.

Аркадий Кирпичников— начальник полицейского сыска в момент описываемых событий

Голицын подал записку, составленную в консервативном кружке А.А. Римского-Корсакова, намечавшую способы укрепления правительственной власти перед лицом оппозиции.

Проходила 19 января — 7 февраля 1917 года в Петрограде

фр. сшито белыми нитками

«сосуд для макулатуры» изобретён Эбботом Гасом Лоу из Хорзшу, Нью-Йорк в 1909, широкого распространения не получил